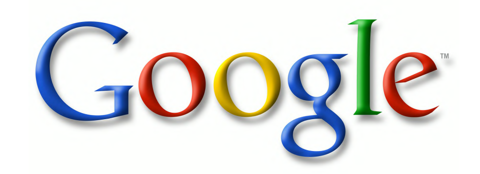
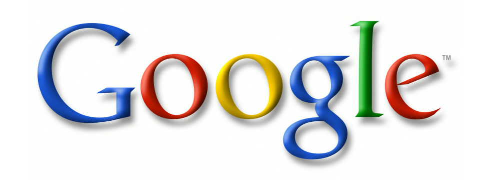

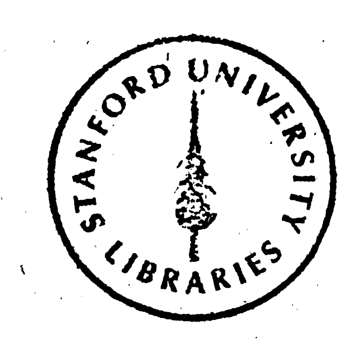
Н. Минскій.

АЛЬМА

ТРАГЕДІЯ ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

ВЪ 3-хъ ДѢЙСТВІЯХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сѣверная Скоропечатня Невскій просп. № 82.
1900.

Vilenkin, N.

Н. Минскій.

АЛЬМА

ТРАГЕДІЯ ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

ВЪ 3-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Сѣверная Скоропечатня Невскій просп. № 82.

1900.

Нѣтъ двухъ путей добра и зла
Есть два пути добра.
Меня свобода привела
Къ распутью въ часъ утра.

И такъ сказала: двѣ тропы,
Двѣ правды, два добра—
Раздоръ и мука для толпы,
Для мудреца—игра.

То, что до нынѣ средь людей
Грѣхомъ и зломъ слыветъ,
Есть лишь начало двухъ путей,
Ихъ первый поворотъ.

Сулитъ единство бытія
Путь шумной суеты.
Другой безмолвенъ путь—суля
Единство пустоты.

Сулятъ и лгутъ—и къ той-же мглѣ
Приводятъ гробовой.
Ты—призракъ Бога на землѣ,
Богъ—призракъ въ небѣ твой.

Проклятье въ томъ, что не дано
Единаго пути.
Блаженство въ томъ, что все равно
Какимъ путемъ итти.

Безпечно, какъ въ прогулки часъ
Ступай тѣмъ иль другимъ,
Съ людьми волнуясь и трудясь
Въ душѣ невозмутимъ.

Ихъ правду правдой отрицай,
Любовью жги любовь.
Въ душѣ меня лишь созерцай,
Лишь мнѣ дары готовь.

Моей улыбкой міръ согрѣй,
Повѣдай всѣмъ, о чемъ—
Съ тобою первымъ изъ людей
Теперь шепчусь вдвоемъ.

Скажи, я свѣточь имъ зажгла
Невѣдомый вчера.
Нѣтъ двухъ путей добра и зла
Есть два пути добра.

ДѢИСТВІЕ ПЕРВОЕ:

Послѣднее звено.

Дѣйствующія лица:

Александра Васильевна Лунина (Альма).
Елисавета Васильевна, ея сестра (Вета).
Николай Николаевичъ Лунинъ (ихъ дядя).
Вячеславъ Ѳаддѣевичъ Стрижъ, докторъ психіатръ.
Софія Семеновна, его жена.
Владиміръ Михайловичъ Будаевскій.
Всеволодъ Васильевичъ Сухонинъ.
Варвара Борисовна, его мать.
Няня.
Тихонъ Іонычъ.

При поднятіи занавѣси тяжелыя штофныя гардины, свѣтло-желтаго цвѣта, широко отдернуты; въ окна глядитъ тусклый зимній день. По рыхлости и сѣрому тону хлопьевъ чувствуется оттепель. На диванѣ, лицомъ къ зрителямъ, лежитъ спящая **Альма**, съ компресомъ на головѣ. У стола сидитъ докторъ **Стрижъ** и читаетъ переплетенную тетрадь; такія-же тетради лежатъ на столѣ. У доктора блѣдное отекшее лицо; онъ видимо борется съ усталостью. Наконецъ, осмотрѣвшись и прислушавшись, онъ быстрымъ движеніемъ вынимаетъ изъ кармана шприцъ и склянку съ жидкостью, разстегиваетъ воротъ рубашки и дѣлаетъ себѣ подкожное вспрыскиваніе въ лѣвое плечо. По лицу его разливается румянецъ. Онъ оживленно шагаетъ по комнатѣ, мѣняетъ на головѣ больной компресъ, причемъ касается губами ея волосъ, потомъ садится на прежнее мѣсто и погружается въ чтеніе. Осторожно входитъ **Николай Николаевичъ Лунинъ дядя Альмы**. До пробужденія больной разговоръ идетъ въ полголоса).

Дядя (*дѣлаетъ вопросительное движеніе рукой по направленію къ Альмѣ*).

Докторъ.

Какъ нельзя лучше. Теперь могу съ увѣренностью сказать: опасность миновала. Это укрѣпительный сонъ послѣ кризиса.

Дядя (*садится у стола; указываетъ на дневники*).

Прочли? И неужто ни одного намека на причину?

Докторъ.

Ни намека. Это совсѣмъ не такой дневникъ, какъ обыкновенно. О событіяхъ жизни ни слова.

Ни фактовъ, ни именъ. Это дневники только настроенiй, мыслей. Дневники незримыхъ событiй,— какъ она сама ихъ называетъ. И за двѣ недѣли до отравленiя они прекращаются.

Дядя.

Вы помните, я просилъ васъ, какъ врача, какъ психiатора, прочесть и сказать мнѣ: писано-ли это нормальнымъ или ненормальнымъ человѣкомъ. (***Перебивая себя.***) Не лучше-ли теперь спрятать тетради? Чтобы не догадалась.

Докторъ.

Вы, кажется, боитесь своей племянницы.

Дядя.

Обидѣть ее боюсь. Она съ дѣтства привыкла властвовать. Еще при покойномъ братѣ. Что Аля скажетъ, то законъ. Добрая и властная — понимаете? И вдругъ эта катастрофа. Долженъ-же я предпринять что-нибудь.

Докторъ.

Во-первыхъ, ея сестра видѣла, какъ я читалъ тетради и даже попрекнула меня! А во-вторыхъ, я самъ сочту долгомъ объяснить Александрѣ Васильевнѣ—

Дядя.

Вета видѣла! Ну, тогда конечно... Ужъ какъ нибудь растолкую. То-же, скажу вамъ, дѣвушка гордая и самовольная. Со стороны смотрѣть—нѣтъ

счастливѣе этихъ сестеръ. Должны вы знать, что не онѣ у меня, а я, такъ сказать, у нихъ живу. Состояніе имъ отъ покойнаго брата. И богатство, и красота, и все. И вдругъ—отравленіе, самоубійство! Я поэтому васъ, представителя науки, спрашиваю: кѣмъ писанъ дневникъ—человѣкомъ нормальнымъ или ненормальнымъ?

Докторъ (*со странной радостью*).

Не нормальнымъ, во всякомъ случаѣ. (*Спохватившись.*) То есть не въ клиническомъ смыслѣ. Автора этихъ дневниковъ нельзя ни посадить въ лечебницу, ни отдать подъ опеку.

Дядя.

Что вы! Кто же думаетъ—

Докторъ.

Я такъ къ слову. И все-же она ненормальна. Болѣзнь характера, болѣзнь убѣжденій, болѣзнь нравственнаго чувства—считайте какъ хотите. Вамъ нужно названіе? Скажемъ: эротоманія.

Дядя.

Что это такое?

Докторъ (*съ увлеченіемъ*).

О, это—болѣзнь самая новѣйшая. Недугъ завтрашняго дня. Изъ десяти современныхъ женщинъ одна эротоманка. Что такое эротоманія? Это—культъ любви, но любви больной и призрачной, любви, которая пуще всего боится удовлетворенія, счастія,

ласки. У эротомана любовь для любви, какъ у скупаго—деньги для денегъ. Что такое скупой? Богатый нищій или нищій-богачъ. Такъ и эротоманки; онѣ вѣчно бродятъ вокругъ да около чувственности, всѣми силами возбуждаютъ чувственность, а потомъ вдругъ отъѣзжаютъ на платонизмѣ. Развратное цѣломудріе, или цѣломудренный развратъ. Ихъ любовь, это—голодъ, но такой, который самъ по себѣ пріятнѣе насыщенія. Понимаете?

Дядя.

Мало понимаю. Но это ничего. Говорите. Я, какъ глухонѣмой. Понимаю только самое простое.

Докторъ.

Чѣмъ вообще разсуждать, лучше прочту вамъ нѣсколько мѣстъ изъ ея-же дневника. Увидите сами. (*Отыскиваетъ въ тетради заложенное мѣсто и читаетъ.*) Ну, хоть бы это. «Борьба за равноправность кажется мнѣ безуміемъ. Зачѣмъ мнѣ, женщинѣ, стремиться быть врачемъ или адвокатомъ или учителемъ, когда я вижу, какую грубую и некрасивую жизнь ведутъ мужчины — врачи и адвокаты и всѣ другіе. Каждый изъ нихъ томится своимъ ремесломъ, художникъ и писатель не менѣе чиновника и ремесленника. Всѣ ищутъ и понимаютъ только самое низкое и грязное счастье—обжорство, пьянство, дешевый развратъ. Исключеніе составляютъ любящіе—на то время, пока они любятъ. И вотъ наше призваніе—зажигать любовь, освѣщать, очищать жизнь любовью. Мы — каста

жрецовъ. Мы однѣ еще умѣемъ заставлять молиться.

Дядя (*разсѣянно*).

Скажите—Мы не мѣшаемъ ей спать?

Докторъ.

О, нѣтъ. А вотъ другое мѣсто (*читаетъ*): «Для того чтобы замѣнить людямъ умершее божество и вернуть имъ забытыя молитвы, нужно быть не только прекрасной, но и недоступной, какъ божество—быть предметомъ недосягамыхъ желаній. И я не знаю за что больше благодарить мнѣ судьбу—за красоту ли тѣла или за чистоту сердца». Что вы на это скажете?

Дядя.

Вы моложе меня,—вамъ понятнѣе.

Докторъ.

Нѣтъ, послушайте только (*опять читаетъ*): «довольствоваться любовью одного человѣка также странно, какъ довольствоваться исцѣленіемъ одного больного. Всѣхъ, кого судьба приведетъ ко мнѣ, я хочу любовью исцѣлить отъ уродства жизни. Но каждый изъ нихъ хочетъ, чтобы его любовь стала единственной. И я лгу и притворяюсь, но развѣ жрецы всѣхъ временъ не лгали? Ложь, это—калоши, въ которыхъ я перехожу въ бродъ черезъ ихъ безсиліе. Но какъ бы хорошо было, если бы наконецъ пришелъ видящій и понимающій, и сказалъ мнѣ: я не прошу у васъ ни счастія, ни

обѣщанія счастья. Я хочу того, чего другіе боятся. Толкните меня въ бездну, чтобы я вѣчно падалъ, вѣчно замиралъ отъ паденія. Спасите меня отъ скуки удовлетворенія, отъ мукъ пресыщенія, отъ возможности успокоиться, осовѣть». Чувствуете-ли вы, сколько вражды въ этихъ словахъ?

Дядя.

Про вражду какъ будто не было.

Докторъ.

О, вы не понимаете! Женщина современная— врагъ. Она мститъ за прошлое, за гаремное рабство, мало-ли за что. Но до сихъ поръ женщина мстила на половину. Она раззоряла, измѣняла, ссорила, но кому нибудь да приносила счастье, хотя бы мимолетное. И вотъ явилась эротоманка. Она также прельщаетъ, манитъ, дразнитъ, но когда мужчина падаетъ къ ея ногамъ, она вдругъ поднимаетъ глаза къ небу и начинаетъ говорить о цѣломудріи, о союзѣ душъ. Она разбиваетъ жизни, ничѣмъ не рискуя. Но за то какой возбуждающій ядъ! Подумайте — вѣчное возбужденіе.

Дядя.

Я думаю, что это все разговорныя мысли.

Докторъ.

Какъ разговорныя мысли?

Дядя.

Ну, да. Не могутъ же молодые люди такъ-таки прямо сказать другъ другу: давай поженимся. Они

всегда передъ этимъ ведутъ высокіе разговоры. Въ мое время говорили о естественныхъ наукахъ и о народѣ. Все едино-съ.

Докторъ.

Вы думаете, что ваша племянница просто искала жениха?

Дядя.

Какъ бы сказать. У нея тутъ былъ цѣлый дворъ поклонниковъ Все больше, представьте себѣ, люди пожилые, семейные. Художникъ Будаевскій и другіе—все люди съ именемъ. Но были и молодые, хотя бы Сухонинъ. Слыхали про купца Сухонина? Его наслѣдникъ. Много она съ нимъ чудила. Письма, цвѣты, разговоры. Даже имя себѣ перемѣнила. Вмѣсто Али стала по иностранному Альмой называться. Но я всегда зналъ, что это кончится просто.

Докторъ.

Замужествомъ?

Дядя.

Какъ ведется, за молодого или за богатаго. И теперь тоже. Если только не умственное разстройство, то все объяснится просто. Потому что всегда сбывается самое простое. Всегда правымъ оказывается глухонѣмой?

Докторъ.

Какой глухонѣмой?

Дядя (*смѣется*).

Это такая моя выдумка.

(*Входитъ* **Вета**).

Вета.

Пріѣхала дама, госпожа Сухонина. Она ждетъ въ вашемъ кабинетѣ.

Дядя.

Это мать Сухонина, который бываетъ у Али?

Вета.

Да, мать Всеволода.

Дядя (*подмигиваетъ доктору*).

Видите, видите! Мать Сухонина! (*Уходитъ.* **Вета,** *спиною къ доктору, смотритъ на спящую*).

Докторъ.

Могу васъ обрадовать, Лизавета Васильевна. Сегодня вечеромъ, а, можетъ быть и раньше, ваша сестра встанетъ и будетъ здорова.

Вета (*послѣ паузы*).

А что, если сестра не захочетъ воспользоваться жизнью, которую вы ей вернули при помощи рвотнаго! Если она еще разъ приметъ яду? Вѣдь тогда вы—ея убійца.

Докторъ.

Пародоксъ недуренъ. Я—убійца вашей сестры, потому что спасъ ей жизнь. И за это, моя строгая барышня, вы на меня сердиты?

Вета.

Я сердита, потому что вы заставили меня жалѣть ее. Никогда никто не смѣлъ ее жалѣть. И затѣмъ это грубое насиліе... Чтеніе дневниковъ...

Докторъ.

А если-бы я не вернулъ ей жизни, вы бы не жалѣли ее?

Вета (*послѣ раздумья*).

Тогда мнѣ было бы жаль только себя. Но ее я-бы не жалѣла. Я-бы сказала: случилось такъ, какъ хотѣла Альма. (*При произнесеніи ея имени спящая дѣлаетъ движеніе.*) Видѣли? Она какъ будто узнала свое имя и улыбнулась ему.

Докторъ.

Привычные звуки разбудили ея вниманіе.

Вета.

Докторъ, она просыпается.

Докторъ.

Почему такъ думаете?

Вета.

По лицу скользнулъ лучъ.

Докторъ.

Я не видѣлъ.

Вета.

Она тихо вздохнула.

Докторъ.

Не слышу.

Вета.

Альма! Ты проснулась? Альма!

(*Спящая открываетъ глаза, долго озирается вокругъ себя и медленно садится. Пауза*).

Альма.

Вета, зажги лампы и опусти шторы. (*Вета исполняетъ просьбу.*) Вы, конечно, докторъ?

Докторъ.

Такъ точно. Вячеславъ Фадѣевичъ Стрижъ.

Альма.

Стрижъ это сѣрая ласточка. Няня сказала-бы: ласточка залетѣла въ комнату—быть бѣдѣ.

Докторъ.

Надѣюсь, на этотъ разъ ласточка залетѣла послѣ бѣды.

Альма.

Это было вчера?

Докторъ.

Въ ночь на воскресенье. Сегодня вторникъ. Вы, къ счастію, выпили слишкомъ много. Нѣсколькими каплями меньше, и всему бы конецъ.

Альма.

И вы все время здѣсь? О, какъ много вы должны были видѣть некрасиваго!

Докторъ.

Все, что я здѣсь видѣлъ, было красиво. Вамъ-бы, Александра Васильевна, теперь полежать.

Альма.

У меня легкое головокруженіе, но я здорова.

Докторъ.

Подумаемъ о подкрѣпленіи нашихъ силъ. Пойду посовѣтуюсь съ няней насчетъ бульона. Будьте благоразумны. (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

Альма.

Какъ тамъ было тихо! Мнѣ кажется, отъ тишины я проснулась. И вотъ опять шумъ. Холодно сегодня?

Вета.

Мокрый снѣгъ и оттепель.

Альма.

Я ушла въ ясную ночь.

Вета.

Представь себѣ, вѣдь я ничего не предчувствовала. Ты попрощалась со мною такая свѣтлая.

Альма.

Когда я рѣшилась и все приготовила, мнѣ захотѣлось взглянуть на тебя. Я вошла въ твою комнату и стала у постели. Ты лежала такая чужая и чистая—еще чистая—что я не смѣла тебя поцѣловать.

Вета.

Я слышала тебя, но проснулась когда уже никого не было въ комнатѣ. И я опять спѣшила заснуть. Я не знала, что тебя уже нѣтъ. Скажи, тебѣ очень страшно было?

Альма.

Не знаю. Рѣшилась я легко, а съ той минуты уже не размышляла. Я перебирала письма, цвѣты, духи. Я пряталась отъ своего страха. Я какъ будто знала, что онъ тутъ и старалась на него не смотрѣть. Но какъ только я выпила ядъ, мнѣ стало страшно. Я поняла, что не созрѣла для смерти, что сдѣлала что-то непоправимое.

Вета.

Няня первая услышала твой плачъ.

Альма.

Я помню ея лицо, а потомъ началось блужданіе въ тишинѣ. О, какъ тамъ было тихо!

Вета.

Меня разбудили подъ утро. Я пришла сюда и все увидѣла. Дядя почему то сталъ говорить увѣреннымъ голосомъ. Какой-то господинъ, котораго звали докторомъ, распоряжался твоею жизнью. Я не знала что дѣлать. Я глядѣла на коверъ, который былъ усыпанъ красными лепестками.

Альма.

Это я въ послѣднюю минуту рвала цвѣты Всеволода.

Вета.

Потомъ я увидѣла письма. Я ушла въ свою комнату, чтобы скорѣе прочесть то, что ко мнѣ. А потомъ уже ничего не помню. Мнѣ кажется, Альма, что послѣ твоего письма я умерла.

Альма.

Тебѣ одной я рѣшила написать всю правду. Я боялась, что твоя жизнь будетъ повтореніемъ моей.

Вета.

Я все думала объ одномъ. Что же ты станешь дѣлать теперь? Вотъ тебя противъ воли вернули къ жизни. Неужели ты примиришься? Или ты еще разъ?..

Альма.

Не знаю. Или нѣтъ. (*Прислушивается.*) Можетъ быть знаю, но не умѣю сказать. Мнѣ кажется, оттуда, гдѣ я блуждала въ темнотѣ, я принесла правду. Но теперь не помню словъ. Нужно прислушаться. Или, можетъ быть, кто-нибудь придетъ и напомнитъ мнѣ. Ты не знаешь ли Вета, въ чемъ эта правда?

Вета.

Не знаю Альма. Но какое счастье, что тебя не нужно жалѣть. Если бы ты знала, сколько тебѣ цвѣтовъ! Будаевскій все время не выходилъ изъ моей комнаты. И теперь ждетъ.

Альма.

Что я имъ всѣмъ скажу!

(Входитъ няня съ подносомъ; за нею докторъ. Она ставитъ подносъ на столъ и припадаетъ къ плечу Альмы).

Альма (*цѣлуетъ ее*).

Ну, здравствуй, няня. Вотъ я и вернулась. Зачѣмъ же плакать? Славный бульонъ. А сознайся, къ Спасителю ходила?

Няня.

Ходила, каюсь.

Альма.

И на папиной могилѣ была?

Няня.

Твоя правда, была.

Альма.

А кого еще видѣла?

Няня.

Да никого. Вотъ развѣ къ Филипповнѣ въ богадѣльню сходила. Старичка одного встрѣтила. О тебѣ очень хорошо говорилъ.

Альма.

То есть не онъ, а ты говорила. Бѣдная няня! Я заставила тебя ломать голову и доискиваться причинъ.

Вета.

Представь, Альма, эти дни всѣ только и дѣлали, что доискивались причинъ, разспрашивали и выпытывали.

Докторъ.

Такъ всегда бываетъ. Кто рѣшается на самоубійство, тотъ возбуждаетъ общее смятеніе, страхъ, любопытство. Потому что люди дѣлаютъ видъ, что нужно жить во что бы то ни стало.

Альма.

Какъ вы сказали? Жить во что бы то ни стало. (*Прислушивается.*) Нѣтъ, не то.

Няня.

Не я, а старикъ говорилъ. Заговоръ знаетъ. Какъ придетъ онъ ко мнѣ на кухню,—ты-бы его послушала.

Альма.

Что-же, приведи его.

Няня.

Только ты не побрезгуй. Пьяный онъ часто бываетъ и одежи на немъ маловато. Веселый. Зовутъ его Тихонъ, а самъ онъ себя прозываетъ Тиша Утѣшительный. Но кто онъ, неизвѣстно. Большой силы человѣкъ.

Докторъ.

Ваша няня вела себя молодцомъ. Еще вчера утромъ она мнѣ сказала съ увѣренностью, что отмолитъ васъ.

Вета.

А докторъ, представь себѣ, увѣренъ, что это онъ рвотнымъ приманилъ твою душу и что теперь ты рвотному обязана жизнью.

Альма.

Докторъ долженъ такъ думать, потому что дѣйствіе рвотнаго ему извѣстно, а меня онъ не знаетъ.

Вета.

Ошибаешься. Докторъ знаетъ тебя лучше нежели другіе. Но я не хочу ни говорить о некрасивомъ, ни слушать. Идемъ, няня. (*Уходятъ.*)

Докторъ.

Я предпочелъ-бы говорить объ этомъ потомъ, но такъ какъ ваша сестра намекнула...

Альма.

Не нужно, докторъ, ни теперь, ни потомъ.

Докторъ.

Но вы не знаете...

Альма.

Что-то случилось, чѣмъ Вета недовольна. Не нужно случайнаго! Теперь, когда мнѣ такъ больно! *(Беретъ гребень и начинаетъ расчесывать свои волосы).* Позволяете?

Докторъ *(послѣ паузы, измѣнившимся голосомъ).*

«Я не прошу у васъ ни счастія, ни обѣщанія

счастія. Я хочу того, чего другіе боятся. Толкните меня въ бездну, чтобы я вѣчно падалъ...

Альма.

Вы читали мои дневники!

Докторъ.

«Спасите меня отъ скуки удовлетворенія, отъ муки пресыщенія, отъ возможности успокоиться, осовѣть».

Альма.

Зачѣмъ вы это?

Докторъ.

Зачѣмъ читалъ дневники?

Альма.

О, нѣтъ. Я понимаю. Причинъ доискивались. Но зачѣмъ вы мнѣ это говорите?

Докторъ.

Вы мечтали о человѣкѣ, кто хотѣлъ бы васъ любить и съ кѣмъ вамъ не нужно лгать. Вотъ онъ передъ вами.

Альма.

Какъ я вамъ благодарна, что вы вернули меня къ жизни.

Докторъ.

Если-бы вы знали, какія я двѣ ночи провелъ! Ничего-бы не случилось, если-бы я не былъ подготовленъ всѣмъ своимъ прошлымъ. Послѣ пер-

выхъ-же страницъ я сказалъ себѣ: вотъ онъ—ядъ, котораго я всегда искалъ.

Альма.

Мои слова показались вамъ ядомъ?

Докторъ.

Ваша жажда нераздѣленной любви, желанiе, чтобы всѣ васъ напрасно желали, все это—отрава и безумiе. Видите, и я не лгу передъ вами. Передъ вашей чистотой развратъ Мессалины кажется невинностью. Но что дѣлать? Развѣ морфiй не ядъ? А вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я безъ этого яда не могу жить. Тѣло и душа одинаково требуютъ бича. Нормальное не возбуждаетъ, и мнѣ, психiатру, это извѣстнѣе, чѣмъ кому либо. Загляни кто-нибудь ко мнѣ въ лечебницу, узнай, что я говорю, что дѣлаю...

Альма.

Такъ что пока вы лечили мое тѣло отъ яда, вы сами отравлялись ядомъ моей души!

Докторъ.

Вы, эротоманка, сами не знаете своей силы. Вы таки отомстите намъ. Вы превратили жизнь мужчины въ нескончаемую муку, безъ единаго луча радости. Изъ святости, изъ цѣломудрiя вы сдѣлали орудiе пытки, но вы побѣдите. Мiръ будетъ у вашихъ ногъ, потому что вы—величайшая, послѣдняя сила. Вы—то, что возбуждаетъ, не удовлетворяя, сила, не теряющая своей крѣпости. Вы—ядъ, про-

тивъ котораго нѣтъ противоядія. О, какъ я безнадежно люблю васъ, и какъ хорошо, что безнадежно люблю! *(Пауза)*. Вы смотрите на мое кольцо? Да, я женатъ. Скоро пять лѣтъ.

Альма.

Кто она?

Докторъ.

Тоже-же врачъ. Если-бы вы ее видѣли, то сказали-бы, что ужъ я во всякомъ случаѣ не вправѣ называть женщину врагомъ. Вся—доброта, самопожертвованіе.

Альма.

Не нуждается въ духовномъ морфіи?

Докторъ.

Какъ сказать? Можетъ быть, ея подвиги—тотъже морфій. Развѣ естественно, чтобы молодая женщина не знала другого удовольствія, какъ ходить за тяжело больными. Холера, оспа, головной тифъ,—гдѣ эпидемія, тамъ она. Даже пріютъ для прокаженныхъ устраивала.

Альма.

Вы любите ее?

Докторъ.

Конечно, люблю. Но говорить ей о любви мнѣ было бы также странно, какъ плясать на улицѣ. Помню, послѣ первой разлуки я хотѣлъ сказать ей нѣчто нѣжное и тайное, а какъ только взгля-

нулъ на ея доброе лицо, то невольно сталъ разсказывать о своей командировкѣ, о тифозныхъ. О, съ вами не то.

Альма.

Вы хотѣли-бы со мною говорить о нераздѣленной любви, а съ женою раздѣлять любовь?

Докторъ.

Сегодня-же она все узнаетъ. У меня больше нѣтъ семьи. Вотъ вамъ мое кольцо.

Альма.

Вы сами отдаете его, безъ моей просьбы!

Докторъ.

Отдаю вамъ это кольцо и вмѣстѣ съ нимъ то, чего оно служитъ знакомъ: спокойствіе, увѣренность, порядокъ жизни. Я считаю васъ началомъ безумнымъ и разрушительнымъ, и поэтому подчиняюсь вамъ. Я хочу погибнуть, отъ васъ и черезъ васъ. Я полюбилъ васъ. Но почему слезы?

Альма.

Вы застали меня врасплохъ. Обыкновенно я прячу эти слезы. Опять это огненное чувство, ни съ чѣмъ не сравнимое.

Докторъ.

Вы слушаете меня не съ равнодушіемъ?

Альма.

Мое равнодушіе не менѣе жгуче, чѣмъ то, что другіе зовутъ любовью. Каждый разъ отъ словъ

любви я переставала ѣсть и спать. Но сколько мнѣ стоила трудовъ каждая новая любовь! Въ наше время люди болтливы и вскрываютъ чувство, прежде чѣмъ оно созрѣетъ. Я пряталась, уѣзжала, устраивала искусственное молчаніе. Вы-же дались мнѣ, какъ подарокъ судьбы, и сама судьба устроила это молчаніе.

Докторъ.

А вы думаете, легко мнѣ было молчать? Въ вашихъ тетрадяхъ есть такія страницы, что я бросалъ чтеніе и подходилъ къ вамъ. Я клалъ руки на ваши волосы—и прикосновеніе этого теплаго шелка было такъ необычайно. Я слушалъ ваше сердце.

Альма.

Не нужно. Или нѣтъ, говорите все. Мнѣ нравится, какъ вы говорите. Съ вами я не должна была-бы много лгать.

Докторъ.

Совсѣмъ не будетъ лжи.

Альма.

Не знаю. Вѣдь въ любви, кромѣ внѣшней лжи, можетъ быть, ненужной, есть еще необходимая ложь. Чтобы стать для кого нибудь желанной, надо двигаться, говорить, думать, какъ это дѣлалъ бы его идеалъ. У меня въ этомъ отношеніи изумительное чутье. Я сразу угадываю, чего кто ищетъ въ любви, лекарства отъ какой болѣзни.

Съ вами было бы легко. Вы мнѣ сами открыли, въ чемъ ваша болѣзнь.

Докторъ.

Въ чемъ же?

Альма.

Вы тяжело живете. Счастіе васъ усыпляетъ. Ваша душа, какъ вѣсы, лишь способна опредѣлять тяжесть всего, что судьба ни пошлетъ ей.

Докторъ.

Какъ вѣрно.

Альма.

При встрѣчѣ съ человѣкомъ вы какъ бы пренебрежительно подбрасываете на рукѣ чужую жизнь, чтобы узнать, сколько въ ней вѣса и сколько въ васъ къ ней отвращенія. Васъ я бы легко вылечила. Одинъ—два пріема чистаго страданія, такого, какое только я умѣю готовить.

Докторъ *(кладетъ руку на сердце).*

О, какое счастье! Сердцу опять больно.

Альма.

Я мечтала о такомъ человѣкѣ, какъ вы. И не жалкая-ли я! Теперь, когда вы пришли, я должна отказаться отъ васъ. Я не вправѣ принять вашу любовь.

Докторъ.

Не вправѣ? Послѣ всего, что я вамъ сказалъ. Но почему?

Альма.

Потому что я не прежняя. Не та, кто писала дневники. Не та, къ кому можно только стремиться. Но объ этомъ такъ больно говорить.

Докторъ.

Если непріятно, не нужно. Пусть я не знаю.

Альма.

Я стала какъ всѣ. Во мнѣ проснулась темная сила.

Докторъ.

О чемъ вы говорите?

Альма.

Темная сила, это—то уродливое, косное, глухонѣмое, что было раньше насъ и что хочетъ насъ замѣнить. Это—основа всего. Мы всѣ какъ бабочки, которыя прежде были гусеницами. Онѣ получили крылья и полетѣли, но подъ крыльями скрывается безобразное тѣло червяка.

Докторъ.

Такъ вотъ причина вашего отравленія?

Альма.

Когда я потеряла крылья и поняла, что я какъ всѣ, я рѣшила бѣжать отъ себя, какъ прежде бѣжала отъ другихъ.

Докторъ.

Боюсь, что я васъ понялъ. Это такъ странно.

Альма.

Вы понимаете ужасъ этихъ словъ—быть какъ всѣ? Не только какъ всѣ люди, но какъ всѣ собаки и кошки и червяки Да, я захотѣла счастія, которое доступно и червяку.

Докторъ.

Только—захотѣли?

Альма.

Вы мнѣ еще не вѣрите? Послушайте, другъ мой. Я знаю, обыкновенно люди мечтаютъ о томъ, чтобы быть какъ всѣ. Только немногіе смѣютъ хотѣть быть лучше всѣхъ. Я была одна изъ этихъ немногихъ. Быть самой чистой, самой свѣтлой. Сначала я страдала отъ того, что у меня нѣтъ таланта. Потомъ я утѣшилась тѣмъ, что у природы вѣдь тоже нѣтъ таланта, и я рѣшила изъ своей жизни сдѣлать нѣчто совершенное. Это было давно. Сидя въ концертѣ, я повторяла себѣ: моя жизнь будетъ какъ эта музыка. Гуляя, читая, я шептала: какъ эта поэма, какъ эти цвѣты, какъ эти звѣзды. А потомъ я поняла, что нужно для этого сдѣлать.

Докторъ.

Вы кажетесь мнѣ самымъ прекраснымъ, что когда либо существовало.

Альма.

Самое прекрасное—это стремиться къ недостижимому счастью. Знаете-ли, почему растенія цвѣ-

тутъ и получаютъ ароматъ? Потому что они стремятся къ солнцу. И я рѣшила быть такимъ солнцемъ, чтобы души людей недосягаемо ко мнѣ стремились и разцвѣтали любовью.

Докторъ.

И вы могли осуществить эту мечту въ нашей прозаической жизни?

Альма.

О, въ практической жизни встрѣчались трудности. Приходилось быть жестокой, разбивать семьи, видѣть много слезъ. Но оправданіе мое было во мнѣ самой—моя чистота. Какъ безоблачное небо было мое сердце. Ни одного нечистаго желанія или помысла. И вотъ я оказалась какъ всѣ. Полюбила, какъ всѣ. Какая-то сила, который не могу звать ни своей, ни чужой, возмутилась во мнѣ противъ моей красоты.

Докторъ.

Ваща собственная любовь не казалась вамъ прекрасной?

Альма.

Въ ней не было ничего прекраснаго, ни недостижимаго. Я, кто позволяла любить только свою душу, полюбила сама такъ, какъ будто во мнѣ нѣтъ души. Изъ всѣхъ, окружавшихъ меня, я отличила молодого и красиваго. Я больше любила его вблизи, чѣмъ вдали. Я писала ему на «вы», а наединѣ говорила «ты». Чувство стыда не оттал-

кивало, а привлекало меня къ нему. И ждала я отъ этой любви только счастія, нормальнаго и достижимаго счастія. Солнце превратилось въ свѣтлящагося червяка.

Докторъ.

И отъ счастливой любви вы захотѣли умереть? Въ статистикѣ самоубійствъ такой рубрики нѣтъ.

Альма.

Да, отъ счастливой, отъ взаимной любви.

Докторъ *(послѣ паузы)*.

Сознайтесь, что и я жалокъ не менѣе васъ. Я, матеріалистъ, скептикъ, пожелалъ чего-то несбыточнаго, и вотъ пришелъ въ ту минуту, когда побѣждаетъ половой инстинктъ.

Альма.

Докторъ! Я не знаю, на чемъ рѣшу. Приму-ли вашу любовь или нѣтъ, останулись ли жить или умру. Но прежде всего мнѣ нужно имѣть свободу выбора. Напишите рецептъ того яда, отъ котораго меня вылечили. Пишите!

Докторъ *(бросаетъ перо)*.

Все, только не это. Я—врачъ. Мой долгъ—лечить, а не убивать.

Альма.

И вы, какъ всѣ, умѣете бороться и проявлять свою волю!

(*Входитъ* **Вета**).

Вета.

Не могу дольше удерживать Ландыша. Узналъ, что ты очнулась и рвется сюда.

Альма.

Я хочу его видѣть. (**Вета** *уходитъ.*)—

Альма.

Это художникъ Будаевскій. Никто меня такъ сильно не любилъ, и никто, я увѣрена, такъ легко не примирился-бы съ моею смертью или съ моимъ замужествомъ. У него счастливый даръ—по поводу всего создавать теоріи.

Докторъ.

Что значитъ Ландышъ?

Альма.

Онъ въ первое время присылалъ мнѣ эти цвѣты. Вета его такъ и прозвала.

(За дверью голосъ Будаевскаго: можно?).

Будаевскій.

Альма! (*замѣтивъ доктора.*) Александра Васильевна! Что вы съ нами сдѣлали?

Альма.

Сдѣлала вамъ больно, потому что сама болѣла. Но позвольте. Художникъ Будаевскій, теоретикъ моихъ безумій, докторъ Стрижъ, мой спаситель.

(Оба обмѣниваются рукопожатіемъ и недовѣрчиво оглядываютъ другъ друга. Въ это время въ дверяхъ показывается дядя; **Альма** *идетъ ему на встрѣчу. Въ серединѣ сцены входитъ* **Вета** *и садится подлѣ* **Альмы**). Здравствуйте, дядюшка. Дайте обнять васъ. Я вамъ тутъ хлопотъ надѣлала.

Дядя (*цѣлуетъ ее*).

Никакихъ хлопотъ не надѣлала. И вообще, ничего не случилось особеннаго. Каждый можетъ по неосторожности заболѣть.

Альма.

Дядюшка! Да вы стали дипломатомъ.

Будаевскій.

Никогда не видѣлъ Николая Николаевича такимъ таинственнымъ.

Дядя.

А! Господинъ Будаевскій! Или, какъ Вета васъ называетъ, Ландышъ серебристый.

Будаевскій.

Это вы на мою сѣдину намекаете? Да, сильно посѣдѣлъ я въ послѣдній годъ.

Дядя.

Вы говорите это такъ, будто въ послѣдній годъ ни вѣсть что случилось. Просто на годъ постарѣли. Вѣдь мы съ вами почти ровестники?

Альма.

Да что съ вами, дядюшка? И я васъ не узнаю. У васъ видъ торжествующій и воинственный.

Дядя.

Можетъ быть. Мнѣ нужно, Александра, поговорить съ тобою объ очень важномъ, и теперь-же. Если-бы ты могла удѣлить мнѣ—

Альма.

Говорите все. У меня нѣтъ тайнъ.

Будаевскій.

Вы, которая все окружали тайной!

Альма.

И такъ страдала, когда созданныя мною тайны раскрывались. А теперь я-бы все сдѣлала, чтобы раскрыть тайну, которая во мнѣ, но не умѣю. Говорите все, дядя.

Дядя.

Какъ знаешь. У меня была госпожа Сухонина.

Альма.

Мать Всеволода?

Дядя.

Она отъ имени Всеволода Васильевича проситъ твоей руки.

Будаевскій.

Сухонинъ? Это—тотъ купчикъ кудрявый? Ну такую тайну—

Дядя (*прерываетъ*).

Потомъ будете насмѣхаться, господинъ Будаевскій. (*Обращаясь къ Альмѣ*). Погоди отвѣчать. Я знаю, Александра, что у тебя тамъ свои взгляды, мнѣнія, ну какъ водится. Но вѣрь, что если-бы живъ былъ твой отецъ, онъ сказалъ-бы тебѣ тоже, что я теперь. Прими госпожу Сухонину, выслушай ее. Тѣмъ болѣе что—Я не могу сказать при нихъ!

Альма.

Говорите все.

Дядя.

Тѣмъ болѣе что ты, кажется, любишь Всеволода Васильевича. Его мать показала мнѣ твое письмо—прощальное—то, что начинается словами: «умираю, потому что люблю васъ»—

Будаевскій.

О, Боже!

Альма.

Простите, Ландышъ, что я начала письмо къ Сухонину также какъ и къ вамъ и—къ другимъ. Я вамъ объясню.

Дядя.

Ты тоже писала другимъ? Не понимаю. Ну, все равно. Выслушай сперва госпожу Сухонину, а потомъ дѣлай, какъ хочешь.

Альма.

Скажите матери Всеволода—Я рада ее видѣть. Я жду ее.

Дядя.

Спасибо, дитя. Ну, потомъ все уладится по простому, какъ можно проще. Правымъ окажется глухонѣмой.

Докторъ.

Да кто-же этотъ глухонѣмой, котораго вы такъ часто поминаете?

Альма.

Вы еще не знаете? Разскажите, дядя.

Дядя.

Пожалуй. Это—сказка, которую я самъ себѣ разсказываю, когда перестаю понимать, что вокругъ меня дѣлается. Жилъ когда-то глухонѣмой философъ, любившій наблюдать жизнь. Но такъ какъ онъ не слышалъ, то не могъ знать, что такое ложь. Вѣдь люди лгутъ главнымъ образомъ на словахъ. Нашъ-же философъ наблюдалъ только поступки, и всегда вѣрно предсказывалъ ихъ. Такъ, если онъ видѣлъ, что за молодой женщиной ухаживаютъ нѣсколько стариковъ и одинъ юноша, то онъ въ простотѣ своей предсказывалъ, что она предпочтетъ того, кто моложе и сильнѣе. Такъ оно всегда и кончалось. Но глухой недоумѣвалъ, почему его правда сбывалась такъ поздно, почему люди медлятъ и шевелятъ губами. Онъ не зналъ, что это они въ промежуткѣ лгутъ, обманываютъ себя и другихъ. Но напослѣдокъ, повторяю, всегда сбывалось такъ, какъ предсказывалъ глухонѣмой.

Докторъ.

Притча недурна.

Вета.

Очень просто. Вашему глухонѣмому должно было казаться, что онъ всегда правъ, потому что главнаго-то онъ не зналъ—о чемъ люди говорятъ.

Докторъ (*прощается съ* **Альмой**).

Послѣдую вашему примѣру. Не нужно никакихъ тайнъ.

Альма.

Какъ хотите.

Дядя (*доктору*).

И я съ вами. (*Уходятъ*).

Будаевскій.

Альма! Что это такое? Вы такъ странно смотрѣли и говорили. Неужели этотъ Сухонинъ что-нибудь значитъ для васъ?

Альма.

Увы, больше чѣмъ вы думаете!

Будаевскій.

Этотъ чужой намъ человѣкъ?

Альма.

Я его полюбила. Не его любовь ко мнѣ, а его самаго. Какимъ-бы онъ не былъ.

Будаевскій.

Какъ могло это случиться? Вы, Альма, и этотъ, какъ поется въ пѣснѣ—высокій, стройный, весь въ кудряхъ!

Альма.

Не знаю. Можетъ быть, тутъ и ваша вина.

Будаевскій.

Неужели моя?

Альма.

Помните начало нашей любви. Первое время вы были чисты какъ я. Вы понимали, что красотой нельзя владѣть. Но потомъ—сколько труда мнѣ стоило бороться съ вашей страстью. Въ то время я ничего не знала, не понимала даже, что это и есть страсть, а только съ испугомъ чувствовала приближеніе темной силы—чужой и уродливой. Вы сочли нужнымъ открыть мнѣ глаза.

Будаевскій.

Я не могъ иначе. Я долженъ былъ осквернить свою любовь.

Альма.

Должны были?

Будаевскій.

Знаете-ли, Альма, что значитъ любить слишкомъ сильно? Покуда я находился въ вашемъ присутствіи, глядѣлъ на васъ, слышалъ вашъ голосъ, я какъ-бы мирился съ вашей красотой, видѣлъ ея

границы. Но стоило вамъ уйти, и въ пустотѣ разлуки вашъ тѣлесный образъ испарялся, и ваша красота казалась мнѣ несчастіемъ міра. Тогда любовь моя принимала такіе размѣры, что душа не въ силахъ была ее вмѣстить.

Альма.

И вы хотѣли съузить свою любовь?

Будаевскій.

Да, я думалъ, что только осквернивъ свое чувство, я сдѣлаю его болѣе легкимъ, потому что сердце не выноситъ великаго, ни въ любви ни въ страданіяхъ. Любовь жаждетъ оскверненія, какъ отдыха. Но была и другая причина.

Альма.

Еще одна причина?

Будаевскій.

Только потомъ я ее понялъ. То, что есть въ насъ грубаго и хаотическаго, слѣпая плоть,—она, жалкая, тоже хочетъ пріобщиться неба и свѣта. Сатиръ преслѣдуетъ нимфу, потому въ ея позорѣ его искупленіе.

Альма.

Вы воспользовались моимъ невѣдѣніемъ. Подъ предлогомъ покаянной проповѣди вы мнѣ раскрыли свое прошлое. Вы сажали меня на колѣни—нѣтъ, я не въ силахъ вспомнить. Вы разсказывали мнѣ про нравы чужихъ странъ, вы приносили мнѣ книги—вотъ онѣ.

Будаевскій.

Да, я все это дѣлалъ.

Альма.

Я читала ихъ и безпечно смѣялась. Мнѣ забавно было узнавать, что гдѣ-то далеко люди живутъ и волнуются этимъ уродствомъ — такъ оно мнѣ было чуждо. Но грязные образы всетаки оставались, если не въ душѣ, то въ воображеніи, какъ рисунки ночныхъ гулякъ на стѣнахъ домовъ. А потомъ...

Будаевскій.

Говорите все.

Альма.

Потомъ, когда явился Сухонинъ, эти смутныя черты слились съ его образомъ и зажгли мою кровь.

Будаевскій.

Вы узнали желаніе?

Альма.

Я сдѣлала первый шагъ. Если-бы, онъ какъ вы всѣ, искалъ моей близости, я-бы стала бороться съ нимъ, и, быть можетъ, побѣдила. Но онъ меня покорилъ своимъ безволіемъ. Покорный, чистый, удивленный.

Будаевскій.

И вы сдѣлали первый шагъ?

Альма.

Да. Вотъ здѣсь, въ этой комнатѣ, я стала цѣловать его, прижимать его руки къ своей груди, чувствовала ихъ робкую неподвижность и еще сильнѣе прижимала. Вамъ больно? Простите. Теперь я не вправѣ лгать.

Будаевскій.

Продолжайте.

Альма.

Я первая предложила ему говорить мнѣ: ты. Я доводила его своими ласками—о, ненавистное слово,—ла-ска-ми доводила его до безчувствія и онъ тихо спрашивалъ: кто научилъ тебя такъ цѣловать?

Будаевскій.

Что будетъ со мною потомъ, когда я вспомню ваши слова?

Альма.

А когда онъ уходилъ, я садилась на полъ— дѣтская привычка — и задыхалась отъ ненависти, отъ сознанія уродства.

Будаевскій.

И вы не боролись со своимъ чувствомъ?

Альма.

Я не хотѣла бороться. Бороться уродливо и побѣждать уродливо, потому что побѣда — тоже насиліе и поврежденіе. Даже сама святость кажется

мнѣ дѣломъ смерти, а не жизни. Но вчера—нѣтъ, это было не вчера—я подумала о васъ и поняла, что должна умереть.

Будаевскій.

Вы подумали обо мнѣ?

Альма.

Я сказала себѣ, что не вправѣ убить вашу мечту, которую, сама создала. Развѣ я не понимаю, что вы полюбили во мнѣ не только мою красоту, но и красоту вообще! Только вы и любили меня. О, ваши признанія, эти молитвы, всегда какъ будто въ первый разъ. И ваши письма—тѣ-же молитвы, но только далекія. Звуки органа послѣ пѣсни.

Будаевскій.

Мнѣ казалось, что въ любви есть только одинъ подвигъ—дать понять любимому человѣку, какъ сильно его любишь. Но слова умирали, и то, что жгло и расширяло душу, оставалось тайной для васъ и отчасти для меня.

Альма.

И повѣрьте, Ландышъ, когда я вамъ писала, что люблю васъ, я не лгала.

Будаевскій.

Зачѣмъ теперь объ этомъ? Вы никому не лгали, ни мнѣ, ни другимъ. Было что-то въ вашихъ словахъ и въ вашемъ молчаніи, что дѣлало ихъ прозрачными. Если-же вы иногда говорили, что любите

меня, я старался не слушать васъ и тутъ-же забывать ваши слова.

Альма.

Я это замѣчала, но не понимала почему.

Будаевскій.

Потому что одни любятъ свою душу, а другіе отъ своей души отвращаются.

Альма.

Если такъ, то я принадлежу къ первымъ.

Будаевскій.

Только себя человѣкъ знаетъ и только себя судитъ безпристрастно.

Альма.

Я люблю слѣдить, какъ во мнѣ возникаетъ чувство или мысль,—они такіе легкіе.

Будаевскій.

Моя-же радость кажется мнѣ топотомъ пьянаго, моя грусть—туманомъ надъ фабричнымъ городомъ, и вся моя жизнь—разрозненной черновой.

Альма.

А ваше искусство? Картины?

Будаевскій.

Въ своемъ искусствѣ, какъ въ своей любви, я стремлюсь отъ себя къ другому, ничѣмъ на меня непохожему.

Альма.

Вотъ почему вы полюбили меня.

Будаевскій.

Мы любимъ только тѣхъ, кто самъ себя любитъ.

Альма.

И вотъ почему вы боялись моей любви.

Будаевскій.

Я-бы разлюбилъ того, кто могъ-бы полюбить мою душу. Но что будетъ теперь? Какъ примирюсь я съ мыслью, что и въ вашей жизни настали сумерки.

Альма.

Я хотѣла умереть, чтобы вы не узнали правды. Но жертва оказалась безполезной. Узнайте-же, что нѣтъ красоты!

Будаевскій.

Нѣтъ красоты! И это говорите вы, научившая меня видѣть прекрасное.

Альма.

Конечно есть красота и есть уродство, какъ здоровье и болѣзнь, радость и страданіе. Если положить на вѣсы то и другое, то свѣтлаго, можетъ быть, окажется столько-же, сколько мрачнаго. Но дѣло не въ количествѣ, а въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ. Все хорошо, что хорошо кончается, и все дурно, что кончается дурно. А

въ жизни все кончается дурно, и вся жизнь сплошное зло. Молодость ведетъ къ старости, здоровье къ болѣзнямъ, радость къ страданіямъ, жизнь къ смерти и красота къ уродству. Вотъ вы все умѣете объяснять. Скажите-же, откуда въ душѣ берется стыдливость, если сама жизнь безстыдна? Чистота дѣлала меня похожей на одну изъ святыхъ, которымъ молятся въ церкви. Но развѣ бываетъ священное на срокъ? Честь до извѣстнаго дня?

Будаевскій.

Мнѣ всегда казалось, что стыдливость разжигаетъ страсть. Чтобы любовь окрѣпла, нужны препятствія. Стыдливость и есть послѣднее, внутреннее препятствіе.

Альма (*прислушиваясь*).

Нѣтъ, нѣтъ. Я потеряла нить разума. Какъ могу я желать того, что мнѣ неизвѣстно? Я была чиста и прекрасна, невѣдая почему. А когда явилось вѣдѣніе, то первое, о чемъ я провѣдала, это то, что нѣтъ красоты.

Будаевскій.

Даже въ искусствѣ?

Альма.

О, нѣтъ. Въ искусствѣ, гдѣ одно можно утаить, а другое выставить на свѣтъ, красота, быть можетъ, осуществима. Но въ жизни—никогда. Прекраснѣйшее тѣло только кажется прекраснымъ, потому что его уродливыя отправленія искусственно скрыты.

Будаевскій.

Въ такомъ случаѣ мнѣ не надо жизни. Я останусь въ предѣлахъ искусства, и такъ буду любить и создавать прекрасное.

Вета.

Какъ хорошо, Ландышъ, что вы такъ отвѣтили.

Альма.

Но что я буду дѣлать? У меня даже нѣтъ свободы выбора. Меня насильно отняли у смерти. О, бѣдный мой Ландышъ, васъ и просить напрасно. Можете-ли достать мнѣ это питье, какъ нибудь попросить знакомаго врача подписать рецептъ? Я должна имѣть свободу выбора.

Будаевскій.

Нѣтъ, Альма, не могу.

Альма.

Я такъ и знала.

Будаевскій.

Теперь не могу. Я-бы самъ себѣ не вѣрилъ, что исполняю вашу просьбу изъ любви, а не изъ ревности.

Вета.

Теперь вы мнѣ чужой. (*Переходитъ къ* **Альмѣ**). Неправда-ли, Альма, ты сдѣлаешь, какъ хочешь? О если-бы отъ меня зависѣло!

(Входитъ горничная).

Горничная.

Госпожа Сухонина желаетъ васъ видѣть.

Альма.

Одна пріѣхала?

Горничная.

Всеволодъ Васильевичъ съ ними. .

Альма.

Проси. (*Горничная уходитъ*). Не уходите, Ландышъ, подождите у Веты.

Вета.

Идемъ въ мою комнату. Только, чуръ, не плакать. (*Уходятъ.* **Альма** *поправляетъ свои волосы передъ зеркаломъ. Входитъ* **Варвара Борисовна Сухонина** *въ шубкѣ и шляпкѣ, въ лѣвой рукѣ держитъ букетъ красныхъ цвѣтовъ. Быстро окидываетъ глазами комнату, беретъ* **Альму** *за руку и долго смотритъ на нее).*

Сухонина.

Здравствуйте Александра Васильевна. Вотъ вы какая.

Альма.

Простите, что такъ васъ принимаю. Я еще не совсѣмъ поправилась.

Сухонина.

Что вы, другъ мой. Простите вы меня, что я такъ смотрю пристально. Больше не буду. Теперь я понимаю Всеволода..

Альма.

Онъ съ вами?

Сухонина.

Да, онъ здѣсь. Но я хотѣла видѣть васъ раньше одна,—вы улыбаетесь моему капризу? Я сама хотѣла поднести вамъ его цвѣты. (*Подаетъ букетъ*).

Альма.

Вы добрая и нѣжная. Я такъ рада этому запаху. Я только что говорила злыя, некрасивыя слова и хотѣла-бы ихъ забыть. Теперь я спокойна. Сядемъ здѣсь.

Сухонина.

Вы позволите говорить съ вами безъ намековъ и предисловій. Я отъ покойнаго мужа научилась быть рѣшительной и практичной—у него въ характерѣ была эта англійская складка. Должны вы знать, что мы со Всеволодомъ откровенные друзья. Съ перваго дня знакомства онъ часто говорилъ мнѣ о васъ, хвалилъ, восторгался. Я знала, что онъ здѣсь бываетъ, увлекается вами, но что вы и есть та избранница, которая овладѣетъ его сердцемъ, это сознаюсь, мнѣ и въ голову не приходило.

Альма.

Но вы меня не знали.

Сухонина.

Потому и въ голову не приходило. Зовите это ослѣпленіемъ матери, но мнѣ всегда казалось, что

избранница, достойная Всеволода, будетъ какая нибудь сказочная принцесса. Такъ вотъ до послѣдняго времени я ничего не знала, но вашъ отчаянный поступокъ — говорю какъ думаю — открылъ мнѣ глаза.

Альма.

Вамъ Всеволодъ Васильевичъ сказалъ?

Сухонина.

Нѣтъ, я узнала, потому что Всеволодъ замолчалъ, и въ первый разъ я должна была вымаливать его откровенность. Узнала, что онъ васъ любитъ—что вы его любите. Я читала ваше письмо.

Альма.

Это правда.

Сухонина.

Вѣрю вамъ. Но главнаго я еще не сказала. Какъ Всеволодъ объясняетъ вашъ...

Альма.

Отчаянный поступокъ?

Сухонина.

Да. Онъ увѣренъ, что вы рѣшили умереть, потому что считаете его недостойнымъ себя.

Альма.

Вотъ какъ онъ меня понялъ.

Сухонина.

Васъ удивляетъ его скромность? Но повѣрьте, если скромность въ немъ недостатокъ, то един-

ственный. И отчасти я догадываюсь, откуда у него взялось это самоуничиженіе. Вы, я слышала, окружены людьми талантливыми и образованными. Всеволодъ хотя и образованнѣе многихъ университетскихъ недоучекъ, но дипломовъ у него нѣтъ. Мой мужъ рѣшилъ дать ему образованіе практическое, потому что рано или поздно, а придется ему войти въ дѣло. И я такъ рада была, что онъ не посѣщалъ эти противныя школы, не знался съ товарищами, которые съ первыхъ классовъ развращаютъ другъ друга. Я хотѣла въ тотъ день, когда увижу дѣвушку, которую онъ полюбитъ, вотъ какъ теперь, имѣть право сказать ей: передаю вамъ моего сына такимъ-же чистымъ, нетронутымъ, какъ вы сами.

Альма.

Какъ вы это просто и хорошо сказали.

Сухонина.

Теперь вы поймете, почему я должна была видѣть васъ раньше Всеволода. Онъ-бы не могъ спросить васъ, правда-ли что вы стыдитесь своей любви къ нему. Какой мужчина съумѣлъ-бы это? А мнѣ, какъ матери, изъ любви къ сыну и такіе вопросы не стыдно предлагать.

Альма.

Конечно нѣтъ. У меня и мысли такой не было, что вашъ сынъ меня не достоинъ.

Сухонина.

Я была увѣрена въ этомъ. (*Задумчиво*). Но если Всеволодъ ошибся, то какъ-же...

Альма.

Вы хотите спросить, что-же меня толкнуло на отчаянный поступокъ?

Сухонина.

Я это подумала, но спрашивать не хочу.

Альма.

На половину вашъ сынъ угадалъ правду.

Сухонина.

Вы устыдидись своей любви?

Альма.

Да, любви вообще. Устыдилась, испугалась необходимости быть женой и матерью. И вамъ, матери Всеволода, говорю это.

Сухонина.

Сколько я уже видѣла такихъ дѣвушекъ. Страхъ замужества сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ повѣтрія.

Альма.

А въ ваше время дѣвушки не боялись замужества? Онѣ мирились и съ оскверненіемъ во имя любви, и съ уродствомъ беременности?

Сухонина.

Другъ мой, кто-же такъ думаетъ? Не видишь всего этого. Необходимо не видѣть. Помню, въ Швейцаріи я съ мужемъ поднималась въ горы и пришлось пройти по узкой стежкѣ черезъ пропасть. Мужъ первый прошелъ и крикнулъ съ той стороны: закрой глаза и дай руку проводнику. Такъ было необходимо.

Альма.

У меня глаза широко раскрыты, но къ пропасти я подошла какъ всѣ. Съ кѣмъ судиться? Кому жаловаться и на кого?

Сухонина.

Но теперь вы сами любите.

Альма.

Не знаю, не знаю. Все во мнѣ возмутилось, смѣшалось. А стоитъ мнѣ взглянуть на ваши глаза, и мнѣ легче.

(*Входитъ горничная*).

Горничная.

Госпожа Стрижъ. (*Подаетъ карточку*).

Альма.

Это жена доктора, который меня спасъ. Проси. (*Горничная уходитъ*). Этотъ докторъ сегодня мнѣ говорилъ о любви. Оставайтесь въ креслѣ. Я ее приму у того столика. Я даже рада. Нужно же

вамъ знать, кто я. Я такъ хочу, оставайтесь здѣсь. *(Садится у круглаго стола. Входитъ* **Софья Семеновна Стрижъ** *и останавливается въ дверяхъ).*

Софья Семеновна.

Я хотѣла взглянуть на ту, кого мой мужъ наконецъ полюбилъ.

Альма.

Вы его любите?

Софья Семеновна.

Люблю-ли? Если бы вы спросили меня вчера, я бы отвѣтила, что жалѣю, что привыкла. Пять лѣтъ мы живемъ вмѣстѣ, и я очень привязчивая.

Альма.

Вы сами тоже врачъ?

Софья Семеновна.

Да. У насъ былъ ребенокъ, да умеръ. Я была въ отчаяніи и думала, что съума сойду.

Альма.

Вы сказали, что вчера отвѣтили бы, что жалѣете мужа.

Софья Семеновна.

Да, а сегодня, когда онъ мнѣ разсказалъ, что полюбилъ васъ, мнѣ показалось, что все кончено и что я не переживу.

Альма.

Смерть ребенка, измѣна мужа,—развѣ это такъ болѣзненно?

Софья Семеновна.

Поживете — увидите. Теперь когда вы полюбили...

Альма.

Да, теперь я полюбила.

Софья Семеновна (*встаетъ*).

Ну что-жъ, будьте счастливы. Постарайтесь и ему дать то счастье, котораго онъ не нашелъ со мной.

Альма.

Постойте. Вы меня не поняли. Я полюбила, но не вашего мужа. Къ нему я совершенно равнодушна.

Софья Семеновна.

Какъ равнодушны?

Альма.

Подумайте: эти два дня я лежала въ забытьѣ, и очнулась только недавно. И неожиданно вашъ мужъ сталъ мнѣ говорить о любви. Какъ будто я заснула, и во время сна у меня въ головахъ выросъ цвѣтокъ. Я его сорвала и поднесла къ лицу.

Софья Семеновна (*садится*).

Вы сорвали жизнь человѣка и бросили. Но кто вы такая?

Альма.

Я та, кто любитъ слова любви.

Софья Семеновна.

Отъ чужого—слова любви оскорбительны.

Альма.

Кто любитъ, тотъ больше не чужой. Весною есть такая пора, когда всякое растеніе становится красивымъ, хотя-бы на одинъ день. Жалкій одуванчикъ, уродливый чертополохъ, ядовитая бѣлена— всѣ они, когда цвѣтутъ, по своему прекрасны. И мнѣ кажется, что души людей тѣ же растенія. Рѣдко встрѣтишь между ними свободную и спокойную. Но стоитъ имъ разцвѣсти любовью, хотя бы на одинъ день, и всѣ онѣ зажигаются тѣми - же словами любви, тѣмъ же ароматомъ. И повѣрите ли, когда мнѣ говорятъ о любви, я не представляю себѣ, а слышу, явственно слышу ароматъ цвѣцовъ.

Софья Семеновна.

Бѣдный мой чертополохъ, а онъ то воображаетъ...

Альма.

Если вы другъ ему, то радуйтесь, что сегодня душа его проявилась во всей доступной ей красотѣ.

Софья Семеновна.

Но позвольте, вы однако не довольствовались ароматомъ его признаній. Вы и сами—на сколько я должна ему вѣрить—требовали отъ него обѣта чистоты, приказали ему разойтись со мной, и даже взяли у него залогъ вѣрности — его вѣнчальное кольцо. Сознаюсь вамъ, послѣдняя обида показалась мнѣ самой горькой. Наше кольцо, на которомъ

вырѣзаны его и мое имя, онъ долженъ былъ вернуть мнѣ и никому больше.

Альма.

Не могла же я допустить, чтобы мнѣ говорилъ о любви тотъ, кто отъ меня уйдетъ къ другой женщинѣ. Отъ всѣхъ, кто меня любилъ, я требовала новой жизни и, конечно, разрыва съ прежней семьей.

Софья Семеновна.

И у всѣхъ брали вѣнчальныя кольца?

Альма.

Да, у всѣхъ, у кого они были. У меня явилась затѣя изъ всѣхъ этихъ колецъ сдѣлать себѣ цѣпочку для медальона, какъ знакъ моей власти. (*Подходитъ къ столу и открываетъ ящикъ.*) Вотъ она. Будь у меня полная шея, какъ у васъ, я бы никогда не собрала ихъ достаточно. А теперь видите, цѣпочка почти сходится. Не доставало только послѣдняго звена. И когда я на рукѣ вашего мужа увидѣла кольцо...

Софья Семеновна.

Это чудовищно. Какъ дикари, которые носятъ пояса изъ череповъ. И вы можете съ улыбкой показывать эту гнусную цѣпь?

Альма.

Улыбаюсь, потому что мнѣ отрадно думать, сколько я этой цѣпью задушила уродства, сколько убила зѣвающихъ вечеровъ, тоскливыхъ ссоръ,

скучныхъ примиреній, сонныхъ, сѣро-тепловатыхъ ласкъ. Нѣтъ, мнѣ не жаль васъ. Каждое изъ этихъ колецъ я добыла чистотой души и красотой тѣла, и по царски расплачивалась за нихъ. А теперь я добровольно отказываюсь отъ власти. Вотъ кольцо, верните вашему мужу.

Софья Семеновна.

Не я вамъ его дала, не я возьму обратно. Не знаю, любила-ли я когда-нибудь, но что я ненавижу, что въ эту минуту васъ ненавижу, въ этомъ не сомнѣваюсь.

Альма.

А мнѣ позвольте усомниться. У васъ такое доброе, круглое лицо. Эти большіе близорукіе глаза, большія мраморныя руки. Я увѣрена, вы уже простили своего мужа, а скоро и меня простите и пожалѣете, и даже слезу прольете.

Софья Семеновна.

При всей вашей красотѣ вы мнѣ кажетесь чудовищной по уродству, одной изъ прокаженныхъ, которыхъ я недавно видѣла.

Альма.

Докажите, и я вамъ повѣрю. Вѣдь мы съ вами соперницы, не правда-ли? Такъ вотъ вамъ средство избавить себя отъ соперницы, а общество отъ духовно прокаженной. Вы слышали, конечно, что я пыталась отравиться? Вашъ мужъ меня отпоилъ, но я не привыкла, чтобы другіе распоряжались

моей волей. Подпишите этотъ рецептъ, разбейте мою жизнь, какъ я хотѣла разбить вашу.

Софья Семеновна.

Нѣтъ, я этого не сдѣлаю. Я врачъ, а не убійца.

Альма.

Тѣмъ хуже для васъ. Вы, можетъ быть, надѣетесь, что откроете мужу глаза и вернете его на путь семейныхъ добродѣтелей. Ошибаетесь. Еще никто не уходилъ отъ меня по доброй волѣ. Ужъ я васъ не пожалѣю и не задумаюсь, какъ меня назовутъ,—убійцей или нѣтъ.

Софья Семеновна *(послѣ минутнаго колебанія).*

Вы правы. Такое чудовище, какъ вы, не грѣшно уничтожить. Дайте перо. (*Подписываетъ рецептъ и быстро уходитъ.*)

Альма.

Дорого же мнѣ досталась свобода! Вотъ видите, я хорошо сдѣлала, что попросила васъ остаться.

Сухонина.

Не знаю, что думать, что сказать. Вы смертельно меня испугали. Была минута, когда я хотѣла сорваться съ мѣста и бѣжать. Вамъ не жаль этой женщины?

Альма.

Если она не ничтожество, встрѣча со мною переродитъ ее.

Сухонина.

Не думайте, что я придаю значеніе цѣпочкѣ изъ колецъ. Слишкомъ у васъ сильная натура, и вы не могли жить какъ всѣ дѣвушки. Сердце у васъ молчало, а воображеніе кипѣло. Заговоритъ сердце, и вы сдѣлаетесь самой вѣрной изъ женъ. Но меня другое пугаетъ.

Альма.

Вы боитесь за сына?

Сухонина.

Меня пугаетъ ваша смѣлость. Для насъ жизнь тайна, которой надо подчиниться, а для васъ она рядъ любопытныхъ опытовъ. Но не правда ли, вы не станете производить ихъ надъ сердцемъ Всеволода? Онъ такъ вамъ преданъ.

Альма.

Къ чему слова?

Сухонина.

Опять, какъ въ тотъ разъ, закрываю глаза и перехожу черезъ пропасть, слѣдуя за чьей то рукой. Такъ необходимо. До свиданія. Дайте мнѣ васъ обнять. Рецептомъ не воспользуетесь?

Альма.

Вы бы предпочли, чтобы моя жестокость осталась безцѣльной.

Сухонина.

Да, предпочла бы. Буду къ вамъ ѣздить, пока не поправитесь. А потомъ милости просимъ къ намъ. У васъ тутъ цѣлая декорація. Какъ цвѣта нѣжно подобраны. До свиданія. Вмѣсто себя пришлю Всеволода.

Альма.

Дайте поцѣловать ваши глаза. (**Альма** *разнимаетъ кольца, вынимаетъ пачки писемъ, раскладываетъ въ большіе конверты и пишетъ адреса. Входитъ* **Вета**).

Вета.

Не могу видѣть его слезъ.

Альма.

Ландышъ плачетъ?

Вета.

Сперва впалъ въ столбнякъ и невпопадъ сталъ отвѣчать: м-да, н-нѣтъ. Потомъ вдругъ какъ уткнется въ мои подушки. Лежитъ, сгорбленный, потный и плачетъ. Я даже до руки его дотронулась и сказала, что стыдно плакать, потому нѣтъ страданій. Онъ удивился моимъ словамъ и опять впалъ въ столбнякъ.

Альма.

Это онъ новую теорію обо мнѣ придумываетъ. (*Продолжаетъ писать. Въ дверяхъ показывается* **Всеволодъ Сухонинъ. Альма** *идетъ ему навстрѣчу и кладетъ ему руки на плечи.*)

Альма.

Зачѣмъ ты остригъ волосы, не спросясь? Что дѣлалъ эти дни? Даже не поблѣднѣлъ!

Всеволодъ.

Ничего особеннаго. По льду на парусахъ катались. (*Замѣчаетъ* **Вету.**) А, Вета! Почему у васъ такіе странные глаза?

Вета.

Вы никогда ничего не замѣчаете, а теперь угадали.

Всеволодъ (*къ* **Альмѣ**).

Вообрази, я съ первой минуты зналъ, что ты выздоровѣешь и совсѣмъ не безпокоился.

Альма.

А если бы я умерла? Ты-бы остался жить?

Всеволодъ.

Остался-бы жить. Я еще и въ другомъ былъ увѣренъ.

Альма.

Что я буду твоя? Какая у тебя славная мама. Только боюсь ея. Слишкомъ уступчивая. Такія опасны. Какъ ты.

Всеволодъ.

Ну, я не опасенъ. (*становится передъ ней на колѣни и цѣлуетъ ея правую руку.*)

Альма (*проводя свободной рукой по его волосамъ*).

У тебя сквозь волосы кожа сквозитъ, палево-розовая. И отъ головы пахнетъ мускусомъ.

Всеволодъ.

Султанъ тоже все утро обнюхивалъ мнѣ голову.

Альма.

Спасибо, къ собакѣ приравнялъ. А что я дѣлаю теперь?

Всеволодъ.

Ты приближаешь руку къ моей шеѣ. Я ее чувствую,—какъ будто подхожу къ большому костру.

Альма.

Ну, а скажи, отгадчикъ, почему это такъ стыдно?

Всеволодъ.

Не знаю, Альма.

Альма.

И почему это такъ гадко? Тебѣ не кажется, кто-то стоитъ за нами и корчитъ рожу: знаю, молъ, въ чемъ дѣло.

Всеволодъ.

Не нужно такъ.

Альма.

Не буду. Теперь встань. Я тебѣ, Вета, еще не сказала, что таки добыла рецептъ.

Всеволодъ.

Это какой же рецептъ?

Альма.

Того яда, который я выпила третьяго дня.

Всеволодъ.

Ты еще разъ?

Альма.

Когда онъ будетъ у меня въ рукахъ, я рѣшу: да или нѣтъ. И отъ тебя я прошу эту жертву. Иди и принеси. Ты исполнишь мою просьбу?

Всеволодъ (*послѣ паузы*).

Я долженъ исполнить все, о чемъ просишь. (*Беретъ рецептъ и уходитъ.*)

Вета.

Ты привыкла къ свѣту лампы, и не замѣчаешь, что наступаетъ вечеръ.

Альма.

Я чувствую, что вечеръ недалеко. У тебя, въ самомъ дѣлѣ, странные глаза.

Вета.

Мнѣ страшно, Альма.

(*Входитъ няня*).

Няня.

Хочешь кофею чашку? (**Альма** *дѣлаетъ отрицательный жестъ.*) А онъ у меня на кухнѣ.

Альма.

Кто на кухнѣ?

Няня.

Да старичекъ мой блаженненькій. Ты не гляди, что онъ выпивши. Испытай-ка, дитя, не побрезгуй.

Альма.

Я и не брезгую. Пусть войдетъ.

Няня (*въ дверяхъ.*)

Тихонъ Іонычъ, пожалуйте ко въ хоромы, барышня тебя видѣть хочетъ. Ничего, смѣлѣе. (*Голосъ за дверью: да я ничего, я гряду*).

Няня.

Гряди, гряди. (**Тихонъ** *входитъ и оглядывается.*)

Тихонъ.

Здравствуй, барышня.

Альма.

Здравствуй, дѣдушка.

Тихонъ.

Да что ты свою горницу, что улей укутала. Не бойся дня Божьяго, день то онъ и утѣшаетъ.

Альма.

Я боюсь дня, потому что онъ сѣрый.

Тихонъ.

Сѣрый то глядь и лучше. Гордости въ немъ меньше и не такъ боязно. Да у тебя, какъ

погляжу, и чисто черезъ мѣру. Ступить некуда.

Альма (*прислушивается*).

Вета, ты не подумала вдругъ, что, можетъ быть, и у красоты не надо быть въ рабствѣ?

Тихонъ.

Такъ. Какъ то лаврскій монахъ сталъ меня въ пьянствѣ корить. А я его спрашиваю: гордецы какъ одѣваются — въ пышныя ризы или въ лохмотья? Въ ризы, отвѣчаетъ. Такъ, вотъ говорю, ты стоишь передъ Богомъ въ ризахъ трезвости, а я стою въ отрепьяхъ пьянства. Выходитъ, ты есть гордецъ, а я смиренный. А то у меня знакомый мужикъ былъ, хохолъ изъ деревни въ Кіевъ на богомолье пріѣхалъ. А въ деревнѣ, извѣстно, храмъ простенькій, попикъ свой человѣкъ, и богъ имъ подстать, деревенскій, посильный богъ. И прожилъ мой мужичекъ съ этимъ богомъ всю жизнь, а пришелъ въ Кіевъ, къ большой Печерской церкви и оторопь его взяла, испугался очень. На воротахъ святые во весь ростъ написаны, бородатые, грозные, не попику чета, храмъ а—агромный, великолѣпный. Испугался мужичекъ, возмнилъ себя великимъ грѣшникомъ, оторопѣлъ, да на возжи сталъ заглядываться. Отъ чистоты Божьяго храма чуть не повѣсился. Насилу я его, дурака, отъ страху Божія вылечилъ.

Альма.

Да ты, дѣдушка, мудрый.

Тихонъ.

Не велика моя мудрость. Отъ страху заговоръ знаю—вотъ и все. Народъ-то больно напуганъ. И первое дѣло земля. Потомъ лѣсъ. И рѣка пугаетъ, особливо осенью. А пуще всего наше безобразіе и немощи. И смертушка тоже. Да ея бояться нечего. Она тихая и горькая. Самъ нашъ Спаситель Іисусъ Христосъ не побрезгалъ ею. А ты думаешь, легко было Спасителю отъ его небесной чистоты въ наше безобразіе воплотиться, ѣсть и пить, какъ люди. А вѣдь тамъ на небесахъ много почище будетъ, чѣмъ у тебя въ горницѣ.

Альма.

Присядь, дѣдушка.

Тихонъ.

Присяду и есть. (*смотритъ на потолокъ, задрапированный голубой матеріей.*) Это ты что же небесный сводъ смастерила, небесъ на аршинъ купила. А Спаситель-то, прежде, чѣмъ нашего безобразія пріобщиться, на настоящемъ небѣ жилъ. Въ его горницѣ на мѣсто коврика облака разостланы и не твоя лампа, а солнце горитъ. За день выгоритъ солнце, ночью его ангелы опять заправятъ и готово дѣло. А все же онъ, Батюшка, покинулъ чистоту небесную и воплотился — чуешь слово-то—плоть смертную и болѣзненную на себя надѣлъ. Вотъ догадайся, моя разумница, отчего бы такъ.

Альма (*все время прислушивается*).

Не надо бояться безобразія жизни.

Тихонъ.

Вѣрно, въ самую точку угодила. Читала вѣдь ты, раньше былъ грозный Богъ? И любилъ же онъ чистоту. Все въ облака да въ огонь рядился. И только напугалъ людей. Вотъ Батюшка Христосъ пришелъ, оплеванный, грязный и утѣшилъ міръ. Я въ Деміевкѣ разъ съ жидовскимъ раввиномъ заспорилъ. Одинъ—кричитъ жидъ и трясется весь. Нѣтъ, говорю, врешь. Одному страшно, а двумъ скучно. Положимъ три—оно веселѣе будетъ. Поменьше страху, повольготнѣе.

Альма.

Тебѣ, дѣдушка, сколько лѣтъ?

Тихонъ.

Не знаю, дитятко. Считалъ до семидесяти, по положенію: семьдесятъ лѣтъ вѣкъ человѣческій. Да мнѣ Богъ съ лишкомъ отсыпалъ, а лишку что считать: даренное.

Альма.

Ты землю обрабатывалъ?

Тихонъ.

Нѣтъ, я еще въ ямщикахъ служилъ, когда почтовые тракты были. Я—расейскій. А потомъ, какъ закрылись станціи, я поселился надъ Днѣпромъ да

рыбачилъ. Тутъ то я все и уразумѣлъ. Только хибарка моя въ омутъ сползла.

Альма.

Какъ такъ сползла?

Тихонъ.

Да такъ просто. Берегъ надъ нами песчаный былъ, кручь. Его размыло водой, и онъ оползнемъ на нашу хибарку и сползъ. Сынъ мой пріютить меня захотѣлъ, да я отказался. Хибарка моя въ омутъ сползла, и я въ омутъ пошелъ, пить сталъ да пѣсни пѣть да утѣшать людей. Мнѣ и прозвище—утѣшительный. Только дѣловъ у меня много. Нужно еще въ богадѣльню сходить, старушка умираетъ и боязно ей. Идти мнѣ пора.

Няня.

А заговоръ-то, Тихонъ Іонычъ, заговоръ шепни, не забудь.

Тихонъ.

Какъ же, какъ же. Мнѣ Захаровна говорила, и ты испужалась и неладное задумала. Не бойся, подойди къ старику, дай руки на голову положу. И свѣтлая же ты, какъ день Божій. (*Шепчетъ.*) Ну что, полегчало?

Альма.

Да, дѣдушка, полегчало.

Тихонъ.

Прощай, милая. Не бойся. Всякой душѣ страшно воплотиться, да такъ Богъ велѣлъ. (**Тихонъ** *и няня уходятъ.*)

Вета.

Меня до смерти напугалъ этотъ старикъ своимъ безобразіемъ. Его слова казались мнѣ копотью отъ лампы.

Альма.

Ты не права. Его душа вьется вокругъ того же огня, какъ и моя. Я слушала не его, но себя, и вдругъ многое поняла.

Вета.

Альма, милая, я все хочу спросить тебя. Зачѣмъ бояться, зачѣмъ страдать, зачѣмъ жалѣть, когда можно сейчасъ же уйти и совсѣмъ?

Альма.

Навсегда?

Вета.

Такъ, чтобы никакой докторъ никакимъ рвотнымъ не могъ тебя вернуть. Уйти, смѣясь, какъ на прогулку. Теперь мы узнали: не надо слишкомъ много. Если-бы мы подѣлили поровну? Позволь, Альма, отлить мнѣ половину. Вѣдь я теперь уже большая.

Альма.

Ты хочешь умереть, ты еще не страдавшая?

Вета.

Видишь, Альма, я такъ боюсь страданій, что одна мысль о нихъ внушаетъ мнѣ гадливость. Прежде, когда плакалъ Ландышъ, я его жалѣла.

а жалѣть уже значитъ страдать. Страданія кажутся мнѣ чѣмъ то вродѣ клоповъ. Весь день у меня передъ глазами огненные круги. И когда ты цѣловала Всеволода, мнѣ было такъ страшно. Альма, не откажи мнѣ.

Альма.

Хорошо, Вета, я не стану прятать отъ тебя питья. Ты вольна поступать какъ хочешь. Но раньше дай скажу тебѣ то, что я сама только сегодня ясно поняла, вотъ сейчасъ, послѣ словъ старика. Какъ будто онъ отдернулъ холстъ съ готовой статуи. Сядь подлѣ меня и слушай.

Вета.

Слушаю, Альма.

Альма.

Такъ вотъ что, Вета. Ты хочешь свѣтлою силою побѣдить темную. Зaткать грубую основу нѣжнымъ узоромъ.

Вета.

Порвать эту основу, если она грубая.

Альма.

Или порвать. Такъ знай, что всѣ, рѣшительно всѣ стремятся къ тому-же. Но свѣтлая сила бываетъ различна. Помнишь, сколько въ природѣ стихій.

Вета.

Конечно,—четыре: земля, вода, огонь и воздухъ.

Альма.

Въ душѣ столько-же стихій. И первая, самая грубая, похожа на землю: это—воля. Она раньше всѣхъ дается человѣку. Это—самое простое первобытное оружіе души въ борьбѣ съ темною силою.

Вета.

Въ чемъ выражается воля?

Альма.

Въ поступкахъ, въ томъ, что мы совершаемъ только тѣ поступки, которые считаемъ хорошими, а отъ дурныхъ воздерживаемся. Душа, закаленная сильною волею, уже спаслась отъ темной силы, но еще не просвѣтлѣла. Она похожа на тяжелый комъ земли или камень. Ее не сдвинешь, когда она прикрѣпилась къ мѣсту, и не остановишь, когда она сорвалась и летитъ впередъ. Центръ, куда она тяготѣетъ, называется добромъ.

Вета.

Приблизь ко мнѣ свою мысль. Я уже понимаю, но еще не вижу ее.

Альма.

Вообрази, Вета, что теперь, когда во мнѣ проснулась темная сила страсти, я бы захотѣла бороться съ ней посредствомъ воли. Я бы ушла отъ Всеволода, заперлась въ своей комнатѣ, какъ въ монастырѣ, или уѣхала путешествовать. Желаніе во мнѣ не умерло-бы, но я-бы его связала своими

поступками и наконецъ въ силу привычки осталась-бы чистой.

В е т а.

О, какъ это было-бы грубо.

А л ь м а.

Ты понимаешь? Темная сила была-бы только связана, но каждую минуту могла-бы ожить во мнѣ, въ тебѣ, повсюду.

В е т а.

У дяди сильная воля.

А л ь м а.

Да, у него и у всѣхъ первобытныхъ душъ. Вотъ почему я такъ боюсь поступковъ. Въ каждомъ изъ нихъ, въ добромъ и зломъ, есть что-то дешевое, механическое, размахъ и навыкъ машины. А ты хочешь однимъ поступкомъ, однимъ глоткомъ яда покорить темную силу.

В е т а.

Я больше не хочу. Но ты сама...

А л ь м а.

И я споткнулась о камень. Есть болѣе благородная стихія души.

В е т а.

Скажи какая?

А л ь м а.

Вторая стихія души—это разумъ. Онъ уже не стоитъ на одномъ мѣстѣ, какъ глыба земли, но по-

добно водѣ, разливается въ глубину и въ ширину, и все обнимаетъ, всюду проникаетъ.

Вета.

Помимо поступковъ.

Альма.

Совсѣмъ независимо отъ поступковъ. Стоишь какъ тростникъ подъ вѣтромъ, качаешься вправо и влѣво, безразлично отдаешься и добру и злу,— но мысль, какъ широкое море, окружаетъ тебя и отражаетъ мельканіе твоей жизни. Горизонтъ, куда мысль стремится, называется истиной. Кто понялъ истину, тотъ понялъ ее для всѣхъ.

Вета.

Скажи, кто изъ насъ похожъ на такой тростникъ?

Альма.

Хотя-бы Ландышъ. У него нѣтъ воли къ поступкамъ, онъ всегда разсуждаетъ и объясняетъ.

Вета.

Не хочу быть какъ Ландышъ.

Альма.

Ты можетъ быть права. Мысль, какъ море, прозрачна только на мелкихъ мѣстахъ, но на глубинѣ она темнѣетъ и сама становится непроницаемой тайной. И потомъ, подобно водѣ, мысль разливается только вглубь и въ ширь, но вверхъ

подняться она безсильна. Высоты ей заказаны. И она тушитъ все что горитъ.

Вета.

Но есть еще стихія?

Альма.

Да, третья стихія. Страсть. Она подобно огню. Она стремится къ верху, она, какъ огонь, все очищаетъ и мгновенно сообщается отъ сердца къ сердцу. Тогда она разгорается пожаромъ, все разрушая и превращая въ пепелъ. Какъ огонь она неистова и такъ-же недолговѣчна.

Вета.

Къ чему-же она стремится?

Альма.

Къ счастью.

Вета.

Скажи, кто изъ насъ живетъ страстью?

Альма.

Всеволодъ. Страсть замѣняетъ ему волю и разумъ. И онъ будетъ счастливъ.

Вета.

Не хочу быть какъ Всеволодъ. Назови мнѣ четвертую стихію, ту, что похожа на воздухъ.

Альма.

Ту, что равномѣрно струится во всѣ стороны, легкую, вѣчно волнующуюся, неразрушимую. Это—

чувство тихое, ровное. Для него нѣтъ границъ и береговъ. Чувство стремится къ гармоніи. Оно любитъ дали и окутываетъ все далекое снисходительной дымкой и дѣлаетъ прекраснымъ. Оно любитъ высоты. Тамъ оно образуетъ небо, прозрачную бездну. Оно проникнуто свѣтомъ. Душа, которая не знаетъ страсти и отдается чувству, похожа на облако: она безцѣльно странствуетъ, отражаетъ лучи дня и вечера, но въ концѣ таетъ и гаснетъ.

Вета.

И ты жила чувствомъ?

Альма.

Да. Я любила только далекое, только формы жизни, а не жизнь. Но я забыла, что свѣтъ дается на время и что близокъ вечеръ. Какъ воздухъ въ высшихъ слояхъ рѣдѣетъ и граничитъ съ пустотой, такъ чувство истончается въ безразличіе.

Вета.

Чѣмъ-же ты будешь жить теперь?

Альма.

Есть еще пятая стихія.

Вета.

Ты ведешь меня на высоту. У меня голова кружится, но я покорно слѣдую за тобой. Мы теперь на вершинѣ?

Альма.

Кажется. Есть пятая стихія — эфиръ, тонкій незримый, всепроникающій, вездѣсущій эфиръ, всегда движущійся, но безбурный, проводникъ тепла, но холодный.

Вета.

И какъ называется эта стихія души, похожая на эфиръ?

Альма.

Не знаю, Вета. Для нея еще нѣтъ названія, потому что люди рѣдко живутъ въ этой стихіи.

Вета.

И ты не знаешь, чего будешь искать, живя въ пятой стихіи?

Альма.

Это я знаю, но боюсь произнести слово. Имъ такъ часто злоупотребляютъ. Слушай, сестра. Это благо называется свободой. И нѣтъ въ мірѣ слова сильнѣе и отраднѣй. Свобода все замѣняетъ—добро, истину, счастье, красоту. Помнишь, Ландышъ говорилъ, что все въ жизни ограничено, кромѣ силы страданій, и что по способности страдать—мы боги. Онъ не правъ. И сила страданій ограничена. За извѣстнымъ предѣломъ мы впадаемъ въ обморокъ и становимся безчувственны. Но свобода кажется мнѣ безграничной. Только она равняетъ человѣка съ Богомъ.

Вета.

Что нужно сдѣлать, чтобы быть свободной.

Альма.

Нужно не бороться. Нужно воплотиться и побѣдить. Я опускаюсь, чтобы подняться. Я ощупью иду къ большому свѣту.

Вета.

Ты бы это сказала Ландышу. Онъ можетъ быть пересталъ бы плакать.

Альма.

Позови его. Я хочу съ нимъ попрощаться.

Вета.

Какое счастье, Альма, что ты существуешь. (*Уходитъ.* **Альма** *какъ прежде пишетъ. Черезъ нѣсколько времени* **Вета** *возвращается съ* **Будаевскимъ.**)

Альма.

Полно плакать, Ландышъ. Подойдите ближе, намъ нужно попрощаться.

Будаевскій.

Я зналъ, что эта минута настанетъ. Но я не въ силахъ уйти отъ васъ.

Альма.

Бѣдный другъ.

Будаевскій.

Вы сами сдѣлали то, что я вдали отъ васъ не могу жить. Будь вы какъ всѣ, я бы надѣялся васъ

забыть. Но какъ и куда уйти отъ единственнаго свѣта? Вы сильны какъ смерть, и кто къ вамъ пришелъ, тому нѣтъ возврата.

Альма.

Цвѣты умираютъ, но ихъ запахъ еще живетъ.

Будаевскій.

Позвольте мнѣ остаться при васъ, позвольте быть свидѣтелемъ вашего паденія, дайте ревновать, плакать, только не гоните отъ себя.

Альма.

Хорошо, оставайтесь. Вы будете видѣть меня когда хотите. И всетаки мнѣ нужно попрощаться съ вами. Возвращаю вамъ свободу, снимаю обѣщаніе чистоты. Возьмите письма, кольцо. Я не достойна хранить ихъ. И вы попрощайтесь со мною. Прежней Альмы нѣтъ. Эта комната больше не храмъ, и сдѣланный вами мой портретъ не образъ. Потушите лампу и раздвиньте занавѣси. Я не должна больше прятаться отъ улицы. Пусть намъ свѣтитъ тотъ-же скудный свѣтъ. О, какъ темно. (*Всѣ трое стоятъ у окна и глядятъ на улицу.*)

Вета.

Какой густой снѣгъ.

Альма.

И чуть коснувшись земли, хлопья исчезаютъ, превращаются въ грязь.

Будаевскій.

Вдали они образуютъ сплошную дрожащую сѣть. И на сѣромъ, мелькающемъ фонѣ отдѣльныя хлопья, большія и бѣлыя, летятъ во всѣ стороны.

Вета.

Многія летятъ къ верху, какъ будто хотятъ вернуться на небо.

Альма.

Но ихъ собственная тяжесть увлечетъ ихъ на землю.

Вета.

На мокрую черную землю.

Будаевскій.

Идетъ война между небомъ и землей.

Вета.

Всѣ облака превратились въ снѣгъ.

Будаевскій.

Всѣ звѣзды превратились въ снѣжинки и упали съ неба.

Альма.

И земля побѣждаетъ, земля сильнѣе неба.

Будаевскій.

Но гдѣ-то горныя вершины покрыты нетающимъ снѣгомъ.

Альма.

Горныя вершины далеки отъ земли.

Вета.

На горныхъ вершинахъ не течетъ вода.

Альма.

Лучи солнца скользятъ мимо горныхъ вершинъ.

Вета.

До горныхъ вершинъ не доходитъ вѣтеръ съ моря.

Альма.

Горныя вершины купаются въ эфирѣ. (*Быстро входитъ* **Софья Семеновна Стрижъ**).

Софья Семеновна.

Ради Бога верните рецептъ. То была минута безумія.

Альма.

А, вы почувствовали жалость.

Софья Семеновна.

Я обдумала ваши слова. Вы были правы. Не дѣлайте надо мною насилія.

Альма.

Подождите минуту, я вамъ отдамъ.

Софья Семеновна.

Если-бы вы имъ воспользовались, я-бы не пережила васъ. (*Входитъ докторъ.*)

Докторъ.

Къ вечеру потушили лампы? Ну что паціентка? Идетъ какъ слѣдуетъ?

Альма.

Дайте руку. (*Надѣваетъ ему кольцо на палецъ. Докторъ замѣчаетъ жену.*)

Докторъ.

Моя жена здѣсь и вы съ нею говорили?

Альма.

Вы должны къ ней вернуться. Я такъ хочу. (*Входитъ Всеволодъ. За нимъ въ дверяхъ показывается дядя. Всеволодъ отдаетъ всѣмъ общій поклонъ, подходитъ къ Альмѣ и вручаетъ ей завернутый въ бумагу флаконъ.*)

Альма.

Вета, тебѣ нужно?

Вета.

Нѣтъ, Альма, больше не нужно.

Альма (*Софьѣ Семеновнѣ*).

Вотъ вамъ питье и рецептъ.

Софья Семеновна.

Вы мнѣ вернули спокойствіе.

Альма.

Позвольте васъ познакомить. Будаевскій, госпожа Стрижъ. Всеволодъ Васильевичъ Сухонинъ, мой женихъ. (*Дядя исчезаетъ.*)

Всеволодъ.

Альма!

Докторъ.

Увы, кажется, вы таки нормальны.

Будаевскій.

Всеволодъ Васильевичъ, позвольте мнѣ первому васъ поздравить. Благодаря вамъ, сбылось самое прекрасное и трагическое, о чемъ можно мечтать: любовь Альмы.

Вета.

Учитель словестности говорилъ намъ, что трагедіи кончаются смертью, а бракомъ кончаются комедіи.

Будаевскій.

Вашъ учитель ошибается. Только трагедіи кончаются бракомъ. (*Всѣ разбиваются на группы.*)

Всеволодъ (*отдѣльно Будаевскому.*)

Я отдѣлываю свой домъ и хотѣлъ бы украсить комнаты стѣнною живописью. Согласны вы взяться за этотъ трудъ?

Будаевскій.

Хорошо, я напишу рядъ картинъ, въ которыхъ изображу побѣду красоты.

(*Снова является дядя. За нимъ горничная несетъ подносъ съ бутылкою шампанскаго и бокалами.*)

Дядя.

Выпьемъ господа за здоровье невѣсты и жениха.

Вета.

Не забудьте, дядя, выпить и за глухонѣмого.

Дядя.

Да, и за глухонѣмого. Онъ оказался правъ, какъ всегда.

Вета.

Увидимъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Пріютъ Альмы.

Дѣйствующія лица:

Альма.

Вета.

Всеволодъ Васильевичъ Сухонинъ.

Варвара Борисовна Сухонина.

Владиміръ Михайловичъ Будаевскій.

Докторъ Стрижъ.

Софья Семеновна Стрижъ.

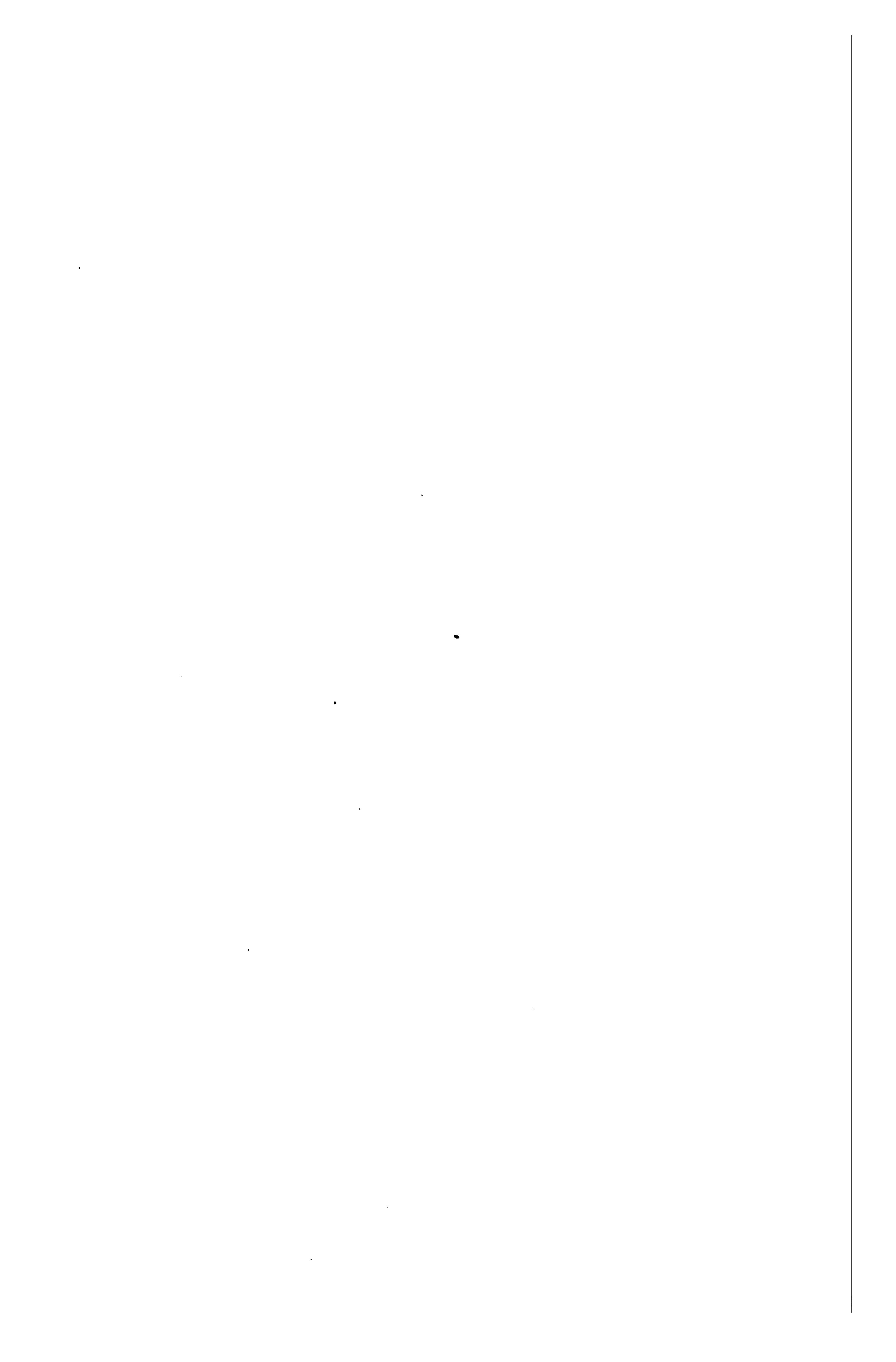
Верейкина.

Профессоръ Волковъ.

Фельдшерица изъ пріюта.

Сестра милосердія.

Между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ проходитъ слишкомъ три года.

Кабинетъ **Альмы**. Направо дверь въ другія комнаты; прямо— въ дѣтскую, налѣво въ спальню. **Будаевскій**, въ рабочей блузѣ изъ чернаго сукна, измѣряетъ стѣны и дѣлаетъ замѣтки въ записной книжкѣ. **Вета** вынимаетъ изъ портфеля рисунки и разсматриваетъ одинъ за другимъ. Свѣтлое весеннее утро.

Вета.

Какъ-же рѣшили: будете писать на стѣнѣ или на холстѣ?

Будаевскій.

Придется, кажется, предпочесть холстъ. Когда еще Александра Васильевна уѣдетъ на дачу и сколько тамъ пробудетъ—Мнѣ нужно около шести мѣсяцевъ.

Вета.

Еще полгода и все окончено. Подумайте.

Будаевскій.

Тѣ комнаты я могъ расписывать, не стѣсняясь тѣмъ, что въ домѣ живутъ. А здѣсь, въ кабинетѣ Альмы — и рядомъ, кажется, дѣтская спальня— за этой дверью.

Вета.

Вы говорите, какъ человѣкъ, который чего-то боится.

Будаевскій.

Нѣтъ, Вета. Съ тѣхъ поръ, какъ я понялъ, что люблю васъ, и сказалъ вамъ объ этомъ, и вы позволили любить себя, я ничего не боюсь, ни людей, ни воспоминаній. Но есть нѣчто другое, чего я боюсь.

Вета.

И что могло-бы проскользнуть между вами и вашей любовью?

Будаевскій.

Да, проскользнуть, какъ туманъ и развлечь мое вниманіе, помѣшать мнѣ работать. Это—образы прошлаго, отдѣляющіеся отъ предметовъ, какъ тѣни или ядовитый запахъ. Эти комнаты долго были для меня мѣстомъ казни. Въ первое время послѣ свадьбы Альмы—была-ли то ревность или тоска—мое воображеніе спѣшило сюда, на встрѣчу страданію, какъ другіе спѣшатъ на мѣсто радости. Цѣлыя ночи лежалъ я съ открытыми глазами, видѣлъ эти стѣны, слышалъ голоса, дыханіе. Я не зналъ, чѣмъ это кончится. Меня пугала не столько мучительность образовъ, сколько ихъ однообразіе. Всегда одни и тѣ же, какъ предметы изъ окна тюрьмы. Всегда въ томъ-же порядкѣ, какъ звенья цѣпи. Стоило мнѣ прилечь, забыться на минуту, и образы возникали, проходили мимо и опять возвращались безъ конца.

Вета.

Вы тогда писали въ гостиной эту группу дѣтей, которую я такъ люблю. И я замѣчала по движеніямъ кисти, по вашимъ глазамъ, что вы далеко, хотя не знала гдѣ.

Будаевскій.

Можетъ быть, я лишился бы разсудка,—до того тѣсно мнѣ становилось въ этомъ кругу. Вы спасли меня. Въ то утро, можетъ быть, я уже любилъ васъ. И когда вы повторили слова, которыя уже въ первый разъ такъ поразили меня—

Вета.

Нѣтъ страданій.

Будаевскій.

Я повѣрилъ вамъ, какъ мы вѣримъ солнцу, когда оно утромъ говоритъ, что нѣтъ темноты. И сразу надо мною потеряли власть всѣ пугавшіе меня образы; и любовь моя къ Альмѣ прошла, потому что законъ страданій былъ побѣжденъ.

Вета.

Теперь вы боитесь, что мертвые образы воскреснутъ?

Будаевскій.

Нѣтъ, я боюсь воображенія. То, что умерло для мысли и для чувства, еще долго сохраняется на кладбищѣ воображенія. У себя въ мастерской

мнѣ было-бы легче работать, чѣмъ въ этой комнатѣ, но не знаю, смогу-ли работать безъ васъ.

Вета.

Я буду тамъ, гдѣ вы.

Будаевскій.

Подумайте, скоро ваши уѣдутъ на дачу, и вы должны будете ѣхать съ ними.

Вета.

Я останусь въ городѣ. Будемъ вмѣстѣ.

Будаевскій.

О, Вета, вы въ самомъ дѣлѣ, какъ солнце. Всѣ другіе остаются тайной, покуда ихъ не видишь вблизи, но вы непостижимы своимъ свѣтомъ, и чѣмъ ближе, тѣмъ непостижимѣе.

(*Справа входитъ Варвара Борисовна Сухонина въ свѣтлой мантильѣ и въ шляпкѣ, которую снимаетъ на ходу и бросаетъ въ кресло.*)

Варвара Борисовна.

Здравствуйте, Будаевскій! Вета! Что Женичка? Доктора были?

Будаевскій.

Женичка? Развѣ она больна?

Варвара Борисовна.

Хорошъ другъ. Бываетъ каждый день и не знаетъ, что дочь хозяевъ опасно больна.

Будаевскій.

Я рѣдко вижу Александру Васильевну съ тѣхъ поръ, какъ она предалась своей благотворительности.

Вета.

Кажется, у Жени теперь профессоръ Воиновъ.

Варвара Борисовна.

Не кричала?

Вета.

Кажется, нѣтъ.

Варвара Борисовна (*направляется къ средней двери, изъ которой въ это время выходитъ Всеволодъ.*)

Всеволодъ.

Ты здѣсь, мама, я хотѣлъ послать за тобой.

Варвара Борисовна.

Лучше ей?

Всеволодъ.

Не спрашивай. (*Беретъ ея руки и закрываетъ ими себѣ глаза.*)

Варвара Борисовна.

Полно, другъ мой. Богъ милостивъ. Профессоръ осмотрѣлъ ее?

Всеволодъ.

Да, онъ консультируетъ съ Софьей Семеновной.

Варвара Борисовна.

Мы не помѣшаемъ? Аля тамъ?

Всеволодъ.

Ея нѣтъ. Недавно вышла.

Варвара Борисовна.

Уйти, когда ребенку хуже!

Всеволодъ.

Должно быть, забѣжала въ пріютъ. Скоро вернется.

Варвара Борисовна.

Какъ можно думать о чужихъ дѣтяхъ, когда свое въ опасности!

Всеволодъ.

Мама, прошу тебя, ты вѣдь знаешь.

Варвара Борисовна.

Хорошо, не буду. Только-бы не принесла болѣзни изъ пріюта и не заразила-бы Женю. Войдемъ. (*Уходятъ въ дѣтскую.*)

Будаевскій.

Скажите, Вета, что это за пріютъ, о которомъ столько говорятъ?

Вета.

Когда Альма стала беременна — вы помните, послѣ смерти дяди—она нѣсколько мѣсяцевъ никому не показывалась. Въ это время она съ Софьей Семеновной открыла и устроила дѣтскій пріютъ. Онѣ познакомились со всѣми повивальными баб-

ками въ городѣ, и тѣ приносили дѣтей, отъ которыхъ матери отказывались по бѣдности или отъ стыда. Вначалѣ ихъ было немного. Главный пріемъ начался, когда родилась Женя.

Будаевскій.

Вы бывали въ этомъ пріютѣ?

Вета.

Разъ была. Альма повела Всеволода и меня. За нами шла няня съ Женей. Вы знаете, Альма сама ее кормила и никогда съ нею не разставалась.

Будаевскій.

Воображаю на улицѣ эту семейную процессію.

Вета.

Мы и не выходили на улицу. По черной лѣстницѣ, черезъ квартиру Софьи Семеновны, можно пройти въ пріютъ. Тамъ свѣтло и уютно. Ребятъ было болѣе тридцати—мальчиковъ и дѣвочекъ—все ровестницы Жени—и совсѣмъ не было слышно дѣтскаго крика. Альма обходила съ нами всѣ кроватки, просила всматриваться въ дѣтскія личики и сказать, кто изъ дѣтей возбуждаетъ въ насъ наиболѣе симпатіи. Она нѣсколько разъ повторяла, что говорить не о красотѣ, но о невольной симпатіи.

Будаевскій.

На что ей это понадобилось?

Вета.

Мы вглядывались въ дѣтей, играли съ ними. Я отдала свою симпатію одной синеглазой дѣвочкѣ. Всеволодъ нашелъ всѣхъ одинаково милыми, но влеченіе чувствовалъ только къ своей Женѣ. Альма шла молча, опустивъ глаза, какъ будто прислушиваясь къ себѣ самой, съ выраженіемъ, почти похожимъ на улыбку. О, если-бы вы видѣли, какъ она тогда была прекрасна!

Будаевскій.

Альма и филантропія? Альма —пріютская патронесса! Неужели я ошибался, когда любилъ ее? Или душа можетъ еще при жизни покинуть человѣка и уступить мѣсто другой душѣ? Я этого никогда не пойму.

Вета.

Не говорите такъ. Мы не видимъ Альму. Для насъ ея душа зашла за облако. Но кто знаетъ, какими лучами она свѣтится тамъ. И этотъ пріютъ не кажется мнѣ дѣломъ филантропіи.

Будаевскій.

Чѣмъ-же, Вета?

Вета.

Не знаю. Не забудьте, что мы съ вами нашли свободу—въ любви къ искусству.

Будаевскій.

И въ любви?

Вета.

Да, и въ любви. Но Альма все еще ищетъ.

Будаевскій.

Что общаго между свободой, и этимъ подобіемъ воспитательнаго дома?

Вета.

Насколько я знаю Альму, она, когда почувствовала себя матерью, должна была полюбить дѣтей вообще, а не только то дитя, которое ей далъ случай. Она такъ ненавидитъ случай.

Будаевскій.

Вы думаете, что она захотѣла бороться со своей любовью?

Вета.

Принудительная, навязанная судьбою любовь къ опредѣленному существу могла ей показаться унизительнымъ рабствомъ. Не странно-ли? Женя мнѣ всегда казалось чужой...

Будаевскій.

Неужели Альма способна и на это?

Вета.

Тогда, глядя на ея улыбку, я повѣрила-бы, что подъ нею скрывается тайна.

Будаевскій.

Я знаю эту улыбку (*Вынимаетъ листъ изъ портфеля.*) Вотъ она. Я помѣщу ее на картинѣ.

Вета.

Да, это она. И какъ могла-бы я допустить, что отъ васъ укроется что либо прекрасное. Замѣтьте, все, что есть въ вашихъ картинахъ прекраснаго, относится къ Альмѣ. Она и вдали, и незримая, притягиваетъ ваше воображеніе еще сильнѣе, чѣмъ прежде—какъ я читала, что луна притягиваетъ волны всего сильнѣе вначалѣ мѣсяца, когда ея не видно. Скажите, вы видѣли на ея лицѣ эту улыбку, или сами догадались?

Будаевскій.

Кажется, видѣлъ. До сихъ поръ я не говорилъ вамъ, но теперь могу разсказать. Это было лѣтомъ, два года тому назадъ. Я оканчивалъ вакханокъ, работалъ весь день и забылъ про обѣдъ. Уже стало темнѣть, когда она вошла. Она сказала, что пріѣхала съ дачи, чтобы видѣть меня. Спросила, не страдаю-ли я, и этимъ вопросомъ разбудила всѣ мои страданія. Она была холодна, однако не уклонялась отъ моихъ ласкъ. Но вдругъ встала и ушла. И когда она уходила, мнѣ казалось, при невѣрномъ свѣтѣ лѣтней ночи, что она улыбалась, и что глаза ея были опущены. Потомъ она встрѣчалась со мною, какъ чужая, и если приходила взглянуть на мою работу, то всегда съ мужемъ, или въ вашемъ присутствіи. А вскорѣ и я ей сталъ чужой, потому что полюбилъ васъ, хотя долго боялся сказать вамъ это.

Вета.

Чего вы боялись?

Будаевскій.

Я боялся, что вы, свидѣтельница моей любви къ Альмѣ, будете ревновать меня къ прошлому.

Вета.

Какъ могла-бы я во имя любви ревновать васъ къ любви?

Будаевскій.

Неправда-ли, Вета, ревности нѣтъ, потому что нѣтъ измѣны. Любовь не бываетъ ни первой, ни второй. Она всегда единая. Не потому что мы любимъ одинъ разъ или одного человѣка, а потому что въ любимомъ человѣкѣ мы всегда любимъ единое. Любить другъ въ другѣ вѣчное важнѣе, чѣмъ любить другъ друга вѣчно.

Вета.

Вы разлюбили сестру и полюбили другую.

Будаевскій.

Первая сестра дала мнѣ страданіе, нужное для замысла, вторая—спокойствіе, нужное для исполненія.

Вета.

Альма была вашимъ тревожнымъ сномъ, я—ваше спокойное пробужденіе.

Будаевскій.

Потому что любовь ничто иное, какъ небесный сонъ, идущій на встрѣчу къ своему земному пробужденію.

Вета.

Въ нашихъ словахъ великая грусть.

Будаевскій.

Какъ хорошо стоять на высотѣ, видѣть печаль жизни и не бояться ея. (*Входитъ Альма.)*

Альма.

Вы вѣчно заняты искусствомъ, и Вета съ вами.

Будаевскій.

Я не рѣшаюсь приступить къ работѣ, прежде чѣмъ вы не просмотрите этюды. Вамъ придется жить среди этихъ картинъ.

Альма.

Хорошо, я скоро приду и вы мнѣ покажете. (*Идетъ къ средней двери и останавливается.*) Бѣдный Ландышъ, раньше чѣмъ вы покроете эти стѣны подобіемъ жизни,—жизнь, можетъ быть, уйдетъ отсюда. Наша Женя опасно больна. И та дѣвочка въ пріютѣ,—помнишь Вета, синеглазая Оля, что такъ тебѣ понравилась,—и она больна.

Вета.

Ты теперь отъ нея?

Альма.

У Оли скарлатина. Зайди я къ ней, я не могла-бы вернуться къ Женѣ. Но я долго боролась, и еще теперь борюсь и не знаю, гдѣ мнѣ слѣдуетъ быть. Скажи, Вета, когда ты въ первый разъ увидѣла Олю и почувствовала къ ней невольную симпатію, что въ тебѣ говорило?

Вета.

Какимъ-то инстинктомъ меня къ ней потянуло, какъ къ чему-то родственному.

Альма.

То-же самое было со мной. Какой-то голосъ горячій и взволнованный, какъ кровь, сказалъ мнѣ, что мое мѣсто у моей синеглазой Оли. Сидѣть около нея, прижать ее къ сердцу—а тамъ, будь, что будетъ. А другой голосъ, блѣдный и нѣжный, какъ-то молоко, которымъ я вскормила Женю, велитъ мнѣ не слушаться голоса крови.

Вета.

И нѣжный голосъ побѣдилъ?

Альма.

Я хочу, чтобы онъ побѣдилъ. (*Уходитъ.*)

Будаевскій.

Все дурное, что думаешь объ Альмѣ въ ея отсутствіи, исчезаетъ при ея видѣ.

Вета.

Она возстала на природу и природа защищаетъ себя.

Будаевскій.

Я не понялъ, что она говорила о двухъ голосахъ.

Вета.

Кажется, она хотѣла сказать, что инстинктомъ крови женщина связана только со своимъ роднымъ дѣтищемъ, которое носила подъ сердцемъ, но что молоко свое и заботы она вольна отдавать каждому ребенку. Кажется, въ душѣ Альмы происходитъ великая борьба.

Будаевскій.

Вотъ почему я боюсь за Альму. Кто-же борется и споритъ, тому красота чужда. Спорить о добрѣ и злѣ можно до скончанія вѣка и ни до чего не договориться, по самой природѣ разума, который видитъ надвое. На древѣ познанія идей положеніе и отрицаніе ростутъ попарно, въ одной скорлупкѣ, какъ миндалинки. Вродѣ качелей. Становись куда хочешь—и куда твой противникъ, валяй въ другую сторону. Надо бороться со зломъ. Не надо бороться со злымъ. Любовь — святыня. Любовь — грѣхъ. И такъ безъ конца.

Вета.

Но есть правда безспорная.

Будаевскій.

Да, правда—красота, та, которая постигается чувствомъ, вкусомъ. Вкусъ это начало безспорное.

То-же самое было съ наукой. Пока природу объясняли идеологи, не было истины. А какъ только обратились къ свидѣтельству чувствъ, къ наблюденію, явилась наука. Мы съ вами, Вета, построимъ свою жизнь на правдѣ безспорной. Боюсь, что Альма не пойметъ моихъ этюдовъ. Оставайтесь здѣсь. Въ вашемъ присутствіи мнѣ будетъ легче. (*Уходитъ. Вета разсматриваетъ рисунки. Входитъ Верейкина и оглядывается.*)

Верейкина.

Простите — Мнѣ нужно — Не знаете-ли, гдѣ Александра Васильевна?

Вета.

Сестра въ эти дни не принимаетъ. У нея ребенокъ болѣнъ.

Верейкина.

Да. Свой ребенокъ, такъ сама ухаживаетъ. О, я несчастная. (*Разражается долго сдерживаемыми рыданіями.*)

Вета.

Что вы, что вы!

Верейкина.

(*Сквозь слезы*). Дитя мое—Отдайте мою дочь—Я третій день ужь сколько дожидаюсь. Простите, мнѣ такъ больно!

Вета.

Успокойтесь, ради Бога. Скажу сестрѣ, какъ только освободится. Когда уйдутъ доктора. Ваша дѣвочка въ пріютѣ?

Верейкина.

Они ее взяли въ пріютъ. Уговорили меня. А теперь отецъ пріѣзжаетъ. Что мнѣ дѣлать? Что дѣлать. (*Ломаетъ руки.*)

Вета.

Кто уговорилъ васъ?

Верейкина.

Да ваша сестра и Софья Семеновна, докторша пріютская. И какъ мнѣ было устоять. Очень я была жалкая тогда. Отецъ ребенка запилъ. Мы не были повѣнчаны. А какъ подошли роды, онъ меня бросилъ и уѣхалъ къ роднымъ.—Отдайте, да отдайте намъ ребенка. И ему будетъ хорошо, и вамъ свободно. Этой постылой свободой меня и взяли. Теперь отецъ пріѣзжаетъ. Что я ему скажу? Что дѣлать?

Вета.

Я скажу сестрѣ.

Верейкина.

Поговорите, милая, убѣдите ее. Мнѣ теперь или ребенка, или въ Фонтанку—и всему конецъ. Не глядите что я такая. И я училась, на курсахъ была. Изстрадалась я, все сердце перекипѣло. Пожалѣйте меня. Я буду кричать: отдайте мнѣ мое дитя.

Вета.

Какъ можно такъ волноваться изъ за мелочей жизни? Кажется, идутъ. Я васъ провожу въ пріемную—подождите, успокойтесь. (*Уходятъ. Изъ дѣтской выходятъ профессоръ Воиновъ, Всеволодъ, Альма, Варвара Борисовна и Софья Семеновна.*)

Профессоръ.

Да, не совсѣмъ менингитъ, но на то похоже. Если не будетъ осложненій, опасаться нечего. Исходъ зависитъ отъ случайностей, которыхъ нельзя предвидѣть. Напримѣръ отъ наслѣдственности. Я замѣтилъ, что дѣти алькоголиковъ и эпилептиковъ труднѣе переносятъ эту болѣзнь.

Софья Семеновна.

(*Показывая написанный рецептъ*). Такъ, профессоръ?

Профессоръ.

Совершенно вѣрно, коллега. И чѣмъ меньше людей въ комнатѣ больной, тѣмъ лучше. Сидѣлка и еще кто нибудь.

Софья Семеновна.

До вечера я дежурю. Прощайте. (*Уходитъ.*)

Варвара Борисовна.

Ты не боишься, Аля, принести изъ пріюта какую нибудь заразу?

Профессоръ.

Это чрезвычайно важно. Малѣйшая инфекція, и болѣзнь можетъ принять самый нежелательный оборотъ. Въ пріютѣ теперь нѣтъ больныхъ?

Альма.

Одна дѣвочка въ скарлатинѣ.

Профессоръ.

Конечно, изолирована?

Альма.

Ей отвели отдѣльную комнату въ концѣ коридора.

Профессоръ.

Настоятельно совѣтую не входить въ ту комнату, или даже лучше не проходить мимо.

Варвара Борисовна.

Видишь, Аля. А ты то и дѣло ходишь въ пріютъ и обратно. Надѣюсь, съ тѣхъ поръ какъ Женя заболѣла, ты не навѣщала ту дѣвочку?

Альма.

Разъ я зашла къ ней. Женя уже лежала больная. Третьяго дня. Когда мнѣ сказали, что мою Олю унесли въ отдѣльную комнату, меня потянуло къ ней, и я не успѣла опомниться, какъ уже стояла надъ ея кроваткой. Отъ нея дышало огнемъ.

Варвара Борисовна.

Боже, что ты надѣлала?

Всеволодъ.

Мама, вѣдь ты не знаешь...

Профессоръ.

Будемъ надѣяться, что на этотъ разъ ваша неосторожность не повлечетъ за собою печальныхъ послѣдствій. Но на будущее время.—

Альма.

О, я буду осторожна. Не бойся, Всеволодъ. Я не должна видѣть ее, потому что такъ сильно хочу этого. Но я ее вижу, вижу противъ воли. Теперь она лежитъ, разметавшись, и зоветъ меня. (*Всеволодъ и Варвара Борисовна съ удивлѐніемъ смотрятъ другъ на друга.*)

Варвара Борисовна.

Ты возбуждена отъ безсонныхъ ночей.

Альма.

Развѣ я возбуждена? Вы-бы, профессоръ, ее навѣстили и черезъ фельдшерицу дали мнѣ знать.

Профессоръ.

Охотно, тѣмъ болѣе, что мнѣ хотѣлось-бы взглянуть на вашъ пріютъ, о которомъ такъ много наслышанъ. Говорятъ, вы хотите освободить семью отъ воспитанія дѣтей, т. е. уничтожить семью?

Альма.

О, я мало забочусь о другихъ.

Профессоръ.

Можно подумать, что вы устроили прiютъ съ эгоистической цѣлью.

Альма.

Почти такъ.

Профессоръ.

Говорятъ, вашъ прiютъ не отдѣленiе воспитательнаго дома и открытъ онъ не только для бездомныхъ и безродныхъ, а для всѣхъ дѣтей вообще. Позволите присѣсть. Благодарю. (*Садится.*) Говорили мнѣ, вы частную семью хотите замѣнить общечеловѣческой и общегосударственной, какъ это было въ древней Грецiи?

Альма.

Я право объ этомъ не думала. Но общечеловѣческое люблю. Оно далеко и спокойно.

Профессоръ.

А все свое дорого тѣмъ, что близко.

Альма.

Обидно близко. Ужъ если цѣпь, то длинная.

Профессоръ.

Неужто-жь вы посовѣтуете матери отдать свое дитя въ прiютъ, потому что оно близко ей?

Альма.

Можетъ быть.

Профессоръ.

Но это все равно, что посовѣтовать вырвать себѣ зубы, которые слишкомъ близки и могутъ болѣть, и замѣнить ихъ искусственными, которые далеки и спокойны.

Варвара Борисовна.

Не вѣрьте ей, профессоръ. Можно подумать, Аля, что ты дурная мать. Она клевещетъ на себя. Если-бы вы знали, сколько мы со Всеволодомъ убѣждали ее взять кормилицу. Она слышать не хотѣла и сама выкормила Женю.

Профессоръ.

Побольше бы такихъ эгоистокъ. Вы вотъ находите, что любовь къ семьѣ слишкомъ короткая цѣпь. Подумаешь, человѣчество изнываетъ отъ этого рабства. А любви къ семьѣ такъ мало, такъ мало и съ каждымъ днемъ все меньше. Наши барыньки и безъ вашего пріюта ухитрились порвать эти цѣпи. Большинство дѣтей умираетъ въ утробѣ матери, а какія рождаются, тѣхъ бросаютъ на произволъ мамокъ и боннъ.

Альма.

Да, есть и такія.

Профессоръ.

Вѣдь я завелъ рѣчь о вашемъ пріютѣ не изъ одного любопытства. Было время, во дни юности, и я, грѣшный человѣкъ, мечталъ объ общечело-

вѣческой семьѣ, хотя по другимъ мотивамъ. Ну, равенство, свобода любви и все прочее, какъ водится. И вотъ я посѣдѣлъ, и послѣ сорока лѣтъ практики въ качествѣ дѣтскаго врача говорю, положа руку на сердце, что все надуманное ничтожно, а великъ и могучъ только инстинктъ, а инстинктъ материнства больше всѣхъ другихъ.

Альма (*разсѣянно*).

Вы увѣрены въ этомъ? Удивительно, что синіе глаза кажутся и въ жару влажными. Простите, профессоръ, я васъ перебила.

Профессоръ.

Да, инстинктъ. Ваши тамъ общечеловѣческія чувства можетъ быть и спокойны и прекрасны, но онѣ соединяютъ людей механически, какъ телеграфныя проволоки соединяютъ города. Инстинктъ-же не проволока, а живой нервъ.

Альма.

Когда я слышу слово инстинктъ, мнѣ становится страшно и все во мнѣ темнѣетъ.

Профессоръ (*горячо*).

Нѣтъ, сударыня, вы не знаете, что такое инстинктъ. Не темнота, а спасительный свѣтъ въ темнотѣ. Попробуйте безъ инстинкта, съ помощью одной мысли прожить хоть два дня, и вы искалечите себя и погибнете. Инстинктъ охраняетъ васъ отъ ушибовъ, вашъ глазъ отъ пыли, вашъ

желудокъ отъ яда. На каждомъ шагу въ жизни то камень, то яма, и мы ихъ обходимъ только благодаря инстинкту. Да, живой нервъ, и порвать его не легко. Ужъ чего не дѣлаютъ наши барыньки, но и въ нихъ онъ, нѣтъ—нѣтъ, да и заговоритъ. И когда я вижу, какъ такая мать склоняется надъ своимъ ребенкомъ и плачетъ, не отъ спокойной тамъ жалости, а отъ самой рабской, самой безумной тоски по своемъ дѣтищѣ, я понимаю, что всѣ ключи высохнутъ, кромѣ этого.

Варвара Борисовна.

О, какъ вѣрно.

Профессоръ.

И увидите—матери, отдавшія вамъ дѣтей въ пріютъ, еще вернутся за ними.

Альма.

О, это невозможно.

Профессоръ.

Почему невозможно?

Альма.

Мы сами не знаемъ, чье какое дитя. Мать, отдавая ребенка, должна отказаться отъ всѣхъ правъ на него—иначе мы не принимаемъ.

Профессоръ.

Вы пугаете меня. То, что вы говорите, ужасно.

Альма.

Матери не получаютъ отъ насъ ни квитанціи, ни нумера — таковъ уставъ пріюта. Вы не повѣрите, профессоръ, на какія хитрости мы поднимались, чтобы скрыть отъ себя происхожденіе дѣтей. Мы мѣняли сидѣлокъ, сами въ темнотѣ переносили дѣтей изъ одной кроватки въ другую, изъ комнаты въ комнату—и таки достигли своего. Они выростутъ ничьи и тогда посмотримъ. Хотите профессоръ, пойдемъ вмѣстѣ. Я сама вамъ покажу своихъ дѣтокъ, онѣ такія веселыя и здоровыя.

Профессоръ.

Еслу больная изолирована, опасности нѣтъ. По возвращеніи не мѣшаетъ перемѣнить платье.

Альма.

Обѣщаю тебѣ, Всеволодъ, не подходить къ ея комнатѣ. Даже если издали услышу ея плачъ, все-таки не пойду. Я не должна, не должна. Такъ идемъ? А потомъ я вернусь и вы одни навѣстите дѣвочку, и съ фельдшерицей пришлете мнѣ отвѣтъ.

Профессоръ.

Къ вашимъ услугамъ. (*Прощается и уходитъ съ Альмой*).

Варвара Борисовна.

Никогда не видала ее такой возбужденной. И на тебѣ нѣтъ лица. Прилегъ-бы на часокъ. Вѣрно измучился за ночь.

Всеволодъ.

Да, измучился. О, какъ а любилъ тебя сегодня ночью.

Варвара Борисовна.

Меня?

Всеволодъ.

Я поймалъ себя на томъ, что молюсь кому-то о выздоровленіи Жени. Пошли, шепталъ я, какія угодно мнѣ страданія, только теперь не отнимай у меня этой жизни. Оставь мнѣ мою дочь, я не могу жить безъ нея. И когда я поймалъ себя на этой молитвѣ, я вспомнилъ дѣтство и тебя. Вѣдь и я ребенкомъ бывалъ боленъ.

Варвара Борисовна.

Да, Всеволодъ, и не разъ.

Всеволодъ.

И ты также проводила безсонныя ночи надъ моей кроватью и также молилась?

Варвара Борисовна.

Да, Всеволодъ.

Всеволодъ.

Скажи мама, что-бы ты сдѣлала, если-бы твоя молитва не была услышана, если-бы я умеръ въ дѣтствѣ?

Варвара Борисовна.

Ты былъ мнѣ дороже всего.

Всеволодъ.

Но ты-бы всетаки осталась жить?

Варвара Борисовна.

Не знаю.

Всеволодъ.

Мое чувство къ Женѣ такъ сильно, что когда я гляжу на нее, у меня нѣтъ желаній, и я почти не вспоминаю объ Альмѣ—я вполнѣ счастливъ. Я не могъ-бы пережить ее.

Варвара Борисовна.

Такъ говорить грѣшно.

Всеволодъ.

Нѣтъ, мама, я не говорю о самоубійствѣ. Моя жизнь порвалась-бы сама собою. Со смертью Жени я не вижу ничего, что могло-бы привязать меня. О, прости мама, ты вѣдь знаешь, какъ я тебя люблю.

Варвара Борисовна.

Ничего. Я понимаю тебя. Ты любишь Женю, какъ я любила тебя, а ко мнѣ относишься, какъ я когда-то къ своей матери. Одно поколѣніе передаетъ другому свою любовь, но имъ нѣкогда быть благодарными.

Всеволодъ.

Скажи, мама, ты никогда не спрашивала себя, что было-бы, если-бы наши чувства сдѣлались живыми существами, которыя встрѣчались-бы съ нами

и могли отвѣчать на наши слова? Однѣ изъ нихъ были-бы прекрасны и добры, а другія уродливы и злы. О, какъ-бы мы боялись встрѣчи съ собственнымъ зломъ. Какъ-бы эти существа ненавидѣли насъ. И напротивъ какъ бы мы были рады при видѣ совершеннаго добра или пережитой любви.

Варвара Борисовна.

Нѣчто подобное разсказывала мнѣ няня, увѣряя, что наши добрыя дѣла становятся ангелами, а злыя — демонами, которые будутъ насъ послѣ смерти защищать или обвинять. Но зачѣмъ ты спрашиваешь объ этомъ?

Всеволодъ.

Мнѣ кажется, что наши дѣти — это воплощеніе нашей любви, и оттого мы невольно и съ такою силою любимъ своихъ дѣтей. Вѣдь для того, чтобы возможно было зачатіе ребенка, необходимо хотя-бы легкое увлеченіе, минутная близость. Полная вражда, взаимное отвращеніе не воплощаются, они умираютъ безслѣдно. И съ каждымъ поколѣніемъ человѣчество все болѣе отягощается любовью. Жизнь и любовь одно и тоже. Каждый человѣкъ есть воплощеніе любви.

Варвара Борисовна.

Хорошо-бы, если такъ.

Всеволодъ.

Да, мама, это такъ. Мы смотримъ на людей, какъ на чужихъ, потому что мы не знаемъ, ка-

кую они любовь воплощаютъ. Только относительно собственныхъ дѣтей мы это знаемъ. Я такъ сильно люблю Женю, потому что она—воплощеніе моей счастливой любви къ Альмѣ. О, я не сразу понялъ это чудо.

Варвара Борисовна.

Ты опять все сводишь на любовь къ Альмѣ. О какомъ чудѣ говоришь ты?

Всеволодъ.

Мы ищемъ чудесъ и жалуемся, что ихъ нѣтъ. Между тѣмъ наше отношеніе къ дѣтямъ вѣчно живое чудо. Пока есть семья и любовь къ дѣтямъ, нечегò бояться за людей. Профессоръ говорилъ то-же самое, но напыщенно, какъ будто переводилъ съ французскаго. Когда Женя родилась и я впервые увидѣлъ ея слабое тѣльце и услышалъ крикъ, то, по тому какъ сжалось мое сердце, я смутно понялъ, что совершилось нѣчто загадочное, но что именно—не зналъ. И только потомъ я понялъ, что это любовь моя въ минуту величайшаго блаженства отдѣлилась отъ моей души и сама сдѣлалась живою душою. Если-бы Женя умерла, то вмѣстѣ съ нею умерло-бы мое счастье, я не могъ бы жить.

Варвара Борисовна.

Мнѣ больно отъ твоихъ словъ. Ты молодъ. У васъ еще будутъ дѣти.

Всеволодъ.

Нѣтъ, мое счастье было слишкомъ велико и не можетъ повториться. Мы давно уже живемъ съ Альмой, какъ братъ и сестра.

Варвара Борисовна.

Я предчувствовала, что ты будешь страдать, но такъ было необходимо.

Всеволодъ.

И она сказала, что такъ необходимо. Если-бы ты знала, какъ я былъ счастливъ. Человѣкъ не имѣетъ право на такое счастье, и если я боюсь, что Женя умретъ, то потому, что въ ней воплотилось слишкомъ великое счастье, не земное.

Варвара Борисовна.

Бѣдный мой мальчикъ. Что-же она говоритъ? Что не любитъ больше?

Всеволодъ.

Она никогда не говорила о любви. Она принимала мои ласки молча. Но я зналъ, что она любитъ. На ея лицѣ была такая улыбка, какъ будто она нѣжно насмѣхалась надъ своимъ счастьемъ. Но разъ она со слезами сказала, что любитъ меня. Она медленно меня поцѣловала, какъ цѣлуютъ на прощанiе, и съ того вечера мы стали жить, какъ братъ и сестра.

Варвара Борисовна.

Это было давно?

Всеволодъ.

Когда она узнала, что будетъ матерью.

Варвара Борисовна.

Вотъ отчего ты всегда грустенъ.

Всеволодъ.

Да, я много, много страдалъ. Теперь ты поймешь, почему я такъ люблю Женю. Безъ нея я сдѣлался-бы чужимъ своему прошлому. Но вѣдь она будетъ жить? Неправда-ли? У насъ въ семьѣ не было ни алькоголиковъ, ни эпилептиковъ?

Варвара Борисовна.

Насколько я знаю, не было.

Всеволодъ.

О какое счаетье! (*Входитъ Альма*).

Варвара Борисовна.

Надѣюсь, не заходила?

Альма.

Нѣтъ, нѣтъ. Видите, на мнѣ другое платье. Я довела профессора до дверей. Онъ одинъ вошелъ и обѣщалъ мнѣ сообщить черезъ фельдшерицу. Я видѣла, какъ онъ открылъ и закрылъ дверь, я видѣла изголовье кроватки, подушку оттянутую книзу, но головки Оли не видала. Еще уловила я свѣтлую тѣнь—можетъ быть ея волосы, кончики волосъ. Но успокойтесь, ея я не видала,

и даже голоса не слышала. Она не чувствовала, что я такъ близко.

(*Варвара Борисовна и Всеволодъ опять съ недоумѣніемъ переглядываются. Входитъ Вета.*)

Вета.

Какая-то женщина хочетъ тебя видѣть. Госпожа Верейкина.

Альма.

Верейкина? Помню.

Вета.

Она ждетъ уже нѣсколько часовъ. Она долго жаловалась мнѣ и плакала.

Альма.

У меня давно не было пріема. Гдѣ-же она?

Вета.

Сейчасъ ее пришлю. (*Уходитъ*).

Варвара Борисовна.

Мы не станемъ тебѣ мѣшать. Хочешь, Всеволодъ, освѣжиться? Карета здѣсь.

Всеволодъ.

Нѣтъ, мама, я посижу у Жени.

Варвара Борисовна.

Но профессоръ не совѣтовалъ.

Всеволодъ.

Я сяду поодаль. У меня сердце не спокойно.

Варвара Борисовна.

А я пройду въ твой кабинетъ. Если нужно, призови. (*Уходитъ. Входитъ Верейкина*).

Альма.

Простите. Я васъ заставила ждать. (*Верейкина падаетъ ей въ ноги.*) Въ чемъ дѣло? Встаньте. Какъ можно? (*Поднимаетъ и усаживаетъ ее.*)

Верейкина.

Дитя—дѣвочку мою—

Альма.

Вы хотите отдать намъ въ пріютъ еще девочку? Хорошо.

Верейкина.

Не отдавать, взять хочу. Верните мою дочь.

Альма.

А, вотъ что. Но это невозможно.

Верейкина.

Я знала, что скажете: невозможно. Я помню, на какихъ условіяхъ... Оттого и ждала до послѣдней минуты. Но теперь больше нельзя. Или отдайте мнѣ дочь, или я утоплюсь.

Альма.

Насколько помню, отецъ ребенка очень дурно съ вами обращался и бросилъ васъ.

Верейкина.

Неправда, я неправду тогда говорила. Петръ Ивановичъ вовсе не бросалъ меня, а уѣхалъ къ родителямъ и устроился тамъ. А какъ узналъ, что дитя родилось, такъ и пить бросилъ и совсѣмъ другой сталъ. Чего не сдѣлали мои просьбы, то сдѣлало отцовское чувство. Началъ аккуратно мнѣ писать, и жениться обѣщалъ, и присылалъ деньги, на ребенка деньги.

Альма.

Но вы сообщили ему, что ребенокъ отданъ въ пріютъ.

Верейкина.

Какъ-бы я посмѣла? Тогда-бы онъ совсѣмъ меня бросилъ. Да и пить онъ оставилъ, и человѣкомъ сталъ—все изъ за ребенка.

Альма.

И вы все время обманывали?

Верейкина.

Въ каждомъ письмѣ обманывала, лгала, выдумывала. И приняла-же я муки.

Альма.

Почему вы ко мнѣ не обратились?

Верейкина.

Я увѣрила его, что отдала дѣвочку въ деревню, описывала посѣщенія. Надѣялась, что въ концѣ

концовъ все уладится. Дѣвочка, молъ, заболѣла и умерла. Не знала я своего сердца — что за тоска меня охватитъ. На дняхъ Петръ Ивановичъ пріѣзжаетъ, чтобы жениться на мнѣ. И когда я хотѣла сообщить о смерти дѣвочки, я увидѣла— да легче мнѣ самой лечь въ землю, чѣмъ написать ему ложь. Отдайте мнѣ ребенка. Спасите меня.

Альма.

(*Послѣ раздумья.*) Вы не можете забыть? Когда спите, вамъ все кажется, что дѣвочка тутъ и вы ее ищете руками.

Верейкина.

Да, ищу подлѣ сердца и боюсь проснуться. Я уже во снѣ знаю, что не найду ее.

Альма.

А когда слышете внезапный стукъ или шумъ, то быстро оборачиваетесь—не она-ли?

Верейкина.

Да, да.

Альма.

И когда видите на улицѣ женщину съ ребенкомъ, у васъ сердце падаетъ, и вы смотрите вслѣдъ и хотите бѣжать за нею?

Верейкина.

О, какъ вы понимаете! И еще я цѣлыми часами брожу вокругъ пріюта и думаю: она—здѣсь, вотъ за этими окнами. А между тѣмъ дальше, чѣмъ если-бы насъ разлучали моря.

Альма.

Вы-бы еще больше страдали, если-бы въ самомъ пріютѣ бродили вокругъ кроватокъ, заглядываясь на дѣтскія личики. Можетъ быть, вотъ эта, можетъ быть та. Вы-бы прислушивались къ своему сердцу, не подастъ-ли оно знакъ, но испуганное чувство мечется, не зная, куда пристать. И вы-бы снова и снова стали искать.

Верейкина.

А я боялась, что вы не поймете меня, но вы сама мать.

Альма.

Да, я понимаю. Это—инстинктъ. Что-то темное, цѣпкое, узловатое, похожее на корни. Они уходятъ глубоко въ землю и тянутъ къ землѣ. И вотъ почему ихъ должно рвать, рубить. О, вы должны быть рады.

Верейкина.

Рада тому, что мучаюсь?

Альма.

Да, какъ въ монастыряхъ. Когда больно, радуются. Тамъ борьба за святость, тутъ за свободу. Но иначе нельзя.

Верейкина.

На что намъ, бѣднымъ людямъ, свобода.

Альма.

Какъ, бѣднымъ людямъ? Оттого люди бѣдны, что у нихъ нѣтъ свободы.

Верейкина.

Нѣтъ, вы, богатые, другое дѣло. У васъ много своего. Все-ваше. А для насъ, бѣдныхъ, все чужое. Возьмите мою службу въ конторѣ. Шесть часовъ въ день я считаю на счетахъ и подсчитываю милліоны рублей и пудовъ, а что мнѣ они? Вѣдь я одинъ изъ камней въ той мостовой, по которой отправляются эти милліонные грузы—Богъ вѣсть куда и кому. Нельзя человѣку жить только чужимъ. Ему нужно свое, хотя мучительное, да свое. Развѣ-бы я жаловалась на трудъ, если-бы знала, что меня дома ждетъ моя малютка.

Альма.

Вы слишкомъ одиноки.

Верейкина.

Ну, да. Что мнѣ даетъ свобода? Пустоту и одиночество. Днемъ въ конторѣ пиши, считай или сплетничай. Какая шляпка на Марьѣ Семеновнѣ? Кому Порфирій Ильичъ подсунетъ тиражныя таблицы—мнѣ или ей? Изгадилась, измельчала я за эти годы такъ, что про прежнюю себя вспомнить страшно. А вечеромъ ненавистная комната, квартирная хозяйка, обѣдъ наединѣ. За это время ни одной книги не прочла—длинны

онѣ очень и дороги, да и устанешь на день. Вотъ трехкопеечную газету—ту прочтешь всю отъ заглавія до подписи, точно кость обгладаешь, даже противно станетъ.

Альма.

Такъ вотъ чѣмъ мои слова стали въ жизни.

Верейкина.

О, Боже, дай мнѣ хоть разъ, хоть на минуту, прижать свое дитя — въ радости или въ горѣ. Услышь меня одинокую и горькую.

Альма.

Вы просто любите дѣтей. Поступите къ намъ въ пріютъ, намъ такихъ нужно.

Верейкина.

Съ чужими дѣтьми няньчиться? Богъ съ ними.

Альма.

Поймите, вѣдь если мы воспитаемъ всѣхъ дѣтей, какъ родныхъ, то въ двадцать, тридцать лѣтъ измѣнимъ судьбу человѣчества. Мы, однѣ женщины, безъ чужой помощи.

Верейкина.

Я — бѣдный человѣкъ. Хватило-бы силъ на своего ребенка. Это вы—богатые—заботитесь о всѣхъ.

Альма.

Опять меня богатствомъ попрекаете. Но какъ хотите вы, чтобы люди отказались отъ права соб-

ственности на вещи, когда вы самихъ людей дѣлите на своихъ и чужихъ.

Верейкина (*вспыхнувъ*).

Почему-же вы собственное дитя не отдаете въ пріютъ? Его, небось, вы сами ростите и холите, а только насъ, бѣдныхъ, обездолили ради своей барской прихоти.

Альма.

О моемъ ребенкѣ не будемъ говорить.

Верейкина.

Не будемъ говорить! (*Тихо.*) Когда пріѣдетъ Петръ Ивановичъ и спроситъ меня, гдѣ наша дѣвочка, я тоже отвѣчу: не будемъ говорить. Да, только такъ отвѣчать не придется. Нужно будетъ сказать всю правду, и я раскажу ее. Дѣвочку я отдала въ пріютъ навсегда. Чужіе люди ее окрестили и дали ей имя. Для насъ она умерла, хотя, можетъ быть, жива еще. Зачѣмъ ты это сдѣлала?— А затѣмъ, чтобы свободной быть, чтобы въ случаѣ болѣзни ребенка не слишкомъ волноваться, чтобы всѣ деньги, какія ты мнѣ присылалъ, тратить на себя. Онъ меня обзоветъ шлюхой и выгонитъ на улицу, и будетъ правъ. Или убьетъ меня и тоже будетъ правъ. Что дѣлать, что дѣлать! (*Плачетъ.*) Сжальтесь, родная, отдайте мнѣ дитя, отдайте. (*Входитъ Всеволодъ.*)

Всеволодъ.

О чемъ плачетъ эта женщина? Въ спальнѣ слышны голоса. Какъ-бы не разбудили Женю.

Верейкина.

Простите.

Альма.

Она отдала въ нашъ пріютъ дѣвочку и теперь хотѣла-бы взять ее назадъ.

Всеволодъ.

Отъ всей души ей сочувствую.

Верейкина.

Вы мнѣ сочувствуете? Я спасена.

Альма.

Что я могу сдѣлать? Мы сами не знаемъ, кому принадлежитъ какой ребенокъ. Возьмите изъ пріюта любую дѣвочку на воспитаніе, и любите ее, какъ дочь.

Верейкина.

О, я свою узнаю. Она провела со мною цѣлый день. Я запомнила знакъ на тѣлѣ. Да и безъ знаковъ сердце подскажетъ мнѣ.

Альма.

Хорошо. Попроси Софью Семеновну на минуту. (*Всеволодъ уходитъ въ среднюю дверь.*)

Верейкина.

На лѣвой ножкѣ возлѣ щиколодки длинное пятнышко, нарочно запомнила. (*Входятъ Софья Семеновна и Всеволодъ.*)

Альма.

Соня, напиши фельдшерицѣ, пусть она въ отдѣльной комнатѣ позволитъ осмотрѣть этой дамѣ всѣхъ дѣвочекъ въ пріютѣ. Узнаешь госпожу Верейкину?

Софья Семеновна.

Конечно. (*Подаетъ ей руку.*)

Альма.

Она хочетъ взять назадъ свою дочь.

Софья Семеновна.

Невозможно, мы не знаемъ, какая.

Альма.

Она увѣрена, что узнаетъ дѣвочку по знаку на тѣлѣ.

Софья Семеновна.

Но какъ отнять ребенка у няни? Онѣ такъ привыкли къ своимъ дѣтямъ и любятъ ихъ. Это будетъ большое несчастье.

Всеволодъ.

Передъ чувствомъ матери всѣ другія смолкаютъ.

Софья Семеновна.

Хорошо, сдѣлаю, какъ хотите. (*Пишетъ записку и отдаетъ Верейкиной.*)

Верейкина.

Простите, если сказала рѣзкое слово. Я такъ счастлива. (*Всеволоду.*) Да вознаградитъ васъ Богъ. Вы мнѣ вернули жизнь. (*Уходитъ.*)

Всеволодъ.

Я пройду къ мамѣ. Если нужно—буду въ кабинетѣ. (*Уходитъ.*)

Альма.

Неужели узнаетъ? Говоритъ о какомъ-то знакѣ на тѣлѣ. Длинное пятнышко на лѣвой ножкѣ у щиколотки.

Софья Семеновна.

Боже, да это Женичка!

Альма.

А я ничего не замѣтила. Чужой глазъ ничего не видѣлъ тамъ, гдѣ глазъ матери (*прерываетъ себя.*) И всетаки сердце не подсказало ей, что тутъ въ десяти шагахъ, за этой стѣною ея дитя—Соня, верни ее на минуту. Я должна спросить. Скорѣй, скорѣй. (*Софья Семеновна уходитъ въ правую дверь. Альма неподвижно застыла и ждетъ. Вскорѣ Софья Семеновна возвращается, за ней Верейкина въ шляпѣ и накидкѣ*).

Альма.

Вы говорили, что узнаете ребенка безъ всякихъ примѣтъ, прямо подбѣжите къ нему на голосъ сердца. Сдѣлайте-же такъ, докажите мнѣ, чтобы я повѣрила въ чудотворность материнства.

Верейкина.

Я такъ и сдѣлаю. Только-бы мнѣ туда попасть. Наконецъ-то, о Боже!

Альма.

Вотъ закройте глаза и чутко, чутко прислушайтесь къ своему сердцу, и куда оно позоветъ, туда и идите. Хоть руку протяните по направленію, гдѣ ваша дочь. (*Верейкина, какъ въ гипнозѣ, закрываетъ глаза и протягиваетъ руку къ комнатѣ гдѣ лежитъ Женя. Потомъ, какъ-бы очнувшись, протираетъ себѣ глаза*).

Верейкина.

Что вы дѣлаете со мной? Вы меня задерживаете, а я такъ спѣшу.

Альма.

Спѣшите отсюда, зачѣмъ?

Верейкина.

Чтобы быть ближе къ своему ребенку.

Альма.

Вамъ дорога каждая минута?

Верейкина.

Да, да, я такъ долго ждала.

Альма.

Вы рветесь къ своему ребенку, какъ будто предчувствуете какую-нибудь угрожающую ему опасность, болѣзнь, что-ли?

Верейкина.

Вы мучаете меня.

Альма.

А если-бы я попросила васъ теперь помочь мнѣ ухаживать за моей больной дѣвочкой и на нѣсколько дней отложить свои поиски?

Верейкина.

Простите, но я должна отказаться.

Альма.

Не смотря на то, что моя дѣвочка опасно больна. Хотите взглянуть? Въ той комнатѣ, тамъ за дверью.

Верейкина.

Зачѣмъ вы искушаете меня? Развѣ за вашей дочерью мало ухода? И врачи, и сидѣлка, и мать. Родная мать. Зачѣмъ я ей?

Альма.

Главное—родная мать, и потому вы уходите отсюда.

Верейкина.

Да, прощайте. Я тоже мать. (*Останавливается передъ среднею дверью, и послѣ секунднаго колебанія быстро уходитъ вправо.*)

Софья Семеновна.

Когда она закрыла глаза, то вдругъ прозрѣла и протянула руку по направленію къ Женѣ,

Альма.

А чуть открыла глаза, какъ опять ослѣпла.

Софья Семеновна.

Но какъ ты возбуждена, Альма. И почему ты смѣешься?

Альма.

Смѣюсь, потому что рада. Я торжествую побѣду.

Софья Семеновна.

Надъ кѣмъ?

Альма.

Надъ инстинктомъ материнства. О, эта сводня, которую мы зовемъ природой! Она толкаетъ, манитъ, не останавливается ни передъ какой плутней. Чадолюбивая сводница. И вотъ ея самое сильное оружіе сломано. Какъ я рада!

Софья Семеновна.

Уходя, она остановилась у дверей, и какъ будто вглядывалась въ далекій свѣтъ. Казалось, еще мгновенье, и она почувствуетъ правду и бросится къ Женѣ.

Альма.

Да, Соня, то была торжественная минута. Происходила борьба между древнимъ инстинктомъ и новорожденной свободой. Борьба во мнѣ. Еслибы она пошла къ Женѣ, я-бы повѣрила въ материнство. Повѣрила-бы, что Оля моя. Но свобода побѣдила. Мать прошла мимо своего ребенка, и не узнала его. Голосъ крови ничего не подсказалъ ей. А Всеволодъ, который непремѣнно хо-

четъ, чтобы она нашла свое дитя... Всѣ мы бродимъ въ потемкахъ.

Софья Семеновна.

Что Оля?

Альма.

Докторъ пошелъ навѣстить ее и обѣщалъ сообщить черезъ фельдшерицу.

Софья Семеновна.

Скажи, не былъ-ли отецъ Жени алькоголикомъ?

Альма.

Да, Верейкина прежде жаловалась, что онъ сильно пьетъ.

Софья Семеновна.

Начинаю бояться за бѣдную дѣвочку.

Альма.

Будемъ бороться съ судьбою, насколько отъ насъ зависитъ, и чтобы не случилось, останемся спокойны. Но что со мною? Вотъ опять, опять. Я слышу, Оля зоветъ меня. Кто ее научилъ говорить «мама», и почему она съ этимъ словомъ тянется ко мнѣ? Я должна идти.

Софья Семеновна.

Что будетъ съ Женей?

Альма.

Если я теперь пойду, то больше не вернусь къ Женѣ.

Софья Семеновна.

А Всеволодъ?

Альма.

Онъ первый послалъ-бы меня, знай онъ всю правду. Меня здѣсь удерживаетъ другое, болѣе сильное. Скажи, что мнѣ дѣлать?

Софья Семеновна.

Не знаю, Альма, потому что ты еще не рѣшила.

Альма.

Ты увѣрена, что все, что я рѣшу, будетъ правда?

Софья Семеновна.

Да, я жду твоего рѣшенія, чтобы узнать, въ чемъ правда.

Альма.

Твоя вѣра поднимаетъ меня на большую высоту, и мнѣ страшно. Какъ будто въ моемъ сердцѣ столкнулись двѣ судьбы и борются за будущее людей. Или все должно оставаться по прежнему, или новый свѣтъ засіяетъ, безъ солнца, но и безъ тѣней. Скажи, Соня, ты очень любила свою дѣвочку?

Софья Семеновна.

Когда она умерла, мнѣ казалось, что я не буду жить. И даже—теперь, если-бы у меня отнять воспоминаніе объ этой любви, то я была-бы очень несчастна. Но ты на меня не обращай вниманія.

Я слабая и робкая. Я живу, какъ всѣ, я ты призвана создавать жизнь.

Альма́.

Скажи еще, Соня. Когда ты ухаживала за тифозными и холерными, то вѣдь шла противъ инстинкта самосохраненія. Чѣмъ же ты побѣдила инстинктъ? Неужели разумомъ?

Софья Семеновна.

О нѣтъ, я не разсуждала. Я, конечно, знала что могу заразиться и тифомъ и холерой, и боялась этого. Но какое то чувство говорило мнѣ, что не надо слушаться этого страха, и я не слушалась.

Альма.

Вотъ видишь. Я начинаю яснѣе различать внутри себя. Инстинктъ побѣждается не мыслью, а другимъ инстинктомъ. Темный—свѣтлымъ, прошлый — будущимъ. Вотъ и теперь во мнѣ борятся два инстинкта. Одинъ изъ нихъ я должна убить— но какой?

Софья Семеновна.

Въ самой себѣ ты убила чувство матери?

Альма.

Нѣтъ, не могла. Два года я напрасно боролась. Неизвѣстность еще сильнѣе обострила его. Я вѣчно ищу свое дитя. Теперь мнѣ кажется, что это Оля. Но развѣ я увѣрена?

Софья Семеновна.

И всетаки ты хочешь убить это чувство?

Альма.

Если бы я знала. (*Послѣ паузы.*) Убить непонятную радость материнства, счастіе дѣтства. Отнять въ самомъ началѣ жизни этотъ рай, который каждому доступенъ и дается даромъ. А между тѣмъ вотъ уже тысяча и тысяча лѣтъ, какъ любовь матери грѣетъ людей. Отчего же они всѣ такіе жалкіе, отчужденные, злые? Сколько безпріютныхъ и огорченныхъ бродитъ вокругъ домовъ, гдѣ матери качаютъ дѣтей. Мы видимъ любовь матери, потому что она свѣтитъ. Но что дѣлается въ тѣни, которую отбрасываетъ этотъ свѣтъ сколько тамъ слезъ и проклятій—того мы не видимъ и не слышимъ.

Софья Семеновна.

Ты хочешь жертвовать любовью къ ребенку не ради матери?

Альма.

Нѣтъ, но ради любви матери къ другимъ дѣтямъ.

Софья Семеновна.

Понимаю. Не самъ инстинктъ темный, а онъ бросаетъ темныя тѣни.

Альма.

Темный инстинктъ... Почему же онъ даетъ такое ясновидѣніе? Все, что дѣлается съ Олей,

отражается внутри меня. Я увѣрена, что теперь она закрыла глазки. Я увѣрена, что стоило бы мнѣ положить руку на ея лобикъ, и она успокоилась бы сейчасъ. Я знаю, что скоро сообщатъ мнѣ что-то очень грустное. (*Въ дверяхъ показывается сестра милосердія.*) Вотъ оттуда я ничего не жду и ничего не предчувствую.

Сестра.

Взглянули бы на дѣвочку. Никакъ у нея судороги.

Альма.

Соня, поди къ ней. Я здѣсь побуду одна, (*Софья Семеновна и сестра уходятъ. Альма сидитъ, прислушиваясь. Она вскакиваетъ съ мѣста, заслышавъ шаги, но тотчасъ же, разочарованная, садится. Входятъ, Вета, Будаевскій и докторъ Стрижъ*).

Альма.

Ахъ, это вы.

Будаевскій.

Вы, какъ будто ждали не насъ.

Альма.

Да, я ждала.

Докторъ.

Здравствуйте, Александра Васильевна. Это новость видѣть, что вы кого то ждете. Что дѣвочка?

Альма.

О ней то я и жду извѣстій, Да, вы про Женю? Ей плохо.

Докторъ.

Былъ профессоръ? И, конечно, говорилъ о наслѣдственности. Нѣтъ такихъ мономановъ, какъ ученые специалисты. Былъ у меня товарищъ, который изучалъ цѣны на овощи, и что вы думаете? Черезъ нѣсколько лѣтъ мой экономистъ дошелъ до того, что всю исторію человѣчества—религію, искусство, науку—рѣшительно все объяснялъ цѣнами на овощи.

Будаевскій.

Я принесъ свои этюды. Но не лучше ли до другого раза? Вы, кажется, разсѣяны?

Альма.

Нѣтъ, показывайте. Я такъ хочу видѣть новое.

Докторъ.

Теперь все новое. Человѣчество линяетъ и мѣняетъ шкуру. Но сначала нужно, чтобы это новое будущее пришло, устоялось въ жизни, а потомъ уже искусство изобразитъ пережитое. (*Альма съ ожиданіемъ смотритъ на дверь.*) Вы все ждете?

Альма.

Да, жду—это новое будущее.

(*Будаевскій вынимаетъ картоны и подаетъ Альмѣ и доктору*).

Докторъ.

Что же это такое? Ничего не понимаю. Шествіе. Юноши, дѣвушки, старики. Поднимаются на

лѣстницу, опускаются, сидятъ группами. Вы понимаете Вета?

Вета.

Не понимаю, что тутъ нужно понимать. Вижу красоту въ каждой чертѣ. И еще вижу, что всѣ эти женщины похожи на Альму. Альма, отразившаяся въ тысячѣ образовъ.

Докторъ.

Что изображаютъ эти группы, какое событіе, какую легенду?

Будаевскій.

Признаюсь, тутъ нѣтъ ни событія, ни легенды. Мнѣ всегда казалось, что въ живописи содержаніе ничего не значитъ, а важны отдѣльныя лица. Три, четыре лица, молодая мать, младенецъ, старецъ—и вотъ матеріалъ для тысячи художниковъ и милліона картинъ. Старинные художники брали готовую библейскую легенду. Другой такой всѣмъ понятной нѣтъ, и я рѣшилъ писать картины безъ всякаго содержанія. Просто молодыя женщины, дѣти, старики, юноши.

Альма.

Ландышъ, мнѣ ваши этюды начинаютъ безконечно нравиться. Безъимянные люди, безъимянныя дѣти. О, я это понимаю. Но какъ странно выраженіе ихъ лицъ. Они всѣ идутъ молча, какъ въ гипнозѣ или какъ сонамбулы. Они какъ будто ни о чемъ не думаютъ и ничего не видятъ. Что же однако выражаютъ эти глаза и эти улыбки?

Вета.

Нѣтъ, Альма, на этихъ лицахъ не должно быть выраженія. Есть же такая глубина, куда выраженіе уже не доходитъ. Ни страсть, ни чувство, ни настроеніе. Мы не видимъ дна рѣки. Однако дно такая же правда, какъ и поверхность. Это—люди, далекіе отъ поверхности.

Докторъ.

Я знаю, кто они. Это—люди, у которыхъ нѣтъ привычекъ.

Будаевскій.

Какъ вы сказали?

Докторъ.

Люди, неспособные образовать привычки. Такая нервная болѣзнь.

Будаевскій.

Опять послѣднее слово науки?

Докторъ.

Да, на этотъ разъ послѣднее. Аэтія, такъ называется эта болѣзнь. (*Вскакиваетъ съ мѣста.*) То, что я говорю теперь, это — смертный приговоръ человѣчеству. Аэтія, это анархія душевная, конецъ любви и дружбѣ, общественности и семьѣ. Это ваша хваленая свобода. Это почти то, чѣмъ я страдаю.

Альма.

Вы?

Докторъ.

Не совсѣмъ, но почти. Я ни къ кому и ни къ чему не привязанъ. Потеряй я человѣка, съ которымъ прожилъ десять—двадцать лѣтъ, и я завтра не вспомню о немъ. Мое сердце лишилось памяти. Это и есть нравственное помѣшательство. Будущее принадлежитъ силѣ отталкиванія, одиночеству, индивидулизму, жестокости.

Вета.

Не знаю, что страшнаго въ томъ, что привычки исчезли. Привычка—смерть красоты. (*Легкій стукъ въ дверь.*)

Альма (*порывается на встрѣчу*).

Войдите. (*Въ дверяхъ показывается пріютская фельдшерица.*) Вы отъ моей дѣвочки, отъ профессора?

Фельдшерица.

Не бойтесь, Александра Васильевна, я перемѣнила платье.

Альма.

О, я не боюсь. Онъ нашелъ форму болѣзни тяжелой?

Фельдшерица.

Да, профессоръ такъ и сказалъ: форма болѣзни очень тяжелая.

Альма.

Она кричала, звала меня?

Фельдшерица.

Она тянулась ручонками, но отъ всѣхъ отбивалась. Я бы не повѣрила, что Оля можетъ такъ кричать—всегда такая тихая.

Альма.

Теперь она закрыла глазки и мечется во снѣ?

Фельдшерица.

Вамъ уже доложили?

Альма.

Да, я все знаю.

Фельдшерица.

Зашли бы на минуту, дѣвочка бы и успокоилась.

Альма (*встаетъ и торжественно*).

Нѣтъ, я не пойду къ ней. Я не должна.

(*Быстро открывается дверь изъ дѣтской. Показывается Софья Семеновна и взволнованно оглядываетъ всѣхъ*).

Софья Семеновна.

Здѣсь Всеволодъ? Скорѣе. Съ Женей припадокъ. (*Замѣтивъ фельдшерицу.*) Надя, за кислородомъ, живо. (*Скрывается за дверь, за ней докторъ Стрижъ.*)

Альма (*къ Ветѣ*).

-Позови Всеволода. Онъ въ кабинетѣ. (*Уходитъ въ дѣтскую. Вета направо.*)

(*Будаевскій одинъ, складываетъ рисунки. Черезъ нѣсколько минутъ Всеволодъ и Варвара Борисовна быстро проходятъ въ дѣтскую. За ними Вета*).

Будаевскій.

Идемте, Вета, мы тутъ лишніе. Мои этюды также.

Вета.

Но почему они такъ боятся смерти? Развѣ они не знаютъ, что безъ смерти не было бы красоты?

Будаевскій.

Вы хотите сказать: мы не любили бы красоту, если бы не страхъ потерять ее?

Вета.

Не только это. Просто безъ смерти красота стала бы невозможной.

Будаевскій.

А, вотъ что. Теперь понимаю. Для того чтобы написать картину, нужна темная краска. И для рисунка жизни нужна такая постоянная черная. Это и есть смерть?

Вета.

Только смерть, потому что нѣтъ страданій.

Будаевскій.

То есть необходимыхъ страданій нѣтъ? Всѣ страданія можно побѣдить, и настанетъ время, когда люди восторжествуютъ надъ нищетой, болѣзнью, ревностью, злобой. И тогда бы красота исчезла, если бы не мрачная, неизмѣнно мрачная смерть.

Вета.

Какъ отрадно говорить съ вами. Малѣйшій намекъ падаетъ на вашу душу, какъ зерно, и на глазахъ ростетъ, цвѣтетъ, приноситъ плоды. (*Входитъ фельдшерица съ подушкой, наполненной кислородомъ*).

Фельдшерица.

Вотъ кислородъ.

Вета.

Въ ту комнату... (*Фельдшерица направляется въ дѣтскую, но оттуда стремительно выходитъ Софья Семеновна. За нею всѣ другіе. Докторъ Стрижъ съ дѣвочкой въ рукахъ*).

Софья Семеновна.

Воздуху, воздуху. (*Быстро распахиваетъ окно. Яркое солнце и зелень. Сестра милосердія и Всеволодъ придвигаютъ къ окну диванъ, на который докторъ кладетъ ребенка. Потомъ онъ беретъ у фельдшерицы подушку съ кислородомъ и подноситъ къ лицу Жени. Фельдшерица уходитъ*).

Всеволодъ.

Спасите, спасите ее, докторъ. Еще сегодня она меня узнавала. Бѣгите за профессоромъ, ради Бога.

Докторъ.

Никого не нужно. Умерла.

Всеволодъ.

Не нужно... (*Падаетъ на стулъ и тотчасъ поднимается. Варвара Борисовна подбѣгаетъ къ нему и кладетъ ему руку на плечо. Будаевскій достаетъ карманный альбомъ, становится поодаль и рисуетъ. Сестра милосердія крестится. Альма и Вета стоятъ съ обѣихъ сторонъ дивана и смотрятъ на ребенка*).

Альма.

Такъ вотъ она, смерть. Нѣтъ, еще не смерть и уже не жизнь. О, какъ непостижимо!

Вета.

Я не знала, что лицо можетъ быть такъ прекрасно.

Альма.

Скорѣе, Ландышъ. Жизнь и смерть встрѣчаются на лицѣ человѣка только одинъ разъ, и эта встрѣча длится мгновеніе.

Будаевскій (*весь погруженный въ работу*).

М... да. Поворотъ головки какъ разъ.

Всеволодъ (*про себя*).

Не нужно. (*Варвара Борисовна тѣснѣе къ нему прижимается*).

Альма.

Когда и гдѣ я это видѣла? Вотъ это самое выраженіе лица — всѣ выраженія вмѣстѣ и еще нѣчто. Какъ при музыкѣ. Что хочется вспомнить близкое и нельзя. (*Пауза*). Если бы меня спросили, о чемъ я съ дѣтства мечтаю, какого цвѣта, какого вида моя мечта, я бы сказала: вотъ такая, какъ это лицо. Какъ будто я только что проснулась. Готово, Ландышъ?

Будаевскій (*какъ прежде*).

Сейчасъ,. сейчасъ... Мнѣ нужно для картины...

Всеволодъ (*слышитъ послѣднія слова*).

Вамъ нужно для картины? Ну, что-жъ, если нужно. (*Оборачивается къ остальнымъ.*) А вамъ мертвая Женя не нужна ни для чего? Вотъ она ужъ такъ больше ни въ комъ не нуждается. Мы сдѣлали все, что могли. Мы убили ее.

Варвара Борисовна.

Всеволодъ, не теперь.

Будаевскій.

Вотъ я кончилъ.

Вета.

Какъ хорошо.

Всеволодъ.

Теперь... теперь... хорошо!.. Не могу. Помнишь, мама, что профессоръ говорилъ о зараженіи. Кто знаетъ, какія тамъ болѣзни у нихъ въ пріютѣ. Ни за что сгорѣла моя дѣвочка.

Альма.

Не узнаю тебя, Всеволодъ.

Всеволодъ.

Она еще сегодня меня узнавала, и такъ смотрѣла, какъ будто говорила: хочу жить. И жила бы, если бы не тѣ дѣти.

Варвара Борисовна.

Можетъ быть, онъ правъ.

Альма.

Подумай, Всеволо́дъ, чѣмъ ты насъ попрекаешь. Развѣ тѣ дѣти не такіе же жалкія и слабыя, какъ Женя? Въ ихъ глазахъ также свѣтитъ желаніе жизни. И кто знаетъ, почему не одинъ изъ нихъ, а Женя ушла первая. Ты потерялъ чувство справедливости.

Всеволодъ.

Я все потерялъ съ этой смертью. Все, все. Даже тебя, Альма, и мою любовь.

Альма.

И все же я хочу, чтобы ты оставался справедливъ.

Всеволодъ.

Ненавижу, проклинаю твою справедливость. Гдѣ она справедливость? за что невинное дитя страдало? За что я такъ наказанъ? Зачѣмъ она такъ приросла къ моему сердцу, если могла умереть одна и покинуть меня? Не могу, не могу.

Альма.

Вотъ чего я боялась—рабства души передъ неизбѣжнымъ. И все оттого, что умерла Женя, а не чужое дитя?

Всеволодъ.

Чужія дѣти будутъ рости и смѣяться, между тѣмъ какъ Женя... Ненавижу чужихъ дѣтей. Будь онъ проклятъ, вашъ пріютъ. Изъ-за чужихъ дѣтей я потерялъ мою Женю. Ты каждый день отлучалась по нѣсколько разъ. Ты бросила Женю на чужія руки. Ты убила ее своей свободой.

Альма.

Теперь настало время, когда я и тебѣ должна вернуть свободу. Знай, Всеволодъ, что Женя...

Всеволодъ (*перебиваетъ*).

Верни мнѣ Женю, если можешь. А если не можешь, замолчи и оставь меня одного. Оставьте всѣ меня. Все, что вы говорите и дѣлаете, мнѣ чуждо, противно. Дайте мнѣ не видѣть и не слышать васъ?

Альма.

Знай, Всеволодъ, что Женя не наша дочь

Всеволодъ.

Мама, что она говоритъ? Помоги мнѣ.

Альма.

Не твоя и не моя дочь. Что же ты отвернулся отъ мертваго ребенка? Тебѣ уже не жаль его?

Варвара Борисовна.

Александра, Боже мой, ты бредишь.

Альма.

Когда я принимала дѣтей въ пріютъ, я требовала, чтобы матери отказывались отъ своихъ правъ. Вы это знали. Такъ неужели вы думали, что я отъ другихъ стану требовать жертвы, на которую сама неспособна? Развѣ это похоже на меня? Нѣтъ, нѣтъ. Я принесла первую жертву.

Варвара Борисовна.

Несчастная, какъ ты это сдѣлала? Когда?

Альма.

Въ первый же день. Соня отнесла въ пріютъ мою дѣвочку, и принесла мнѣ вотъ эту, Женю. Въ пріютѣ было тогда много новорожденныхъ дѣтей, и когда пришло время ихъ крестить мы, Соня, и кормилица, никто не зналъ, чье какое дитя...

Всеволодъ.

Мама, идемъ отсюда. Я хочу быть далеко. Я боюсь лишиться разума.

Варвара Борисовна.

Постой Всеволодъ. Можетъ быть, это къ лучшему. Рано или поздно ты долженъ былъ узнать, кто она. (*Къ Альмѣ.*) И ты рѣшилась на такое неслыханное преступленіе. Ты отняла дочь у отца, не сказавъ ему объ этомъ. Два года ты обманывала насъ. Два года ты крала нашу любовь къ ребенку, потому что хорошо видѣла, какъ мы къ нему привязывались.

Альма.

Да, я крала вашу любовь къ чужому ребенку, потому что добровольно вы умѣете быть только равнодушными. (*Входитъ Верейкина. Альма приближается къ ней и беретъ ее за руку.*)

Альма.

Вы не отыскали свою дѣвочку. Знаю.

Верейкина.

Я всѣхъ, всѣхъ осмотрѣла. Моей нѣтъ. Справлялась объ умершихъ. Сказали, что за это время только одинъ мальчикъ умеръ въ пріютѣ. Что дѣлать теперь? И какъ это могло случиться?

Альма.

Вы хотѣли-бы отыскать свое дитя хоть мертвымъ?

Верейкина.

Да. Мнѣ кажется, легче было-бы знать, что она въ землѣ, чѣмъ вовсе не знать о ней. Я-бы помолилась на ея могилкѣ. Я-бы выплакала себѣ прощеніе. И когда пріѣдетъ отецъ, я-бы повела его на могилу нашей дочери. Мы поставили-бы крестъ, насадили цвѣтовъ. А теперь что я скажу ему?

Варвара Борисовна (*Всеволоду*).

Это та женщина, о которой ты мнѣ разсказывалъ? (*Верейкиной.*) Вотъ еще пріютская дѣвочка. Посмотрите. Можетъ быть, ваша дочь.

Верейкина.

Она. Узнаю пятно. Моя дѣвочка. Холодная. Она мертва. Вы отдаете мнѣ трупъ.

Альма.

Я ростила вашу дочь, какъ родная мать. Я выкормила ее своею грудью. Я проводила ночи безъ сна, когда она болѣла. Но судьба захотѣла— и вотъ она умерла.

Верейкина. (*Бросается на тѣло Жени*).

Прости меня. За мои грѣхи Богъ тебя наказалъ. Чтобы ты не досталась недостойной матери. Прости. (*Плачетъ*).

Всеволодъ.

Скажи мнѣ, Альма. Мой умъ мутится. Объясни, какъ могла ты это сдѣлать. Зачѣмъ отдала

Альма.

Да, Всеволодъ. Мнѣ какъ будто казалось, что этимъ я огорчила-бы печаль, и я чувствовала жалость къ своей печали.

Всеволодъ.

Но ты боялась и великихъ страданій?

Альма.

Я боялась оскорбить свою радость. Видишь-ли, Богъ далъ мнѣ легкую слабую душу, и я боялась взять на себя какую либо тяжесть.

Всеволодъ.

Ты говоришь, какъ будто пришла къ намъ изъ другого міра.

Альма.

Да, я часто мечтаю о другомъ мірѣ. Можетъ быть, о томъ, который увидятъ наши дѣти. Что измѣнится, я не знаю. Можетъ быть, все останется, какъ теперь. Но въ сердцахъ людей будетъ звучать новая мелодія жизни. Не теперешняя, громкая, страстная, а тихая и легкая. То, что мы теперь называемъ любовью, радостью и грустью, будетъ казаться тяжелымъ рѣзкимъ крикомъ. Противорѣчивое сольется и настанутъ нѣжные сумерки. Если-бы ты зналъ, какъ меня пугаетъ все близкое, громкое. На все я хотѣла-бы смотрѣть, какъ на игру.

Всеволодъ.

Съ равнодушіемъ?

Альма.

Со спокойствіемъ, съ ласковымъ и всевидящимъ спокойствіемъ. Между судьбой и своимъ сердцемъ я поставила свободу.

Всеволодъ.

Скажи, Альма, что ты называешь свободой, о которой такъ часто говоришь? Кто свободенъ?

Альма.

Свободнымъ я называю того, кто любитъ себя и всѣхъ, себя и природу, себя и Бога. Но между собой и всѣми уже не привязанъ ни къ кому въ отдѣльности.

Всеволодъ.

И ты достигла этой свободы?

Альма.

Не спрашивай.

Всеволодъ.

Любить только себя и всѣхъ. Но вотъ я люблю тебя не какъ всѣхъ, а любовью исключительной. Ты знала это и была рада моей любви. И развѣ ты сама не любила?

Альма.

Этой любви я не могла побѣдить, хотя и боролась съ ней. Когда я поняла, что люблю тебя, я захотѣла убить это чувство въ себѣ.

Всеволодъ.

Ты и на это рѣшилась?

Альма.

Да, и на это. Однажды, вечеромъ, я пошла къ человѣку, который любилъ меня, и хотѣла ему отдаться.

Всеволодъ.

О, Боже!

Альма.

Но едва онъ сдѣлалъ первый шагъ ко мнѣ, я поняла, что это невозможно. Я поняла, что отнынѣ никто никогда не коснется меня, и съ тѣхъ поръ перестала быть тебѣ женой.

Всеволодъ.

Чѣмъ больше я понимаю тебя, тѣмъ тяжелѣе мнѣ и невыносимѣе.

Варвара Борисовна.

Вижу, Всеволодъ, ты начинаешь съ ней мириться. Дѣлай, какъ хочешь. Я больше на это безуміе глядѣть не стану. Думаю, и тебѣ лучше уйти отъ нея. Что до меня, я ухожу. Ты испыталъ теперь, что значитъ потерять свое дитя, зная, что оно живо. Если хочешь, чтобы и я тебя такъ-же потеряла, оставайся съ ней.

Всеволодъ.

Нѣтъ, мама, тебя я никогда не покину, но я люблю ее, и мнѣ тяжело.

Альма.

Твоя мать права. Мы должны покинуть другъ друга. Я принесла тебѣ горе своей любовью, своей свободой. Я всѣмъ приношу горе, не зная почему. Они плачутъ отъ боли, когда я хочу разбить ихъ клѣтки. И мнѣ отъ нихъ больно, потому что они любятъ тяжело и грубо.

Софья Семеновна.

Альма, и я тебѣ дѣлаю больно?

Альма.

Нѣтъ, Соня, ты одна мнѣ вѣришь.

Софья Семеновна.

Я вѣрю тебѣ и вѣрю въ тебя.

Альма.

Мы вмѣстѣ уйдемъ отъ нихъ. Поищемъ людей столь отверженныхъ и несчастныхъ, что наша свобода ихъ не будетъ пугать. Помнишь, ты разсказывалъ про лѣчебницу для прокаженныхъ, которую пришлось закрыть за неимѣніемъ средствъ? Мы откроемъ ее съ тобой.

Докторъ.

Возьмите и меня.

Альма.

Оставайтесь здѣсь и пишите книгу объ аэтіи. Вы, Ландышъ, превратите свои этюды въ картины.

Ты, Вета, люби красоту, которую онъ создаетъ. А ты, Всеволодъ, заботься о своей дочери.

Всеволодъ.

Но какъ мнѣ узнать ее?

Альма.

Заботься о всѣхъ дѣтяхъ, живущихъ въ пріютѣ и ты будешь заботиться о своей дочери. Она между ними. Теперь, когда ты это знаешь, я могу оставить на тебя пріютъ.

Всеволодъ.

Да, обѣщаю тебѣ заботиться о твоемъ пріютѣ. Я постараюсь, чтобы его назвали: пріютъ Альмы.

Альма.

А пока, давайте почтимъ смерть. Когда смерть приближается, мы должны съ нею бороться. Когда она пришла, мы должны ее привѣтствовать. Но у насъ пока нѣтъ ни молитвъ, ни пѣсенъ для прославленія смерти. Матери-же наши завѣщали намъ только вопли и причитанія. (*Подходитъ къ Верейкиной и обнимаетъ ее.*) Не стану утѣшать васъ теперь. Плачьте надъ своимъ ребенкомъ если вамъ такъ легче. Потомъ мы похоронимъ ее, какъ хотите, и поставимъ надъ могилой крестъ съ ея именемъ. А теперь, дайте и мнѣ, ея кормилицѣ и второй матери, обрядить ее, какъ слѣдуетъ. Зажгите свѣчи. Принесите цвѣтовъ. Устроимъ печальное торжество въ честь смерти.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

Прокаженные.

Дѣйствующія лица:

Альма.

Софія Семеновна.

Вета.

Первый Прокаженный.

Второй Прокаженный.

Третій Прокаженный.

Четвертый Прокаженный.

Пятый Прокаженный.

Шестой Прокаженный.

Первая Прокаженная.

Вторая Прокаженная.

Третья Прокаженная.

Четвертая Прокаженная.

Слуга.

Между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ проходитъ около трехъ лѣтъ.

Комната въ больницѣ. Налѣво рѣшетка отдѣляетъ мѣсто для посѣтителей. На право окно—видно поле, покрытое снѣгомъ. Прокаженные въ больничныхъ халатахъ, многіе съ обвязанными головами и кистями рукъ, расположились гдѣ попало. Одни грѣются у топящейся печки. Двое прикурнули у стола и играютъ въ шашки. Нѣкоторые размѣстились на полу. Молодой прокаженный облокотился на окно и смотритъ на улицу. Старикъ съ обвязанной головой по складамъ читаетъ Евангеліе. Двѣ прокаженныя, старая и молодая, сидятъ на тубареткахъ и разговариваютъ.

Первая прокаженная (*старая*).

Вотъ ты у насъ первый день. Поживешь и увидишь. У насъ тутъ хорошо. Смирно и тихо.

Первый прокаженный (*охаетъ, лежа на полу*).

Второй.

Да ты не охай, береза. Пожалуюсь Софьѣ Семеновнѣ. Тебя въ отдѣльную запрутъ.

Первая (*второй*).

Это его березой прозвали за то, что весь бѣлой корой обросъ, что твоя березонька.

Первый.

Охъ, братцы, колетъ, горитъ, мѣста не найти. Вчера фельдшеръ пузыри мнѣ прокалывалъ.

Третій (*стоя у печки*).

Колетъ, говоришь? Горитъ, говоришь? А я вотъ зябну. Второй годъ зябну и ничего не чувствую, точно тѣло мое не тѣло, а дерево. Намедни спиной къ печкѣ сталъ, одежа на спинѣ загорѣлась и кожа почернѣла, а ничего не чувствую, горю и зябну. Кабы сидѣлка не замѣтила, сгорѣлъ-бы.

Первый.

Охъ, на часокъ-бы мнѣ одеревенѣть и боли не слышать.

Третій.

А мнѣ хоть-бы разочекъ боль почувствовать. Чтобы кольнуло или обожгло. А то я, что колода мокрая, все зябну.

Первая (*второй*).

Жалится, что зябнетъ, а отъ самого духъ теплый и приторный, точно трупъ разогрѣли. Мы его смердомъ завемъ.

Третій.

Молчи, трамбовка безпалая.

Первая.

Это меня трамбовкой прозвали за то, что ноги у меня во какія. Плохо тутъ, ежели у кого пальцы есть. Тотъ всѣмъ служи. А какъ у меня пальцы отвалились, мнѣ и спокойно. Живи себѣ да поживай. И чаю даютъ намъ вволю.

Второй.

Да, насчетъ чаю хорошо. Пей, сколько хочешь. А ты, новопришлая, какова будешь? Ручки, вишь, обвязаны. Чай тоже въ пальцахъ недохватка?

Вторая.

Нѣ-ѣтъ, пальцы у меня всѣ, только въ запрошломъ мѣсяцѣ таять начали.

Второй.

Какъ такъ таять?

Вторая.

Что твой бѣлый воскъ. Ни боли, ни чего. Такъ верхній суставъ и стаялъ, а ноготь остался, на второй суставъ насѣлъ.

Второй.

То-ли бываетъ. У насъ тутъ старикъ былъ, мы его черепомъ звали. Встаетъ онъ утромъ, видитъ: на постели рука лежитъ, по локоть. Анъ рука то его собственная. Омертвѣла и отвалилась. Ты еще отдѣльныхъ не видала. Насмотришься. Да и всѣ тамъ будемъ.

Крики.

Не надо, не надо.

Первая.

Не надо говорить о томъ, что будетъ.

Второй.

А какъ-же, братцы, новопришлую прозвать?

Вторая.

Меня зовутъ Марьей.

Второй.

У насъ тутъ нѣтъ именъ.

Первая.

Боимся мы своихъ прежнихъ именъ.

Второй.

Ужо найдемъ тебѣ произвище.

Первая.

Вотъ за столомъ сидитъ начетчикъ. Все писаніе разбираетъ, да въ грамотѣ слабъ и видитъ плохо, ему вѣки вывернуло наружу. А все читаетъ. Тамъ у окна молодчикъ прикурнулъ, изъ господъ будетъ. Язвой прозванъ. Все на улицу глядитъ и прохожихъ поджидаетъ. Зависть его гложетъ. А эта на полу—ползунья. У, страшная.

Третья.

Гм.... ы.... ы....

Первая.

Слышитъ, что о ней говорятъ. Голосъ пропалъ, горло провалилось, кости на рукахъ и ногахъ торчатъ, а слухъ сохранился. Ей-бы пора въ отдѣльную лечь, да никакъ угомониться не хочетъ. Ползаетъ, мокрица.

Вторая.

А что тамъ за рѣшетка?

Второй.

Это, видишь, для посѣтителей, ежели какому сродственнику или пріятелю задумается навѣстить кого изъ насъ, такъ чтобъ могъ видѣть насъ, какъ звѣрей за рѣшеткой. И видно, и не опасно. Да только попусту мѣсто огородили. Не приходитъ никто.

Первая.

Нѣтъ у насъ сродственниковъ, ни пріятелей.

Вторая.

У меня дома остались родители и дитя.

Голоса.

Не надо, не надо.

Первая.

Не надо говорить о томъ, что было. Ни къ чему.

Второй.

Вотъ развѣ сны одолѣваютъ.

Первая.

Плохо тому, кто себя видитъ во снѣ здоровымъ. А вотъ я и во снѣ вижу себя больной—мнѣ и хорошо.

Второй.

Звонка-бы къ чаю дождаться. Чайку—чаечку попить.

Четвертый (*у окна*).

Идутъ, идутъ.

Третій.

Еще кого завидѣлъ?

Четвертый.

Извощики за обозомъ. Такъ ножищами и шагаютъ, и руками по бокамъ похлопываютъ. На бородахъ сосульки, а рожи такъ и горятъ отъ мороза. Здоровы, здоровьемъ гордятся. И я былъ здоровъ, какъ вы. И васъ еще проказа возьметъ.

Крики.

Не поминай ее, не надо.

Пятый (*начетчикъ*).

Мало тебя Богъ наказалъ, что на людей шипишь? Смирился-бы.

Четвертый.

За что смиряться? Или я хуже этихъ верзилъ? За что они по морозу гуляютъ и снѣгомъ поскрипываютъ, а я гнію съ вами въ этой проклятой тюрьмѣ, и вонь вашу мышиную долженъ нюхать. Какое зло я сдѣлалъ? За что? За что?

Пятый.

Смирись въ своемъ униженіи. И ты не лучше насъ пахнешь.

Четвертый.

Молчи, со своимъ постылымъ смиреніемъ. О... о... о. Кабы сила моя. Только ночью отдыхаю. Все то мнѣ думается, что я невидимкой брожу по свѣту, захожу въ дома, въ церкви, на гулянья, всюду, гдѣ людей побольше. И всѣхъ, старыхъ и малыхъ, мажу рукой по лицу, и всѣ они проказой покрываются. Сперва пятна, а за ними и сыпь, и наросты, и нарывы, и узлы, и бугры, и лишаи. А тамъ, смотришь, и пальчикъ за пальчикомъ отваливаться началъ. Какъ они затрясутся, забѣгаютъ: лови, лови. А я себѣ смѣюсь въ бороду, невидимкой въ дверь, и въ другой домъ, въ третій... Пока весь городъ не обойду. Коли я въ проказѣ, то пусть всѣ.

Шестой (*лежитъ на землѣ*).

Хо-хо-хо. Славно.

Второй.

Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ. Отсюда, братъ, не уйдешь, а уйдешь, такъ на своихъ узловатыхъ ножкахъ далеко не отковыляешь.

Четвертый.

Безпремѣнно убѣгу. Какъ весна придетъ и насъ начнутъ на дворъ выпускать, убѣгу. Проберусь на паперть и буду руку протягивать. Кто милостыню подастъ, того и коснусь рукой. Онъ и заразится.

Шестой.

Хо-хо-хо. Онъ тебѣ грошикъ, а ты ему крымку. Ловко выдумалъ.

Пятый.

Обозлился ты. Гордость въ тебѣ ядомъ прокипаетъ. А казалось-бы чѣмъ и гордиться?

Четвертый.

Всѣхъ ихъ, всѣхъ до одного. О, какъ славно. И докторшу, и Альму Васильевну.

Второй.

Про Альму Васильевну молчи, не смѣй про нее.

Вторая.

Это про кого-же они?

Первая.

Альмы Васильевны не знаешь? Начальница наша. Пріютила насъ и кормитъ, и лечитъ. Неужто ты ее не видѣла?

Вторая.

Такая крупная и высокая?

Второй.

Нѣтъ, это докторша. Альма Васильевна тоненькая и свѣтленькая. Блаженненькая она.

Первая.

Безъ нея мы-бы гнили на большой дорогѣ или въ лѣсу, что псы паршивые.

Четвертый.

Хочу на большую дорогу, хочу жить въ лѣсу, только-бы васъ, постылыхъ, не видѣть.

Второй.

Туда тебѣ и дорога (*ко второй*). Альма Васильевна не гнушается нами. Она садится промежь насъ и разговариваетъ.

Четвертый.

Куражится она надъ нами, храбрость свою выказываетъ. Точно съ рогатиной на медвѣдя идетъ. Зачѣмъ она здѣсь? Что тутъ дѣлаетъ? Рядится и душится, только дразнитъ насъ. Жила-бы въ городѣ и на балахъ-бы плясала.

Первая.

И еще скажу тебѣ. Но это великое дѣло, и о немъ надо говорить тихо. Альма Васильевна похристосывалась съ нами.

Вторая.

Съ вами-то?

Первая.

Со всѣми, у кого лицо открыто. Пріѣхалъ попъ, прослужилъ всенощную, а потомъ она каждому изъ насъ дала по яичку и похристосывалась. Я отъ страху чуть не обмерла, когда она подошла. Бѣленькая, тоненькая, что твоя свѣчка горящая. Того и гляди, потушишь. Я и дышать перестала, и не помню, что было.

Второй.

И пахла-же она хорошо, что ландуша—цвѣтокъ.

Первая.

Я слышала, какъ ея платье шуршало. Шшш... ровно листья сухіе.

Третій.

Она была какъ ангелъ Божій, и я плакала.

Шестой.

Одно яичко она мнѣ дала, другое я изъ корзинки самъ утащилъ.

Четвертый.

Какъ подошла она ко мнѣ, я невзначай положилъ руку ей на затылокъ. Не играй, молъ, съ огнемъ.

Пятый.

Зачѣмъ тебѣ болѣзнь ниспослана, коли ты не смиряешься?

Четвертая (*молчала до сихъ поръ*).

Какъ я изблизи взглянула на нее, я все вдругъ вспомнила. И на мнѣ было такое свѣтлое платьице, и я была такая-же бѣленькая. Я въ церковь собиралась и волосы чесала передъ зеркаломъ.

Крики.

Не надо, не надо о зеркалѣ.

Вторая.

Почему они не хотятъ говорить о зеркалѣ?

Первая.

Не надо глядѣть ни на себя, ни на другихъ. Оттого ходимъ обвязанные. Случилось однажды, что къ намъ попало зеркальце. Всѣ мы поодиночкѣ входили въ комнату, гдѣ оно висѣло, развязывали головы и смотрѣли. Что было слезъ и криковъ.

Второй.

Тогда-то мы и узнали, что у однихъ изъ насъ лица звѣриныя, у другихъ, какъ у покойниковъ. Тогда мы чуть всѣ не ослѣпли отъ слезъ.

Четвертый.

Я слышалъ, какъ фельдшеръ потомъ зубоскалилъ. Приказы, молъ, отъ проказы. Прокаженные проказятъ. Не прокаженные, а проказники. О, всѣхъ бы ихъ до одного.

Четвертая (*плачетъ*).

Пятый.

Не думай о томъ, что видѣла, забудь. Богъ послалъ намъ тѣлесныя язвы, чтобы очистить наши души.

(*На порогѣ показывается Альма*).

Прокаженные (*радостно вскрикиваютъ*).

Альма Васильевна! Солнышко наше! Приходи къ намъ.

(*Альма входитъ въ комнату. Она въ простомъ бѣломъ платьѣ и въ перчаткахъ. Отъ времени до времени*

она нюхаетъ флаконъ съ духами. Служитель, тоже въ перчаткахъ, вноситъ за ней стулъ и уходитъ. Она садится среди комнаты).

Альма.

Отчего она плачетъ?

Первая.

Мы говорили о зеркалѣ. Она вспомнила и стала плакать.

Второй.

Мы плачемъ, когда вспоминаемъ.

Голоса.

Альма Васильевна. Разскажи намъ что нибудь. Или почитай намъ.

Альма.

Хорошо, я вамъ скажу сказку о томъ, что такое жизнь.

Первая.

Нѣтъ-ли веселенькой?

Альма.

Веселой не помню. Да и эта не грустна. Слушайте: Однажды царь послалъ на плаху шесть своихъ слугъ. Ему донесли, что они провинились въ тяжкихъ преступленіяхъ, а на самомъ дѣлѣ всѣ они были невинны. И они, неповинные, пошли на смерть, но каждый велъ себя по своему, прежде чѣмъ дойти до плахи, гдѣ ихъ поджидалъ

палачъ съ топоромъ. Я вамъ разскажу какъ, а вы разсудите, кто велъ себя лучше всѣхъ.

Голоса.

Говори, говори.

Альма.

Первый при видѣ плахи такъ затрясся и закричалъ отъ страха, что помошники палача должны были подхватить его подъ руки и ввести на ступени; когда-же онъ увидѣлъ топоръ, то совсѣмъ обмеръ и его положили на помостъ, скорѣе мертваго, чѣмъ живого.

Первый.

Я-бы умеръ отъ страху, взойдя на первую ступеньку.

Альма.

Второй для храбрости напился вина и пошелъ на казнь, крича во всѣ горло, распѣвая пѣсни и ругаясь. Онъ единымъ духомъ взлетѣлъ на ступени и, достигнувъ площадки, пустился въ плясъ. Насильно его уложили на доску, но и лежа, когда топоръ опустился на его шею, онъ еще приплясывалъ руками и ногами.

Шестой.

Ловко. Этотъ умеръ молодцомъ. Знай нашихъ.

Альма.

Третій, возмушенный несправедливымъ приговоромъ, пошелъ озлобленный и хмурый, всю до-

рогу бранилъ стражу и, взойдя на плаху, сталъ поносить несправедливаго царя и его совѣтниковъ. Когда-же помощники палача подошли къ нему, онъ бросился на нихъ, сталъ бороться съ ними и наносить побои, а одного съ такой силой швырнулъ съ помоста, что тотъ упавъ, расшибся до смерти. Наконецъ, его связали, и когда топоръ былъ занесенъ надъ его головой, руки его все еще были сжаты въ кулаки, и пѣна клубилась вокругъ рта.

Четвертый.

Не одного, а всѣхъ слѣдовало-бы побросать внизъ. Я вырвалъ бы у палача топоръ и сталъ-бы рубить куда ни попало, кого по плечу, кого по башкѣ.

Альма.

Четвертый, надѣясь на помилованіе, обращался къ стражѣ съ ласковыми глазами, доказывая свою невинность. Взойдя на плаху, онъ облобызалъ палача и его помощниковъ, потомъ опустился на колѣни, лицомъ къ царскому дворцу и со слезами сталъ умолять о пощадѣ, прославляя великаго царя и его справедливость. Такъ долго онъ плакалъ, молился и клалъ земные поклоны, пока палачъ, соскучивъ ожиданіемъ, воспользовался минутой, когда онъ прильнулъ лбомъ къ землѣ и отсѣкъ ему голову.

Пятый.

Вотъ этотъ умеръ лучше всѣхъ. Онъ встрѣтилъ смерть со смиреніемъ и, хотя самъ невинно

пострадалъ, но спасъ отъ царскаго гнѣва своихъ родныхъ и близкихъ.

Альма.

Пятый сказалъ: вотъ послѣднiй день моей жизни—надо имъ воспользоваться. Онъ надѣлъ лучшее платье, украсилъ себя цвѣтами и пошелъ въ сопровожденiи друзей, которыхъ просилъ пѣть веселыя пѣсни. Бодрымъ шагомъ взошелъ онъ на плаху, попрощался съ друзьями, дружелюбно улыбнулся толпѣ, полюбовался свѣтомъ солнца и видомъ полей и лѣсовъ, набросалъ на плаху цвѣтовъ, и легъ, прильнувъ къ нимъ лицомъ. Когда палачъ поднялъ руку, губы его еще улыбались, и онъ въ послѣднiй разъ упивался запахомъ цвѣтовъ.

Голоса.

Это хорошо. Безпечальный, Младенцъ сущiй. Надъ нимъ сѣкира, а онъ цвѣточки нюхаетъ.

Альма.

А шестой сказалъ себѣ: вотъ настало неизбѣжное—и спокойно пошелъ на казнь. Взойдя на первую ступеньку, онъ подумалъ: царь далеко и не слушаетъ меня; поэтому не стану напрасно умолять его. Взойдя на вторую ступень, онъ подумалъ: царскiе слуги безстрастны, поэтому не стану напрасно бранить ихъ. Вступивъ на третью ступень, онъ подумалъ: чѣмъ скорѣй я взойду на верхъ, тѣмъ скорѣе окончутся мои страданiя, а на четвертой ступени онъ подумалъ: но кандалы отягчаютъ мои ноги, поэтому не должно слиш-

комъ спѣшить. На пятой ступени онъ сказалъ себѣ: я знаю, что умираю невинный, и это грустнѣе всего. А на шестой онъ подумалъ: но развѣ было-бы лучше, если-бы я сознавалъ себя виновнымъ,—поэтому не стану слишкомъ грустить. А взойдя на площадку, онъ увидѣлъ палача съ топоромъ и сказалъ: нигдѣ жизнь не казалась мнѣ столь отрадной и свѣтъ солнца столь желаннымъ, какъ теперь, и это ты открылъ мнѣ цѣну жизни, о свѣтлый топоръ. Поэтому хочу я поцѣловать тебя, какъ лучшаго друга — и онъ прикоснулся губами къ стали и спокойный положилъ голову на плаху.

Голоса.

Этотъ лучше всѣхъ. Шестой лучше. (*Издали слышенъ колокольчикъ*).

Крики.

Къ чаю, къ чаю. Чайку попить. Спасибо, Альма Васильевна. (*Толпясь уходятъ. Кто поздоровѣе, тѣ помогаютъ безногимъ. Остается четвертый*).

Четвертый.

Ну, и что-же потомъ?

Альма.

На площади среди толпы стоялъ человѣкъ, знавшій, что осужденные пострадали невинно. Онъ обратился къ сосѣдямъ и сказалъ: Всѣ мы невинно осужденные на смертную казнь, и вся наша жизнь ничто иное, какъ восхожденіе на эшафотъ. Мы не знаемъ, кто изъ шести казненныхъ былъ

болѣе правъ, но мы видѣли кто лучше себя велъ. Тому и будемъ подражать.

Четвертый.

Пойти напиться чаю. (*Уходитъ, вслѣдъ за нимъ Альма. Сцена нѣкоторое время пуста. Входитъ служитель, убираетъ комнату, брыжжетъ изъ пульверизатора. Вскорѣ входитъ Софья Семеновна и Вета. Служитель уходитъ.*)

Софья Семеновна.

Здѣсь мы одни. Я должна поговорить съ вами раньше, чѣмъ вы увидите Альму.

Вета.

Что съ нею? Вы писали, что ей грозитъ опасность.

Софья Семеновна.

Скажите, Вета, писала вамъ Альма за эти годы?

Вета.

Рѣдко. Маленькія письма — вначалѣ покорныя грустныя, небесно нѣжныя, но въ послѣднихъ стало звучать торжество, какой-то странный спокойный восторгъ, какъ будто она готовилась къ смерти.

Софья Семеновна.

Она говорила о смерти?

Вета.

Нѣтъ, но мнѣ всегда казалось, что смерть стояла тутъ-же, когда она писала эти письма.

Софья Семеновна.

Упоминала она въ письмахъ о нихъ?... О нашихъ больныхъ?

Вета.

О прокаженныхъ?

Софья Семеновна.

Мы боимся этого слова и говоримъ о лепрозныхъ.

Вета.

Этихъ словъ не было, но въ письмахъ чувствовалось, что она писала на краю великаго ужаса.

Софья Семеновна.

Послѣднее письмо было когда?

Вета.

О, это послѣднее письмо! Тому уже мѣсяцевъ шесть или семь. Помню, оно было написано въ Свѣтлое Воскресенье.

Софья Семеновна.

Въ Свѣтлое Воскресенье?

Вета.

Да, ясно помню. Оно начиналось словами: «поздравь меня, сестра, я примирилась съ темной силой. Я пожалѣла ее и обняла, какъ сестру, я поцѣловала смерть и возвѣстила ей о воскресеніи».

Софья Семеновна.

Поцѣловала смерть. О, какъ это странно.

Вета.

Что странно?

Софья Семеновна.

Это пророчество. Послушайте, Вета. Вы сильнѣе меня, но то, что я вамъ скажу, такъ страшно. Если-бы вы знали, что я пережила, прежде чѣмъ рѣшилась обратиться къ вамъ. Я должна разсказать вамъ все, а между тѣмъ я боюсь сказать первое слово, потому что въ моихъ словахъ смертный приговоръ.

Вета.

Кому?

Софья Семеновна.

Ей, Альмѣ. И тоже мнѣ. Развѣ я смогу жить безъ нея? Слишкомъ я ее полюбила.

Вета.

Что случилось?

Софья Семеновна.

Я-бы хотѣла разсказать вамъ все сначала, но это невозможно. Вотъ уже три года, какъ вы не видѣли Альмы, и какъ я живу неразлучно съ нею. Вы не можете себѣ представить, какъ она измѣнилась за это время. Не то, чтобы она сдѣлалась другая, но прежнее смутное окристилизировалось въ ней, загорѣлось, стало прозрачнымъ, легкимъ. Въ первое время намъ довольно таки трудно было устроить это заведеніе. Нужно было все предви-

дѣть, впервые придумать—рутины для этого дѣла нѣтъ. Трудность ухода за лепрозными объясняется тѣмъ, что эта неизлѣчимая болѣзнь заразительна, хотя только черезъ прикосновеніе. Вы можете безъ опасенія сидѣть съ ними въ одной комнатѣ, разговаривать, но дотрагиваться до нихъ опасно. Представьте теперь, какъ трудно было устроить совмѣстную жизнь съ больными, которыхъ нельзя касаться, между тѣмъ, какъ ежедневно нужно обмывать ихъ, обвязывать. Сколько прислуги пришлось мѣнять.

Вета.

Неужели всѣ они неизлечимы?

Софья Семеновна.

Безъ исключенія. Въ этомъ весь ужасъ. У лепрознаго нѣтъ надежды. Медленно, но неизбѣжно его организмъ разрушается еще при жизни. Вначалѣ болѣзни это почти такой-же здоровый человѣкъ, какъ мы съ вами, въ концѣ—это почти разложившійся трупъ. Когда лепрозный умираетъ, онъ можно сказать молодѣетъ. Изъ трупа разложившагося онъ становится трупомъ свѣжимъ. О, Вета, какъ они несчастны.

Вета.

Они очень страшны на видъ?

Софья Семеновна.

Мы ихъ не видимъ, и они сами себя не видятъ — такъ это ужасно. Волосы, зубы, ногти

выпадаютъ. Кожа или разбухаетъ и толстѣетъ,— у такого лицо становится похожимъ на звѣриную морду, льва или носорога,—или-же кожа отсыхаетъ, и тогда обнажаются кости, и вмѣсто головы медленно образуется голый черепъ, или получается адамова голова. Нельзя перечислить, какія эта болѣзнь производитъ опустошенія. Она уноситъ рѣсницы, потомъ вѣки, потомъ глаза, губы, языкъ и горло, пальцы, кисти и самыя руки и ноги.

Вета.

И больной все живетъ?

Софья Семеновна.

Да, проклятіе болѣзни въ ея долговѣчности. Смерть не убиваетъ ихъ, а какъ будто точитъ на нихъ свою косу двадцать, тридцать лѣтъ и бросаетъ больнаго, когда отъ него ничего не остается.

Вета.

Почему-же они сами не убиваютъ себя?

Софья Семеновна.

Болѣзнь дѣйствуетъ такъ медленно, что больной забываетъ о прошломъ и примиряется съ каждой новой стадіей, какъ будто онъ въ ней родился; и наконецъ наступаетъ моментъ, когда убивать себя поздно—нѣтъ физической возможности. О, Вета, вы видите весь ужасъ? Вы понимаете?

Вета.

Вы плачете — неужели за три года вы не привыкли къ виду этой болѣзни?

Софья Семеновна.

За три года? Такъ вы не понимаете?

Вета.

Да, да, я вамъ сочувствую.

Софья Семеновна.

Несчастная, такъ вы не понимаете, что Альма— Альма заболѣла.

Вета.

Альма! Заразилась проказой! (*Пауза*).

Софья Семеновна.

Я боялась, что никогда не выговорю этихъ ужасныхъ словъ. Три мѣсяца они горятъ во мнѣ. Теперь я вѣрю, что мы на чемъ нибудь порѣшимъ.

Вета.

Она знаетъ объ этомъ?

Софья Семеновна.

Слушайте, какъ это было. Я съ самаго начала приняла на себя всѣ заботы по уходу за больными. Я боялась за Альму и старалась отстранить ее. На ея обязанности лежали аптека и кухня. Все остальное — перевязки, купанья, прогулки и ос-

мотръ—все я брала на себя. Но съ перваго же дня я замѣтила, что ее къ этимъ несчастнымъ тянетъ какая-то непонятная сила. Для меня это были неизличимо больные, за которыми я такъ ходила, какъ въ свое время ухаживала за тифозными и холерными. Альма-же видѣла въ нихъ какую-то странную тайну, черную бездну судьбы, отъ которой не могла оторваться. Пока я научила ее не снимать перчатки, когда она съ ними! Во время прогулокъ, и здѣсь въ комнатѣ она садилась среди больныхъ, прислушивалась къ ихъ жалкимъ отрывочнымъ рѣчамъ, или сама имъ разсказывала. А вечера мы проводили вдвоемъ. Она растирала лекарства, я шила. Часто она мечтала вслухъ. Ея мысли, слова—все стремилось къ одной цѣли. Она хотѣла достигнуть высоты и равновѣсія. Не знаю, понятно-ли это.

Вета.

Да, понимаю.

Софья Семеновна.

Странные то были дни и вечера. Двѣ одинокія женщины, безъ семьи, безъ привязанностей, среди снѣжныхъ полей, въ сосѣдствѣ съ колоніей прокаженныхъ. Кругомъ одиночество, уродство, ужасъ, а въ нашей душѣ такая красота и тоже ужасъ, но священный, тихій. Мы жили съ Альмой рядомъ, но переживали различное. Я съ каждымъ днемъ все болѣе начинала ее любить. Она, казалось мнѣ, становилось все равнодушнѣе и

дальше. Разговоры наши изсякли. Она по цѣлымъ вечерамъ молчала, и только по выраженію ея глазъ я догадывалась, какъ въ ея душѣ необычайно. Она какъ будто нашла разгадку чего-то, или готовилась къ невозможному. И вотъ насталъ тотъ роковой вечеръ, та ночь на Свѣтлое Воскресенье.

Вета.

Ночь наканунѣ ея письма?

Софья Семеновна.

У насъ принято на большіе праздники приглашать священника. Такъ было и тогда. Послѣ службы Альма спокойнымъ голосомъ объявляетъ намъ, что она рѣшилась похристосываться съ больными. Я бросилась къ ней, чтобы удержать, уговорить. Меня въ первую минуту охватила физическая брезгливость, непреодолимое отвращеніе. Не думая объ опасности и о послѣдствіяхъ, я чувствовала одно,—что Альма хочетъ совершить невозможное. Я была увѣрена, что послѣ первой попытки ей станетъ дурно и она убѣжитъ. Но когда я посмотрѣла на ея лицо, я остановилась. Я поняла, что она это совершитъ, и молча слѣдила за неизбѣжнымъ. И всѣ, кто былъ въ комнатѣ—священникъ, дьячекъ, служители, больные—всѣ, какъ я, стояли безмолвные и оцѣпенѣлые отъ изумленія, отъ страха, отъ умиленія — не знаю. Всѣ мы чувствовали, что передъ нами совершается что то роковое и великое.

Вета.

Васъ поразило въ ея лицѣ выраженіе рѣшимости?

Софья Семеновна.

Я часто думала о выраженіи ея лица въ ту минуту, но не могла подыскать подходящее слово. Если хотите, это была рѣшимость, но въ тоже время и дѣтская покорность, и строгость, и кротость. То была полнота выраженія, и потому отсутствіе всякаго опредѣленнаго выраженія. Въ одномъ я увѣрена, что она не видѣла ни насъ, ни больныхъ, что эти минуты она провела не среди насъ.

Вета.

И съ тѣхъ поръ она заболѣла?

Софья Семеновна.

Нѣтъ, эта болѣзнь долго гнѣздится въ крови, прежде чѣмъ проступаетъ наружу—иногда годы, иногда мѣсяцы. Но съ этого вечера я начала слѣдить за нею. Ходила къ ней въ комнату утромъ и вечеромъ, глядѣла сквозь замочную скважину, когда она брала ванну. И вотъ однажды — это было уже въ началѣ Августа—я зашла къ ней утромъ, когда она чесала волосы и стояла наклонивъ голову. Тогда я увидѣла на ея спинѣ, нѣсколько пониже шеи, пятно розоватаго цвѣта. Сомнѣній больше не было.

Вета.

Вы ей ничего не сказали?

Софья Семеновна.

Я убѣжала изъ дому и весь день проблуждала въ поляхъ. И вотъ три мѣсяца я живу съ этой мукой въ душѣ. Одно для меня ясно—Альма не можетъ жить обезображенная.

Вета.

Да, Альма должна умереть.

Софья Семеновна.

Я знала, что стоитъ мнѣ сказать ей одно слово, и она въ тотъ-же часъ покончитъ съ собою, но я не въ силахъ была сказать это слово. И вотъ у меня явилась мысль. Не лучше-ли избавить ее отъ мучительныхъ минутъ, не дать ей испытать отвращеніе къ самой себѣ. Признаюсь вамъ, я уже приготовила ядъ. Но не могла...

Вета.

Нѣтъ, нѣтъ.

Софья Семеновна.

И кромѣ того я все время надѣялась. На что, сама не знаю. На чудо. Вдругъ пятна исчезнутъ и она выздоровѣетъ. Но на дняхъ я опять увидѣла ея спину. Вокругъ перваго пятна появились два другихъ, побольше. И тогда я рѣшилась призвать васъ. Да, кстати, когда вы встрѣтитесь съ нею, сдѣлайте какъ нибудь такъ, чтобы не цѣловаться. Это опасно.

В е т а.

Мы съ Альмой съ дѣтства никогда не цѣлуемся.

Софья Семеновна.

Можетъ быть, лучше подождать, пока она сама замѣтитъ болѣзнь? Но вотъ чего я боюсь. Когда она догадается, она уже будетъ обезображена.

В е т а.

Это было-бы хуже всего.

Софья Семеновна.

И кто знаетъ. Съ нею можетъ повториться то, что бываетъ съ другими больными. Сперва она не будетъ вѣрить въ болѣзнь, а когда сомнѣваться станетъ уже невозможнымъ, она уже привыкнетъ. Альма привыкнетъ къ безобразію. О, эта привычка. Въ первыя недѣли я никогда не сливала образъ Альмы съ этою болѣзнью. Альма, какъ всегда, оставалась для меня воплощеніемъ красоты, а ея болѣзнь казалась чѣмъ-то внѣшнимъ, случайнымъ. Но повѣрите-ли, въ послѣдніе дни я стала ловить себя на томъ, что думаю объ Альмѣ, какъ о больной. «Больная Альма», а то даже просто «больная». Я сама начинаю привыкать.

В е т а.

Нѣтъ, Альма должна умереть, какъ жила:— прекрасная и свободная, въ сознаніи своей судьбы. Скажите ей, что я пріѣхала. Я ей все открою.

Вета.

Прошу тебя, не говори такъ.

Альма.

Тебѣ непріятно толковать о больныхъ. Разсказывай про нашихъ. Что Всеволодъ? Онъ пишетъ мнѣ аккуратно, но мало.

Вета.

Весь ушелъ въ пріютъ. Расширилъ его, изукрасилъ и таки добился, что на вывѣскѣ громадными золотыми буквами значится «Пріютъ Альмы». Я видѣла нѣсколько прошеній, гдѣ родители просятъ о принятіи дѣтей въ пріютъ святой Альмы. Такъ-то ты при жизни въ святыя попала. Да, онъ увѣренъ, что призналъ таки свою дочь. Синеглазая Оля показалась ему сильно похожей на тебя.

Альма.

Ты ее видѣла? Въ самомъ дѣлѣ есть сходство?

Вета.

Да, волосы и глаза какъ будто твои. Право, не знаю. Но онъ увѣрилъ себя. Теперь дѣвочка воспитывается у него въ домѣ и, вѣроятно, онъ ее усыновитъ. Варвара Борисовна въ восторгѣ.

Альма.

Какъ все это жалко. Разсказывай о своемъ мужѣ. Я по газетамъ слѣжу за его успѣхами. Онъ отдался церковной живописи?

Вета.

Да, наконецъ онъ нашелъ исходъ своимъ силамъ, прежде его мучило то, что онъ работаетъ для немногихъ, теперь онъ работаетъ для народа. И удивительно, что народъ оказался развитѣе столичныхъ цѣнителей.

Альма.

Народъ все понимаетъ. Его сужденія свободны.

Вета.

Я цѣлыми часами простаивала въ церкви среди богомольцевъ и богомолокъ, слушая ихъ разговоры. Все они понимаютъ—рисунокъ, колоритъ, значеніе символовъ. Помню, я смотрѣла на картину, гдѣ Магдалина стоитъ передъ судьею, держа въ рукѣ что-то круглое. Я уже собиралась спросить Владиміра, что онъ хотѣлъ выразить этимъ символомъ, когда сзади подошли двѣ бабы въ платкахъ и одна изъ нихъ, подпершись рукой, сказала: смотри—Магдалина. Она все отдала Богу и нечего у нея не осталось, кромѣ жизни, которую она держитъ въ рукѣ. Тогда я поняла, что этотъ круглый предметъ—яичко, символъ жизни.

Альма.

Нашъ народъ прежде всего великій эстетикъ. Я рада за Будаевскаго. Ты вдохновляешь его своимъ восторгомъ.

Вета.

Нѣтъ, Альма, его вдохновительницей была и осталась ты. Его уже упрекали въ томъ, что онъ

повторяетъ на всѣхъ картинахъ одно и тоже женское лицо. Пока ты здѣсь жила въ уединеніи, твои черты оживляли иконостасы и запрестольныя стѣны и колонны.

Альма.

Ты второй разъ производишь меня въ святыя.

Вета.

Когда Владиміру нужно приступить къ новой картинѣ, онъ всегда ждетъ твоихъ писемъ. Прочтетъ твое письмо и запрется въ мастерской.

Альма.

Какъ странно, Вета, что ты пріѣхала ко мнѣ теперь, когда я сама собиралась къ вамъ.

Вета.

Ты собиралась къ намъ?

Альма.

Я собиралась въ скоромъ времени покинуть этотъ домъ.

Вета.

Да, Альма, ты вскорѣ покинешь этотъ домъ.

Альма.

Я больная пришла къ прокаженнымъ, и ухожу отъ нихъ здоровая. Мой трудный искусъ оконченъ.

Вета.

Да, Альма, твой искусъ оконченъ. (*Пауза*). Но скажи въ чемъ заключался этотъ искусъ? Мы ча-

сто говорили съ Владиміромъ о твоемъ удаленіи сюда и никогда не могли понять, почему, ты, самая прекрасная изо всѣхъ, рѣшились жить среди самыхъ безобразныхъ. Неужели ты разлюбила красоту?

Альма.

Нѣтъ, не разлюбила, но мнѣ казалось, что я не смогу свободно любить красоту, если не примирюсь съ безобразіемъ.

Вета.

Мириться съ безобразіемъ, но зачѣмъ это?

Альма.

Зачѣмъ? Ты спрашиваешь такъ, какъ будто мы сами знаемъ, почему изъ всѣхъ путей выбираемъ одинъ, а не другой. Нѣтъ сестра. Наши желанія и чувства всегда рождаются нѣмыми и находятъ себѣ дорогу, не спрашивая и не разсуждая, а повинуясь какому-то безошибочному чутью. Все живое безмолствуетъ, а говорить можно только о томъ, что умерло. Жизнь молчитъ и только смерть болтлива, хотя люди думаютъ противное.

Вета.

Но теперь ты знаешь?

Альма.

Теперь, оглядываясь на прошлое, мнѣ кажется, что я что-то знаю. Мнѣ кажется, что мое бѣгство отъ людей, отъ всѣхъ васъ, само по себѣ

было ненужно и безцѣльно, что я ушла сюда, въ этотъ домъ прокаженныхъ, какъ уходятъ въ пустыню, чтобы закалить свои силы. Потому что я была слишкомъ слаба и не увѣрена въ себя.

Вета.

Но развѣ ты не могла избрать прекрасную пустыню?

Альма.

Ты все возвращаешься къ мысли о прекрасномъ. А знаешь-ли, Вета, что такое красота?

Вета.

Не знаю, но я ее чувствую и могу всегда ска зать, что прекрасно, что нѣтъ.

Альма.

Я скажу тебѣ, Вета. Красота это соединенiе радости и печали въ чемъ либо одномъ. Гдѣ радость и печаль встрѣчаются, тамъ возникаетъ красота. Но радости и печали, которыми люди жили до сихъ поръ, такъ ничтожны и непрочны. Они зависятъ отъ случая, отъ темной силы. Есть радость и печаль, надъ которыми безсильна судьба.

Вета,

Въ чемъ-же они заключаются?

Альма.

Они безсодержательны, потому что свободны отъ судьбы. Это—новыя чувства, которыхъ мiръ

не зналъ и которымъ принадлежитъ будущее. Одно можно сказать о нихъ, это то, что они— не любовь.

Вета.

Не любовь?

Альма.

Да, Вета, насъ учили до сихъ поръ, что величайшее благо любовь и отсюда наше рабство и безобразіе жизни. Любовь—это ограда, которая соединяетъ лишь тѣхъ, которые находятся за нею, но отдѣляетъ ихъ отъ всего міра. Будущее принадлежитъ не любви. Есть чувство болѣе прекрасное. Подумай, Вета: всѣ тѣ, кого принято называть благодѣтелями человѣчества, всѣ тѣ, кто насъ учитъ, воспитываетъ, лечитъ — всѣ они только тогда оказываютъ добро, когда относятся къ намъ съ равнодушной ясностью. Когда бредъ любви пройдетъ, жизнь превратится въ вѣчное празднество.

Вета.

Вотъ почему ты рвала всѣ привязанности?

Альма.

Да, но я была слаба и нерѣшительна. Въ будущемъ, когда мелкія перегородки, раздѣляющія людей, будутъ сломаны, свобода достанется легко и безболѣзненно. Но намъ, рожденнымъ въ рабствѣ, опутаннымъ, связаннымъ съ дѣтства, о, какъ трудно добыть ее. Если-бы ты знала, какъ тяжело мнѣ было разстаться съ Всеволодомъ, когда я по-

няла, что люблю только его. Какъ больно мнѣ было отказаться отъ своего ребенка. Но всѣ эти жертвы были напрасны. Чтобъ стать свободной, нужно было переломить себя, вырвать съ корнемъ всѣ инстинкты и привязанности, совершить нѣчто ужасное, мучительное, можетъ быть и безцѣльное.

Вета.

И ты ушла къ прокаженнымъ, чтобы переломить себя, а не изъ жалости къ нимъ?

Альма.

Какъ знать? Но одно мнѣ было ясно, что не могу имъ помочь, потому что ихъ болѣзнь неизлѣчима.

Вета.

Увы, Альма, она неизлѣчима.

Альма.

Я знала, что всѣ заботы мои и Сони не приносятъ имъ никакой пользы, потому что это живые мертвецы, которые должны заживо сгнить, не все-ли равно—гдѣ и какъ.

Вета.

Увы, это живые мертвецы.

Альма.

Можетъ быть, эта жертва нужна была мнѣ самой. Чтобы не бояться темной силы, я должна была пойти къ ней на встрѣчу, въ ея пещеру и тамъ сразиться съ ней.

Вета.

И также не изъ чувства жалости ты рѣшилась похристосываться съ ними?

Альма.

Тебѣ уже разсказывали объ этомъ? Ты спрашиваешь о самомъ загадочномъ. Можетъ быть, я хотѣла убить привязанность къ себѣ самой сдѣлать то, противъ чего возмущалась вся моя природа, обнять безобразіе, потому что ничего такъ не боялась, какъ его близости.

Вета.

И ты вышла побѣдительницей изъ этой борьбы?

Альма.

Да Вета, это я знаю. Я побѣдила, и вотъ почему я считаю, что мой искусъ оконченъ, и я хочу вернуться къ живымъ. Теперь я не боюсь ни себя, ни другихъ.

Вета.

Ты не боишься болѣзни?

Альма.

Моя радость при мнѣ.

Вета.

И смерти?

Альма.

И моя грусть при мнѣ.

Вета.

Какъ хорошо, сестра, что ты такъ закалена.

Альма.

И судьба надъ ними безсильна.

Вета.

Знай, Альма, что и я пріѣхала не по своей волѣ, а Соня вызвала меня. Она мнѣ написала, что великая опасность тебѣ угрожаетъ.

Альма.

И она просила тебя предупредить меня?

Вета.

Да, Альма. Въ тотъ вечеръ, когда ты цѣловала прокаженныхъ, ты сама заразилась ихъ болѣзнью. (*Пауза*). Соня видѣла у тебя на спинѣ пятна розоваго цвѣта. (*Пауза*). Первое пятно три мѣсяца тому назадъ, а другія недавно. (*Пауза*). Она не рѣшалась сказать тебѣ, зная, что ты не переживешь свою красоту. Сдѣлай, сестра, что нужно, я буду съ тобой до конца.

Альма.

Оставь меня теперь одну. (*Вета уходитъ. Альма нѣкоторое время размышляетъ молча. Потомъ звонитъ. Является служитель*).

Альма.

Позовите сюда больную, что сегодня поступила къ намъ.

Слуга.

Двадцатый номеръ? Слушаюсь. (*Уходитъ. Черезъ нѣсколько время является больная*).

Больная.

Дѣвушка послала меня.

Альма.

Кто здѣсь? Да, это вы. Подойдите поближе. Какъ васъ зовутъ?

Больная.

Прежде Марьей звали.

Альма.

Прежде, до болѣзни? А развѣ потомъ, какъ вы заболѣли, васъ стали звать иначе?

Больная.

Да я, барыня милая, не заболѣла. Это они все, подлые, выдумали. Проказная, да проказная. Другого я отъ нихъ слова не слышала.

Альма.

Кто они?

Больная.

Да наши дѣвушки. Завидно имъ стало, что Пéтра за меня сватался. Какъ пришла я на посидѣлки, Даша толстая стала поперегъ дверей и кричитъ: уходи, ты проказная. Фершалъ будто сказывалъ имъ. А въ хатѣ смотрю: стоитъ Петра. Къ стѣнѣ обернулся, будто оглохъ. Съ тѣхъ поръ и пошло.

Альма.

У васъ были родители.

Больная.

Мать и отецъ. И они меня въ избу пущать не стали, а посылали спать въ сѣни. Наплакалась-же я въ ту зиму. А я ничего не хворала. Здоровешенька была, какъ и всегда. Только вотъ лишаи. Такъ это отъ сырости.

Альма.

Какъ отъ сырости?

Больная.

Сыро у насъ больно. Деревня наша промежь озеръ лежитъ. Оттого и лишаи пошли.

Альма.

Какого цвѣта были эти лишаи?

Больная.

Коричневые, барыня милая.

Альма (*Растегиваетъ платье и показываетъ ей спину*).

Такіе они были какъ у меня.

Больная.

Ой, барыня милая, къ тебѣ знать прилипло. Такіе, точнехонько, такіе самые.

Альма.

Ты все время въ сѣняхъ и жила.

Больная.

Только одну зиму. Тамъ и ребенка родила. Да его взяли въ пріютъ. Потомъ меня посадили въ лодку, и на островъ отвезли въ ельникъ. Тамъ я пухнуть стала. Теперь-то, моя болѣзная, я тебѣ всю правду скажу. Лишаи-то у меня проказные, и заразилась я отъ коробейника. На ленты, да на зеркальце польстилася.

Альма.

Страшно было тебѣ одной на островѣ?

Больная.

Страшно родная. Зимой бывало страшно.

Альма.

А всетаки жила. Тебѣ не приходило въ голову покончить съ собою? Утопиться, чтоль?

Больная.

Некогда было топиться. Все думалось—успѣю. Надо было дрова рубить, крючки на рыбу ставить. Тоже свое хозяйство было. Только хлѣба и соли привозили мнѣ. Подъѣдутъ на лодкѣ, положатъ узелокъ на камень, да и отчалятъ. Разъ Петра привозилъ. Я изъ-за деревьевъ глядѣла, да боялась показаться. Ужь больно страшная была.

Альма.

А ты сама на свое лицо часто глядѣла?

Больная.

Станешь надъ водой, да посмотришь. Да еще то окаянное зеркальце у меня сохранилось, только въ зеркальце страшно. Въ послѣдній разъ на Благовѣщенье глядѣла. Больше нѣтъ смѣлости. Какъ умирать буду, такъ еще погляжу.

Альма.

Развяжи голову. Хочу видѣть болѣзнь свою.

Больная.

Что ты родная. Неужто никогда не видала?

Альма.

Нѣтъ, всего лица не видала, а только глаза и губы. У насъ въ больницѣ обвязанными ходятъ. (*Больная развязываетъ повязку и полуоткрываетъ ее.*)

Альма.

Довольно, довольно. Неужели я цѣловала этотъ ужасъ? Я видѣла свое будущее, и не въ силахъ была глядѣть на него. Можешь итти.

Больная (*Близко къ ней подходитъ.*)

Послушай, милая, что я тебѣ посовѣтую: не сказывай имъ про свои лишаи. Не къ чему. Они лютые. Кабы я, дура, молчала, такъ по сію пору въ деревнѣ жила-бы. Не сказывай, а за меня не бойся. Я скрытная.

Альма.

Они все знаютъ. Иди. (*Больная уходитъ. Альма открываетъ шкапъ въ стѣнѣ. Вынимаетъ больничный костюмъ и повязку, а также ящикъ для шитья, от-*

куда достаетъ ножницы, которыми отрѣзываетъ свои заплетенные въ косу волосы. Въ двѣряхъ показывается Вета и Софья Семеновна.)

Альма.

Соня, ты могла такъ долго отъ меня скрывать?

Софья Семеновна.

Я хотѣла продлить твою жизнь и свою также.

Альма.

Три мѣсяца ты жила съ этой мукой въ душѣ?

Софья Семеновна.

Меня-ли ты жалѣешь теперь.

Альма.

Нѣтъ, Соня, себя мнѣ жаль больше всѣхъ. Какъ долго призывала я свободу, и вотъ, когда она постучалась въ мою дверь, мнѣ некуда итти за нею.

Вета.

Никогда свобода не была нужна человѣку, какъ тебѣ теперь.

Альма.

О, жалкіе сумерки нашихъ намѣреній. То самое оружіе, которымъ я хотѣла побѣдить судьбу, оказалось бичемъ судьбы, и одно прикосновеніе къ нему смертельнымъ.

Софья Семеновна.

За что, Альма, ты наказана? Почему изъ насъ всѣхъ только ты? Вотъ насъ трое. Одна отвернулась отъ страданій, потому-то страданія не красивы.

Вета.

Нѣтъ страданій.

Софья Семеновна.

Смотри, какъ она цвѣтетъ. Другая пошла къ страждущимъ, разсчитывая и оглядываясь, и развѣ я не таже толстая, бѣлая, румяная Соня, что была прежде? Ты одна не скупилась на сострадані. Ты дала больше, чѣмъ требовалъ долгъ, чѣмъ любовь могла-бы мечтать. И ты одна наказана. Гдѣ справедливость судьбы? А если судьба не знаетъ справедливости, то кто справедливъ?

Альма.

Справедливость это—тусклый ночникъ, который освѣщаетъ одинъ маленькій уголокъ жизни. Мое несчастье слишкомъ велико. Я стою на самомъ порогѣ судьбы и мерцаніе справедливости до меня не доходитъ.

Вета.

Нѣтъ, Соня, есть справедливость у судьбы. Она мститъ за поруганіе красоты. Альма слишкомъ близко подошла къ безобразію страданій, и судьба ее наказала.

Софья Семеновна.

А вы, жрецы красоты, развѣ вы неприступны для страданій?

Вета.

Да, мы неприступны, потому что когда страданіе приближается, мы ограждаемся смертью. Про-

тивъ темной силы надо бороться темной-же силой. Противъ слѣпой судьбы—безсмысленнымъ ядомъ. Естественная смерть — величайшее изъ уродствъ. Когда-то Альма, ты не боялась смерти.

Альма.

Какъ хорошо, что я тогда не умерла.

Софья Семеновна.

Что ты сдѣлала со своей косой?

Альма (*Ветѣ*).

Отдай ее Всеволоду. Пусть онъ больше мнѣ не пишетъ. (*Беретъ повязку*). Вотъ я надѣваю повязку прокаженныхъ, и прощаюсь навсегда съ міромъ.

Софья Семеновна и Вета (*вмѣстѣ*).

Ты остаешься жить?

Софья Семеновна.

Альма, дорогая, подумай, что тебя ожидаетъ разложеніе при жизни.

Альма.

Есть незримая красота, и къ ней я иду на встрѣчу.

Софья Семеновна.

Твое лицо, твои руки покроятся наростами и струпьями, твое дыханіе—Альма, подумай — твое дыханіе будутъ заражать воздухъ. Твои глаза начнутъ гноиться и покраснѣютъ, какъ язвы. Твой голосъ будетъ походить на хрипоту и свистъ. Я

должна буду касаться тебя въ перчаткахъ. Я буду чувствовать къ тебѣ страхъ и отвращеніе. Нѣтъ, Альма, это невозможно.

Альма.

Но вѣдь ты и прежде знала, что есть прокаженные, покрытые струпьями и язвами. Какъ-же ты жила до сихъ поръ?

Софья Семеновна.

То были чужіе, а теперь опасность грозитъ тебѣ.

Альма.

Чужіе тебѣ, а не себѣ и не всѣмъ людямъ.

Софья Семеновна.

Что дѣлать, Альма, кто нибудь долженъ страдать.

Альма.

Я пришла, чтобы оправдать судьбу; если возможны радость и грусть, не подвластные случаю, я испытываю ихъ теперь. Въ больницѣ я легче повѣрю себѣ, чѣмъ если-бы жила въ городѣ среди роскоши и дружбы. А если свобода невозможна то стоитъ-ли жалѣть о случайномъ?

Вета.

Красота не случайна.

Альма.

Вета, не смотри на меня съ такимъ ужасомъ. Не знаю, когда и какъ, но вѣрю, что умру тихо, безъ страха и надежды, и безобразіе не коснется меня. О смотрите, они столпились у дверей и не

смѣютъ войти. Я покажусь имъ въ повязкѣ, они дерзнутъ. (*Идетъ къ двери.*)

Вета.

Ты зовешь сюда прокаженныхъ? Я не должна ихъ видѣть. Прощай, Альма.

Альма.

Прощай сестра. (*Альма уходитъ*).

Софья Семеновна.

Будьте спокойны, Вета, я знаю, что мнѣ остается дѣлать. Обѣщаю вамъ—сегодня вечеромъ она не будетъ больна. Вы останетесь здѣсь до завтра.

Вета.

Хорошо, останусь.

Софья Семеновна.

Можетъ быть, мы больше не увидимся. Обѣщайте мнѣ, что наша больница не будетъ закрыта.

Вета.

Обѣщаю вамъ, прощайте. (*Жмутъ руки другъ другу. Вета уходитъ. Софья Семеновна приближается къ дверямъ, откуда является Альма въ сопровожденіи больныхъ. Какъ только входъ освобождается, Софья Семеновна быстро уходитъ*).

Альма.

Не бойтесь меня, не стыдитесь меня. Я также больна проказой, какъ и вы.

Третій.

Прости насъ, окаянныхъ!

Второй (*показываетъ на Четвертаго*).

Вотъ твой лиходѣй, онъ нарочно тебѣ на шею свои пальцы положилъ, когда ты съ нимъ христосывалась.

Третій.

Злость его обуяла. Злобствуетъ. На всѣхъ свою нечисть перекинуть хочетъ.

Альма (*къ четвертому*).

Такъ это ты меня заразилъ? (*Пауза*). О, я понимаю. Ты боялся, чтобы я васъ не покинула. Ты хотѣлъ, чтобъ я вѣчно была съ вами. Ты заразилъ меня не по злобѣ, а любя. Не такъ-ли?

Четвертый.

Теперь мнѣ кажется, что я сдѣлалъ это любя.

Альма.

И ты достигъ цѣли. Отнынѣ я съ вами не разстанусь.

Четвертый.

Что ты будешь дѣлать среди насъ?

Альма.

Я постараюсь быть спокойной, не плакать и не радоваться.

Пятый.

Прежде всего смирись. Наказалъ тебя Богъ, нечистымъ сдѣлалъ твое тѣло, чтобы душу очистить страданіями. Здѣсь на землѣ будешь послѣдній, зато тамъ будешь первый.

Альма.

Нѣтъ, нѣтъ, ты говоришь о томъ-же, о прежнемъ. Не хочу суда, не хочу возмездія, не хочу награды. Я была молода, богата, красива, и все бросила, чтобы уйти къ вамъ. Я искала большой свободы. Неправда-ли друзья, вы свободнѣе другихъ. Вы не боитесь судьбы, потому что ей нечего отнять у васъ. Вы не боитесь людей, потому что они никогда къ вамъ не придутъ.

Четвертый.

Мы боимся самихъ себя.

Альма.

Когда вы оглядываетесь вокругъ себя, на судьбу, на прошлое, на будущее—неправда-ли вы видите священную пустоту, и вы свободны.

Четвертый.

Мы никогда не оглядываемся на прошлое или будущее. Мы боимся думать о вчерашнемъ днѣ. Мы измѣряемъ время сномъ и обѣдомъ. Вотъ скоро зажгутъ лампы и насъ позовутъ въ ванную.

Альма.

О, вы сами виноваты. Вы бы могли зажечь новый свѣтъ, отыскать новыя молитвы, вы, не знающіе надежды, всегда стоящіе на краю пропасти.

Софья Семеновна (*входитъ*).

Пора мыться. Всѣ въ ванную. Фельдшерица ждетъ. Ты, Альма, останься со мной (*Всѣ уходятъ, кромѣ Альмы*).

Софья Семеновна.

Ты остаешься здѣсь?

Альма.

Да, Соня.

Софья Семеновна.

Вотъ я принесла тебѣ лекарство.

Альма.

Но вѣдь болѣзнь неизлѣчима.

Софья Семеновна.

Можетъ быть. Все таки наука должна испробывать всѣ средства борьбы съ ней.

Альма.

Хорошо, дай мнѣ лекарство.

Софья Семеновна (*беретъ изъ шкапа стаканчикъ)*

Вотъ прими.

(*Альма выпиваетъ*).

Софья Семеновна (*наливаетъ другой стаканчикъ и подноситъ ко рту. Альма удерживаетъ ея руку*).

Альма.

Что ты дѣлаешь? И ты больна?

Софья Семеновна.

Скоро мы обѣ выздоровѣемъ и совсѣмъ.

Альма (*отнимаетъ у нея лекарство*).

Ты меня отравила?

Софья Семеновна.

Не знаю, простишь ли ты мнѣ это насиліе надъ твоей свободой, но я должна была спасти тебя.

Альма (*садится*).

Въ чемъ бы заключалась моя свобода, если бы я испугалась смерти?

Софья Семеновна.

Такъ ты меня прощаешь?

Альма.

Какъ отрадно неизбѣжное. Оно избавляетъ отъ необходимости бороться и дѣйствовать. Но ты, зачѣмъ ты хочешь умереть?

Софья Семеновна.

Неужели я могу остаться жить съ сознаніемъ что убила тебя?

Альма.

Мы обѣ знаемъ, что ты не убійца.

Софья Семеновна.

Жить безъ тебя. Нѣтъ, Альма. Ты мнѣ дала за эти годы новую душу. Ты открыла мнѣ глаза на вѣчное. Я не могу жить безъ тебя. Я слишкомъ тебя полюбила.

Альма.

Не огорчай меня въ эти священныя минуты. Не произноси это праздное слово «любовь». Дай въ первый разъ созерцать свободу, хотя бы въ мысляхъ.

Софья Семеновна.

А ты Альма, ты сама свободна отъ любви?

Альма.

Увы, я уношу на своей душѣ ея печать, какъ уношу на тѣлѣ пятно проказы. Я любила Всево-

лода. Я отличала его среди всѣхъ людей. Но во имя любви не отреклась отъ себя и въ этомъ моя гордость. Можетъ, быть, я вовсе не любила.

Софья Семеновна.

Я, Альма, отличаю тебя среди всѣхъ.

Альма.

Я была слаба. Я первая затѣяла борьбу за свободу. На смѣну мнѣ придутъ болѣе сильные. Будь, Соня, одной изъ нихъ.

Софья Семеновна.

Ты хочешь, чтобы я осталась жить?

Альма.

Если ты созрѣла для смерти, если ты ее призываешь, какъ великое освобожденіе, тогда умирай. Но если ты боишься пережить меня—О Соня, молю тебя, не унижайся до любви къ человѣку, кто-бы онъ ни былъ. Люби безличное, безсодержательное, нечеловѣческое. Пойми, когда то любили, потому что считалось нужнымъ ненавидѣть. Теперь не стало враговъ, не кого больше ненавидѣть и любовь должна умереть. Любовь къ тому, что умираетъ.

Софья Семеновна.

Хорошо, Альма, я остаюсь жить.

Альма.

Сядь и дай мнѣ положить голову къ тебѣ на колѣни. О, какъ я устала.

Занавѣсъ.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни. Спб., 1897. Цѣна 1 руб.

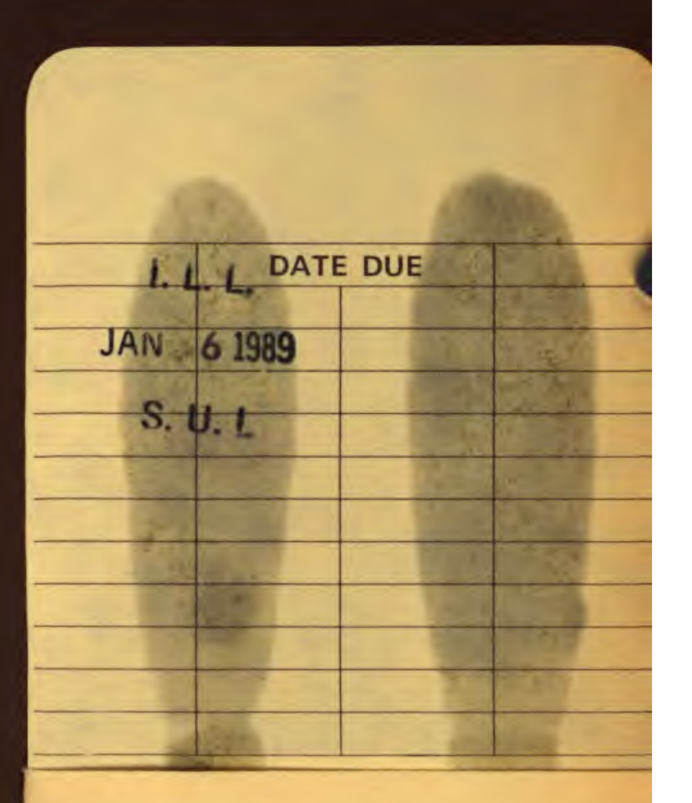
Стихотворенія. Изд. третье. Спб. 1896. Цѣна 2 руб.

Иліада Гомера. Переводъ размѣромъ подлинника. Москва 1896. Цѣна 75 коп.

Ибсенъ. Критическій очеркъ. Біографич. библіотека Ф. Ѳ. Павленкова. Спб. 1896. Цѣна 25 коп.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 23 Марта 1900 г.

Цѣна 1 руб.

I. L. L.
DATE DUE
JAN 6 1989
S. U. L